

Преображение страны, начатое Преображенским храмом в Острове, немислимо без векового патриаршества. Церковь – то роняя, то поднимая знамя – была сверх-успешной созидательной силой, рядом с которой петри-нистски-большевистские взбухшие на шее жилы вызывают только горькое сожаление о впустую потраченных великих силах, им невнятен язык, которым сказано: «Сердце чисто созижди во мне». Этим языком не принимаются бюджеты, не утверждаются правительства, не пишутся законы. Иов, Гермоген, Филарет, Никон, даже Иоаким вместе с другими создали железный корсет для переломанного в Смуту хребта государственности, под-держали осанку царя, подержав в своих руках скипетр и подставив плечо.

ОКОЛО
ОКИ

ОКОЛО
ОКИ

ОКОЛО ОКИ

Преображение страны, начатое Преображенским храмом в Острове, немислимо без векового патриаршества. Церковь – то роняя, то поднимая знамя – была сверхспешной созидательной силой, рядом с которой петринистски-большевистские взбухшие на шее жилы вызывают только горькое сожаление о впустую потраченных великих силах, им невнятен язык, которым сказано: «Сердце чисто созижди во мне». Этим языком не принимаются бюджеты, не утверждаются правительства, не пишутся законы. Иов, Гермоген, Филарет, Никон, даже Иоаким вместе с другими создали железный корсет для переломанного в Смуту хребта государственности, поддержали осанку царя, подержав в своих руках скипетр и подставив плечо.

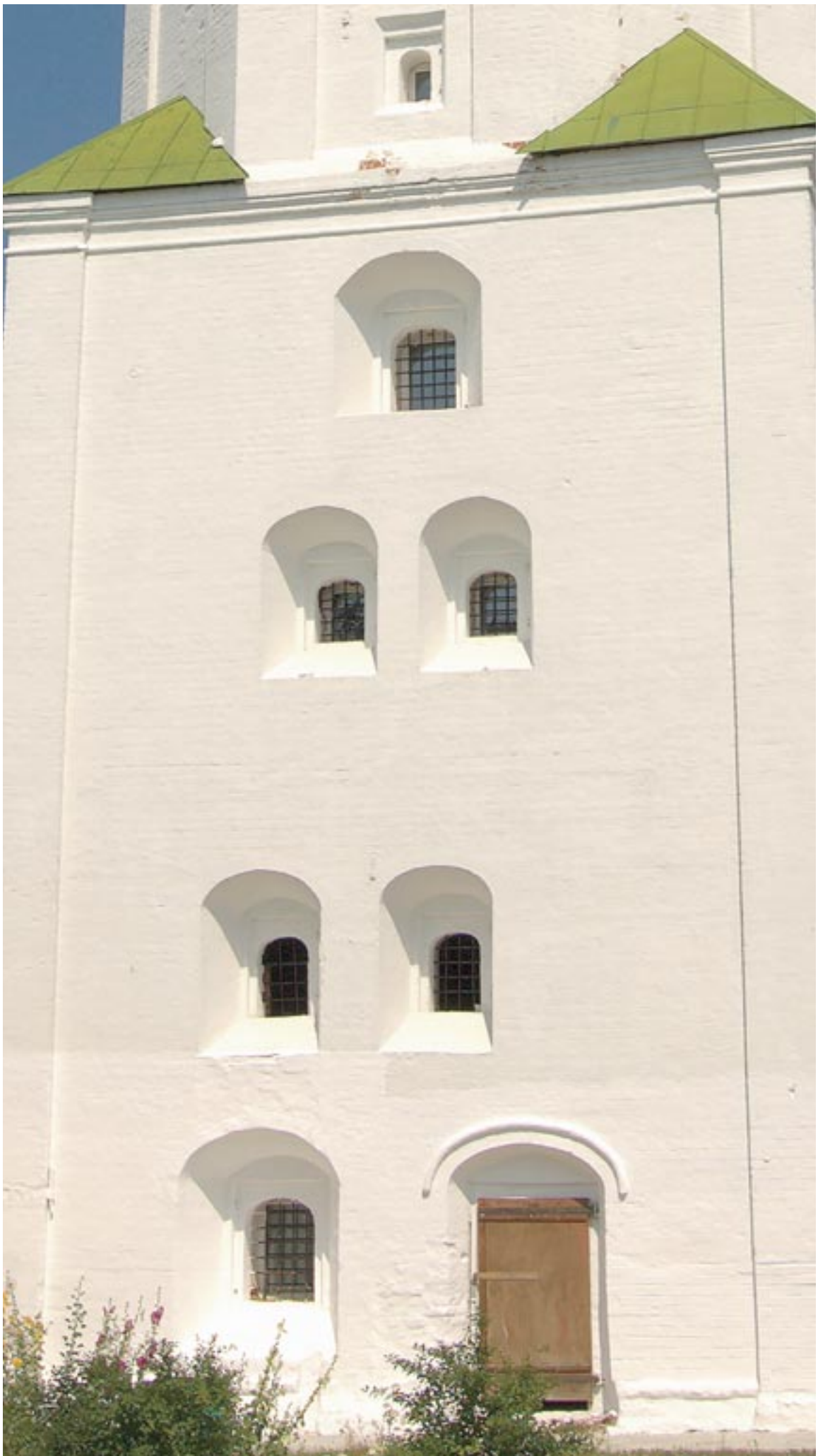
ОКОЛО
ОКИ

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ РОССИИ

Ноль
неподвижен

ОКОЛО ОКИ

ХVII век,
принятый
за основу

Валентиновка
Памятники исторической мысли
2023

Художник
А.Г. СТРОЙЛО

Около Оки. XVII век, принятый за основу.
2 изд. Валентиновка: Памятники исторической
мысли, 2023. 528 с.
МСКН 978-5-88451-375-4-2

И.Н. Кузнецов, фото, текст, 2005–2023
О.В. Новохатко, фото, 2005–2020
А.Г. Стройло, Einbandgestaltung, 2023
А.А. Шахова, архивные разьяскания, 2007–2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предуведомление	9
Нижний	33
Флорищева	99
Муром	131
Рязань	149
Географическое отступление	273
Серпухов	377
Анастасов	429
Никто не виноват. И делать ничего не надо	499

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Таланты Ильина, Кавельмахера или Вагнера неповторимы, поэтому название книги выбрано наиболее безответственное: нельзя надеяться объять всю Оку, даже если заранее смириться с тем, что непременно кто-то останется в обиде – потому что самое важное вовсе не отмечено, не упомянуто и не отражено, вроде глубины, своенравности, стремительности, полноводности, неведомой красоты, и классицизма нет, и про военное дело мало. Словом, коротко говоря, вообще ничего нет, что обязательно должно было бы быть, а оно будто бы специально оставлено за забором. Никакая это не Ока, а только около реки, неподалёку, куда дорога привела, рассмотреть то, что не очень на виду, то за уклоном прячется, то за углом, никак не попадётся, то голод гонит прочь, то обед туда путь загораживает.

Одна общая причина для выбора всё-таки есть: где-то рядом с Окой должно быть одно длинное слово и одно короткое. Семнадцатый век. Именно в XVII столетии спряталась загадка. Памятников много, но их очень мало, и они такие, что нельзя сказать, какие, хотя все узнают их сразу и набивают глаз с четвёртого примера. Стиля и манеры XVII века нет, потому что он не назван; образ есть, признаки есть, отличия есть, всё есть, а имени нет, как будто мать забыла назвать дитя и оно так и бродит триста лет бесфамильным и безымянным. А если приглядеться и дать себе труд честно отнестись к увиденному, то муть рассеивается и чистая вода позволяет на дне увидеть камушки, по которым ходить не опасно: это лучшие образцы здешней архитектуры, русской и древнерусской. В следующем (XVIII) веке она с оглушительной силой и выразительностью, порой превосходящей оригинал, сменилась западноевропейской, но суть замены была не в подражательстве новому и копировании чужого (тут ничего предосудительного усмотреть нельзя – всегда было, есть и будет, пока человек способен шевелить мозгами и учиться), а в исступлённом отпихивании своего и старого, в отряхивании праха его со своих ног, чтобы выучиться маршировать в строю впрёдбегающих: «Ведь немцы тороваты, Им ведом мрак и свет, Мы ж им отсыплем злата...». И как только XVIII, XIX, XX и XXI века замечали, что «Порядка-то как не было, так нет», появлялись героические всполохи, оставившие глубокие борозды в камнях истории, доста-

точно вспомнить Н.В. Гоголя и М.А. Врубеля в рядах сотен и тысяч, но то, забытое и отринутое, неназванное и смутно чаемое и у Гоголя, и у Врубеля, так и осталось не просто обгаженным пропагандой Петра I, а невольно преданным наследниками – не потому, что они оказались злонамеренны и нехороши, а потому что не образованны. И тут нет вины министров просвещения или нерадивых учащихся. Произвести арифметическое действие умножения труднее, если в национальном языке для обозначения цифр используются обычные буквы и вовсе нет понятия «ноль». Античный мир прекрасно обходился без «ноля» и всюду использовал буквы для счёта, и никто Аристотеля или Евклида мракобесом не ругал. Когда понадобилось, то ли китайцы у индийцев, то ли наоборот позаимствовали цифры с ноликами, потом поделились с арабами, арабы не стали таить их от будущих испанцев и прочих представителей Европы. Предательство – не в перетекании знаний и умений, технологий и ухваток, а в суетливой безвинной забывчивости. Не названо – значит не познано, не поименовано в списке, отсутствует в учебнике, да и было ли вообще? Недосуг было за всеми новшествами и передрыгами назвать архитектурный стиль, а если нет названия, то нет и вещи: как можно рассказать о том, что никак не называется? Вот эта штучка перед тем деревом? Так дерево давно сгорело, а штучку давно взорвали: когда нет названия, и горевать не о чем.

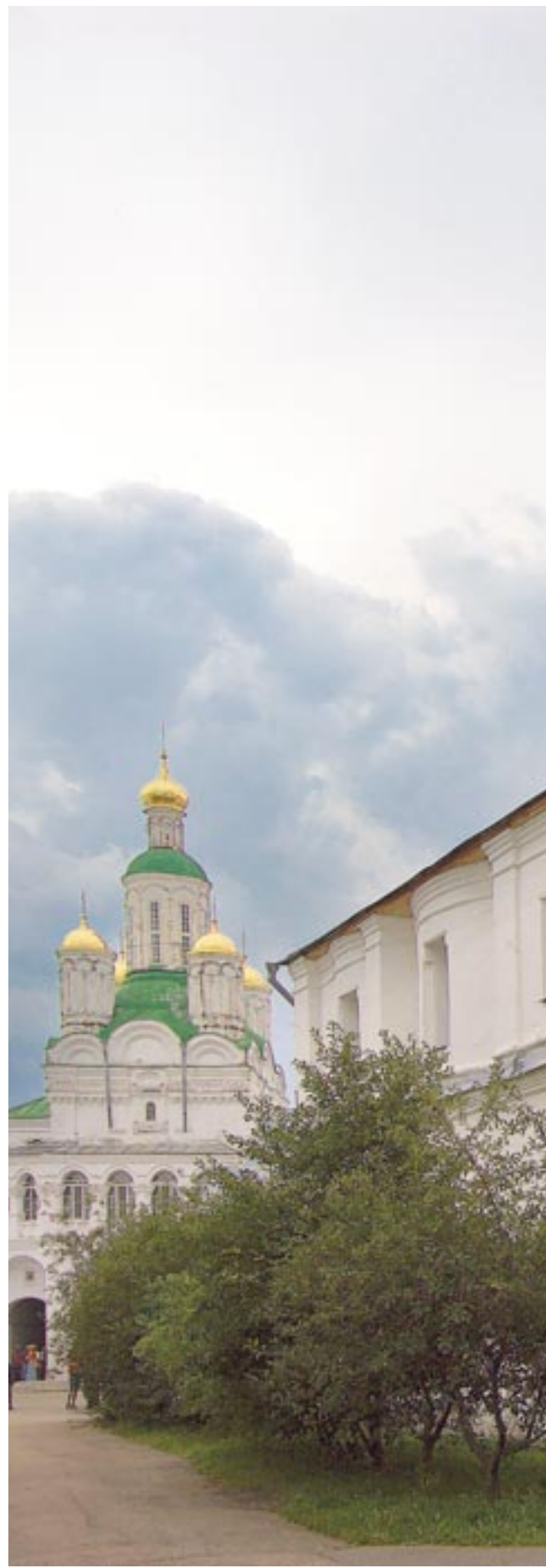
Иное дело с архитектурой. Кое-что уцелело. Без названий стиля, а стоит, иногда реставрируется.

Неопределённость, неустановленность пределов и границ не совсем безобидна. Безупречно звучит фраза «Какой прелестный классический портик». Сразу понятно, о чём речь, образ поднимается перед глазами, как фанерная мишень в прицеле. И как возмутительна фраза «Вот премиленький рундук под бочковатым покрытием». В голову лезет только глумливое живодёрство: симпатичного зверька посадили в конуру с дурацкой крышей. Мозг отказывается думать над конструкцией рундука и всё время подсовывает спинку бурундука вместо крыльца, ступенек, бочек, площадок в общем рисунке западного фасада тайнинской церкви; нет объединяющего определения – и всё рассыпается на детали, требует долгих описаний и объяснений.

Пока умные люди будут изобретать новое и ругать неловких предшественников, воспользуемся термином «ликующая архитектура». Он придуман реставратором И.Д. Любимовой, вероятно, тоже от осознания неправомерной немоты: видишь, торжествуешь, глаз горит, эмоция кипит и булькает за бровями, а наружу не выплёскивается, слова нет, одного объединяющего слова, которое работает как камертон для проверки правильности звука. Новый Успенский собор в рязанском кремле – какой угодно, но не ликующий, а Духовская церковь на задах Архиерейского дома – ликует, надо только к ней подойти с лаской, погладить её взглядом, присесть, тронуть рукой, постараться понять, и тогда – как у лемешевского Надира из «Ловцов жемчуга», «восторги без конца». Рассудку вопреки, наперекор стихии, – ликование этой церкви не имеет немецкого акцента и привкуса слова «Яbelnd», нет воздетых к небу рук на наличнике апсиды улейминской церкви, нет шума и крика, есть только спокойная и даже расчётливая радость, блюдущая достоинство: «Не могём, а мЧгем». Если асимметрию научить быть равновесной – то она вот тут опять,

Только ранним утром солнце через окошко под двумя северо-восточными кокошниками недолго что-то освещало на западной стене Успенской церкви и скоро переходило бы на северную, но толщина стен уже скрывала луч; хочется думать, что туда додумались повесить нечто отражающее с таким поворотом, при котором в праздничный день сама собой освещалась бы икона слева от Царских врат с образом Марии, а если подгадать по времени час литургии...
Но вряд ли, конечно, пустые мечты.

как всегда в XVII веке. Не просто криво, а так криво, что лучше, чем прямо, потому что прямой путь самый короткий только в геометрии, он скучен примитивной правильностью. 300 ровных колонн не лучше трёх ровных колонн, ритм не равен музыке, даже наоборот. Вопреки убеждениям математиков, красота не в цифре, элегантное уравнение неизмеримо меньше простых зримых решений, падающих на голову неизвестно как: попадание стрелой в маленький кружок на расстоянии ста метров наверняка подчиняется строжайшим фи-

зико-математическим и прочим законам и процессам, которые можно открыть и описать, но в момент отпускания тетивы срабатывает что-то иное, что и обеспечивает прицеливание. Вот это «что-то» не исследовано, почти неведомо, его надо взять за основу, потому что именно «Нечто» тогда обеспечивало архитектуре такое формообразование, которое позже редко кому давалось. Предположительно это нечто «внутриголовысядящее» должно или может быть сродни тому, что обеспечило взрывное, скачкообразное развитие России

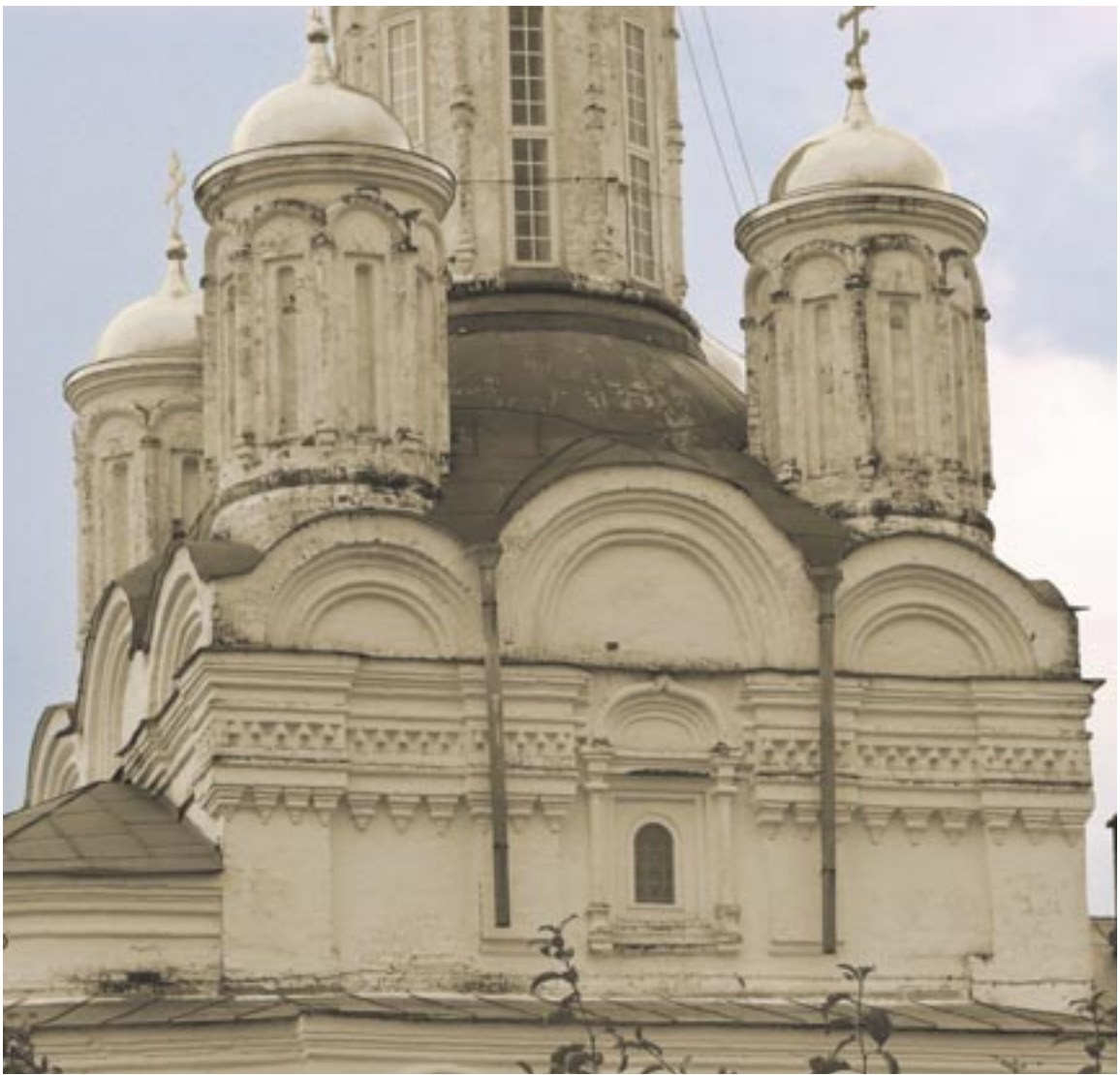
в XVII веке, не могла же такая субстанция через одну воронку слиться в головы только строителей и подмастерьев каменных дел и отделиться от других родов занятий. Вряд ли стоит надеяться, что найдётся слово, определяющее эту «электродвижущую силу» – каждое из них, уже известных, будет с тем или иным душком, которого как раз хотелось бы избежать. Единственный заборчик, который позволительно самому себе поставить – в попытке понять надо исходить из достоинств самого XVII века. У него уже был опыт XVI-го века и предыдущих, а опыта XVIII века ещё не было, поэтому за основу надо брать не взгляд сверху вниз, а горизонтальный, ровень. Это так просто, что почти невозможно исполнить. Микроскоп сегодняшний, а микробы, которые надо рассмотреть, давно сгнили, то небольшое, что осталось – камни, железки, слова, бумага и привычки, переданные без слов. Музеи, архивы и книги – пища, которую надо ещё найти и суметь съесть, а архитектура – то, что работает одинаково через века и тысячелетия, как китайские и корейские деревянные мосты: сберёг – пользуйся. Если в определённом месте подойти к кремлёвской стене и забыть, что она переложена после упражнений Баженова и многожды покрашена, то простое сужение поля зрения из-за расстояния до предмета в полметра – заставляет с ним считаться иначе, чем с изображением издалека. Важно качество обжига кирпича, количество каменных примесей, возраст извести и степень её твердости, толщина шва и геометрия кирпича, конструкция оконного перекрытия и петли на воротах, всё становится по-другому интересно и сами появляются другие слова, иное понимание стены и её значения. Часть мира, существующая в голове, изменяется: в картину вклинивается трёхсотпятидесятилетняя колокольня, которая меняет картину больше, чем шесть тысяч современных высоток, потому что у неё другой смысл и другая убедительность.

Сделать вывод из нижеизложенного невозможно, потому что всё несистемно, бездоказательно, довольно сумбурно и до некоторой степени «барочно», то есть пышно, превитиевато и чересчур длинно. Поэтому главную мысль надо успеть сказать сразу, без подготовки, аргументов, красноречия и ссылок на сноски с указанием литературы, а то как бы не забыть по дороге. Великая тайна XVII века раскрыта. Теперь всё ясно и с территориальным умно-

жением, и с имперскими замашками государей, и с пройденной за сто лет дистанцией от Бориса Годунова до Софьи Алексеевны, и с Никоном и Аввакумом, со старообрядчеством, несомненнопредставительной монархией, парламентами и демократиями, почти вплоть до Тимашова, с достоинством как государствообразующей категорией и качеством элит, которому всегда присущ осциллирующий характер – оно то ныряет на дно, то высовывается из воды по пояс, пугая окружающих то рыком, то ликом, а чтобы плыть ровнее, потребно не так уж и многое, просто обрести человеческое лицо и следить за собой. Эту великую тайну открывали много раз и столько же раз забывали, спотыкаясь о коротенькое слово: как?

Постепенно уходят в прошлое времена, когда можно было не стыдяться писать, что истинная история человечества началась с победой пролетариата; никто так и не объяснил, чем же он так хорош и почему всё прочее – суцья дрянь рядом с ним. В торжествующем убожестве всё меньше торжества и всё больше убожества, так что оно даже становится заметным не только тем, кто знает, как переводится слово «интеллигент» (нет, не про прослойку и не про повадку, а именно перевод). Теперь начало отечественной истории в общественной голове можно опустить до Петра I – от него есть пошло всё, а до него были только тлен, прах и поругание с великим трудом тлеющей жизни на пепелищах деревень и городов, сметённых монголоидами, терзавшими разных кривичей и вятичей с мерянами и прочими не одними только славянами. Та система координат, которая была создана эпохой Просвещения, нехороша одной особенностью: у неё подвижный ноль. Каждая крупная эпоха в просветительской системе координат двигает ноль направо, увеличивая количество отрицательных величин в растущей левой части, то, что вчера было +23, сегодня уже -47. То же приключилось некогда с христианством, потом, много позже, с коммунизмом: пожалуйста присесть, я отряхну прах с ваших ног, могу их и помыть даже, мы же и равны, и братья, и свободны от предрассудков и гордыни, простая шинелка с кепкой нам завсегда впору, станемте рядком и айда за мной, я знаю, куда ходить, только давайте всё вообще заново, из ниоткуда, то есть из головы, мы же умные и обогащённые знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Не так было раньше. Вологодский крестьянин XV века не сомневался в том, кто супостат, а кто благоверный, Иисус Христос был ему так же несомненно близок и понятен, как дед соседского мельника, плохое было плохим, а хорошее хорошим и сейчас, и тысячу лет назад. За воспроизводством и внушением простых истин следила церковь, которая в результате трудов просветителей (независимо от их собственных убеждений и намерений) утратила монополию на контроль за направлением формирования умов. Вода в церковном корыте накопила много ненужного, её и выплеснули вместе с дитём, которое пытались соблюсти в чистоте. Секуляризация оставила человека без присмотра, некому стало следить за формированием человеческого в человеке, педагогика, право и нравы не достают до зоны, где начинается мотивация. «Если Его нет, то всё дозволено». Без вопросительной интонации. Это так скоро стало ясно, что договорить до конца не решались и многие просветители, предлагая умственные рецепты замены, с удивлением обнаруживая, что человек – всё-

таки не машина, он сложнее и хитроумнее устроен, что кое-что в той «гадине», которую следовало раздавить, было и пригодное, а если так, то к чему же топтаться на месте, может, не стоило и давить? У двухвековых умствований помимо прямых и всем известных последствий в виде развития наук и искусств было и одно (по крайней мере одно) незаконнорожденное дитя, как гнусный виконт в «Графе Монте-Кристо». Опрокидывание просветительской мысли в пустое корыто политической злободневности произвело на свет зыбкую, бодрящую умы и по сей день формулу, застрявшую в нескольких конституциях: свобода, равенство и братство красуется на многих знаменах.

Одним из первых невольный обман заметил немецкий пастор Иоганн Готтфрид фон Гердер уже в конце XVIII века. Очень простая, очень понятная и аппетитная троика была неопровержимо убедительна: свободный брат равен королю и наоборот. Последние-то станут первыми, а вот что станет с первыми? Минутное путешествие по улице убедит любого в том, что никто не равен никому, что его свобода ущемлена свободой того, кто рядом, что братская любовь неминуемо ведет к неутешительному диагнозу и госпитализации. Поэтому Гердер, наблюдавший французскую революцию издалека,

и сокрушался, что лучшие люди свои самые лучшие годы и силы, всё тепло своих душ отдают в жертву фальшивой Елене, нет в ней никакой привлекательности, она просто жалкая кривляка с плохими манерами и избыточным макияжем, вся эта революция, это миф, неправда и выдумки, равенство недостижимо, для свободы мало обрушения оков, братство граничит с идиотизмом несмотря на прекрасные стихи Фридриха Шиллера, с которым он был очень хорошо знаком, как и с И.В. фон Гёте, который уже написал про злого творца добра, который легко палиндромически оборачивается добрым творцом зла, причём и то, и другое – и вольно, и невольно. Он же, бывший некоторое время подданным Российской империи, на излёте эпохи Просвещения придумал и альтернативу этой фальшивой Елене. Парламентаризм и все современные формы демократии, вылезшие из корзинки, сплетённой просвещенческими лозунгами, в позе атакующей кобры покачивающиеся и готовые впрыснуть яд в того, кто покусится на незыблемость устоев фундамента всякой власти, неразрывно связан именно с этой простой глупостью, рождённой детским неразумием и малознанием: волю можно завернуть в избирательный бюллетень и делегировать кому-то, депутатскому делегату или делегатскому депутату, верифицировав его послушность партийной принадлежностью, которая сама по себе гарантирует его приличное поведение, потому что снабжена проверенной идеологией. Альтернатива, предложенная Гердером, не обладает сладкой леденцовой липкостью «свободного равнобратства», но смертельно опасна для этой формы властного вранья, превратившего избирательное право в универсальный инструмент, которым надо только научиться пользоваться: ну если люди готовы тешиться избирательными фантиками, отчего бы им и не потрафить, пусть голосуют себе, на здоровье.

После революции он написал «Письма для поощрения гуманности», где речь как раз и идёт об альтернативе. У этого сочинения довольно унылая судьба, и не только в России: он него за версту веет назидательностью и постылой стариковской мудростью, которая никого двести лет не интересует и вряд ли заинтересует. Поощрение – это *Beförderung der Humanität*. Такое название для книги – всё равно что могильный камень, можно не трудиться ни писать, ни печатать. Но и «Страдания юного Вертера» – такое заунывное морализаторство и переживанчество, что зубы сводит. И там, и там – форма съела содержимое. А с этого античного мороженого надо бы сдуть пыль и развернуть, чтобы отведать, там есть чем насладиться.

‘*Beförderung*’ (‘поощрение’) – непереводаемо на русский, потому что сдержит корень ‘*fordern*’ – ‘требовать’. Имеется в виду не поглаживание по головке «Ну-ну, молодец, продолжай в том же духе», а принуждение к развитию в нужном направлении, сильной рукой, когда придётся – то и за волосы, нарочито, специально и твёрдо. И Гуманность (именно *Humanität*, а не *Menschheit* или *Menschlichkeit*, немецкий суффикс ‘-tät’ семантически охватывает большие поля, чем русский суффикс ‘-ость’ или ‘-ство’, в русском переводе теряется второй смысл – не только качество {-любие = мягкость, покладистость, снисходительность и эмпатия}, но и вообще всё, что делает человека человеком, то есть знание о человеке в самом широком понимании знания) – это не человеколюбие, а человековедение, то бишь гуманитарная сфера

знания. Вот она, именно она и только она может и должна стать альтернативой религиозному окормлению, причём не вместо, а вместе с ним, просто потому что других источников нет, и вот это и будет (может быть) законное дитя эпохи Просвещения, берегущее тот родник, из которого пришлось напиться; и виконта де Кавальканти, паршивца и убивца, постепенно, понемногу надо проводить на пенсию, очень уж он гадок, но всё же живая тварь.

Мысль, закопанная в «Письмах...», стоит эксгумации: качество жизни общества сильно зависит от лучших людей общества, независимо от способа формирования этой группы людей, гердеровские «аристодемократы» никак вообще не связаны ни с выборами, ни с равенством, ни со свободным братством, ни с говорением в каком-то определённом месте, поименованном то

тингом, то хуралом, то говорильней на разных наречиях. Гердеру принадлежит открытие, что единственным способом выращивания лучших людей были и остаются гуманитарные занятия. Не занятия точными и естественными науками, а именно занятия гуманитарными науками, потому что у тех наук есть известный в то или иное время предел, например, невозможна скорость более скорости света, предел делимости материи – кажется, кварк, но не исключается и углубление, то есть измельчение. В гуманитарной области предела нет даже на нынешних уровнях знания. Нельзя развеселить историка лучше, чем сообщением, будто бы всё уже исследовано, узнано, написано и установлено, или так же потешить лингвиста открытием первоязыка, или литературоведа таинственным намеком героя, что, дескать, «не обо всём он тогда успел переговорить с митрополитом». Гердер открыл и ещё одну глубину: человек, знающий название и обстоятельства написания основного сочинения Бозция, не говоря уж о его содержании, очень существенно отличается от человека, который не знает, сколько было Пунических войн.

Влияет ли это на качество принимаемых управленческим сословием решений? Да, зависимость прямая и железобетонная с виброуплотнением для пущей прочности на изгиб. Если Розеттский камень – пустой звук, всё, пиши «пропало», сгинул калабуховский дом, умственный предел для этого сословия – свобода, равенство, братство, потом выборы, большинство, демократия и избирательное право для восьмилетних, потому что для них конфеты дешевле, и наконец, торжество маразма «No taxation without votation». Как свя-

заны определение и уплата налогов с голосованием? Где, в каком месте после голосования появляется основание для 27 копеек с пуда? Почему не 2 рубля? Или 3 копейки? Стало быть, разумность налога определилась где-то и кем-то ещё, не в результате голосования, а избиратель только согласился утопить тюки с чаем в Бостонском порту? Альтернативу парламентскому словоблудию и лицемерию придумать нелегко. Но если кто-то и может поставить такую задачу и предложить решение – то это люди гуманитарного знания, не атомные зоологи и не физико-математические химики, эта часть знания может только придумать искусственный интеллект, а вот что с ним делать – это уже епархия гуманитарного знания. Если не они, то это обязательно окажутся пыльные жулики из-под ковра, как сегодня – откуда-то же берутся люди, действительно принимающие решения. Единственное, в чём все едины – к выборам они не имеют никакого отношения, и вся новизна гердеровского решения в том, что и не должны иметь, болтовня про демократию прокладывает путь тирании – известно уже несколько тысяч лет. Но не всем. Для тех, кто выбрал резервацию выборов с удобными лепрозориями демократии, всё должно оставаться по-прежнему, это слишком полезное изобретение, чтобы просто так от него отказываться; верили ли же люди, тысячелетиями верили и сейчас не сомневаются в изобретении, будто кусок миллиардолетней земли может принадлежать человеку, редко живущему на этом куске хотя бы сто лет, чаще всего меньше – на самом-то деле сеньору принадлежит не земля, а право заставлять крестьян царапать эту землю плугом и отбирать плоды трудов за оборону от супостатов или дырявить её в поисках ископаемых полезностей для якобы общих нужд; ещё ни один своё с собой в могилу не унёс, буквально всё оставлено всем, а разговоры о собственности неплохо кормят толпы юристов.

Яркая, броская справедливость равенства как лозунга и политической практики подразумевает одну неявную и даже хорошо спрятанную предпосылку: горы не бывают одинаковыми, равенство достигается не наращиванием, а усечением, шарики и ролики в подшипнике должны быть не только равными, но и меньшими, чем подшипник, равенство – всегда часть чего-то большего, очень нужная, но часть. Братство и свобода – не более чем два ложа для шариков, внутри и снаружи, чтобы смазанная сладкими речами о справедливости машина легко катилась туда, куда правят взнесённые на козлы водители колесниц – лидеры, фюреры, вожди, цезари и рексы с сидящими впереди.

Какая сила выносит наверх или хотя бы поближе к верху того или иного вождедержца – «Про то ведает токмо един Бог!» Никаким «ндравом», одарённостью, силой, удачей или судьбой не объяснить, как крестьянин может стать властителем, временами превосходящим по влиятельности самого царя.

Никон, будущий патриарх, потерял детей. Оказался в монастыре, и что-то в это время створилось такое, что он стал видеть цель и перестал видеть препятствия. Лихом да страданием вот уже много тысяч лет никого не удивишь, однако же не всякому страдальцу беда придаёт такое ускорение и целеустремление.

Поскольку явление это (патриархи) штучное, редкое, начатое недавно, в конце XVI века и исчисляемое десятками, а не сотнями, предположим, что

он был человеком незаурядным, хватким, великоразумным и уж точно не глупее нас. Если нам доступно понимание, что «страна у нас большая, порядку в ней лишь нет», вряд ли это было тайной и для его современников. Не отличается особой оригинальностью, прозорливостью и свежестью также мысль о том, что процветание страны и народа зависит не только от выдающихся качеств слесарей и землекопов, но и от производительности труда тех, кто их и организывает, и направляет, и управляет, то есть от людей, которым по должности приходится быть лучшими, в античном переводе слова «аристократ», ныне зачастую девальвируемого до пошлого наименования «элита», поскольку вот как раз их-то никто и не избирал, и этот латинский корень в слове не подозревает, кажется, никто.

В случившейся в начале XVII века Смуте среди множества так называемых объективных причин не последнее место занимает пресловутый субъективный фактор. Подвиги многих героев под знаменем погибшего мученической смертью патриарха Гермогена меркнут на фоне бескрайнего моря самого наипаскуднейшего предательства, порождённого простой жадностью до денег, ничтожностью духа, скудоумием, слабостью характера и прочими малохристианскими недобродетелями, причём речь не о слесарях и землекопах, а именно о «лучших» людях, из бояр да князей, от их малодушия спасало мужество «худых», низших людей. Наша Смута уникальной не была, по всей Европе творилось примерно то же самое, и лекарства были схожи, но там Возрождение и Просвещение длились по двести-триста лет, сменяя друг друга, а у нас от силы лет по семьдесят: Возрождение от возвращения патриарха из польского плена в 1619 году до заточения царевны Софьи в 1689 году, и семьдесят лет до воцарения Александра I с некоторым усилием можно считать местной эпохой Просвещения. Усилие связано с тем, что всё просвещенческое приехало с Запада и насаждалось путём втыкания в мёрзлую землю ростков не того, не там и не тогда, когда была бы возможность завязаться и выжить плодам, а местные ростки были вытоптаны, оплёваны, разорены и осмеяны. Пётр не без успеха корчевал самое главное – достоинство человека, и немало в этом преуспел. Во введённой Табели о рангах самая большая дистанция была перед самым низшим чином: честь начиналась и считалась лишь между этими Четырнадцатью, а под ними – чернь и сволочь. Это его завоевание оказалось самым крепким – стоит в веках неколебимо и, вероятно, будет стоять. Достоинство – это для тех, кто «много об себе понимает», нам оно ни к чему, нам бы попроще чего, про равенство да про свободу. Оно предполагает правильное структурирование общества, где честь торговца морковью на наплавном мосту – такое же правомерное понятие, как честь князя или боярина. Равенство и свобода мыслимы только в бесприютном обществе, где нет границ, которые не стесняют человека, запирая его, а отгораживают от буйных внешних ветров, защищают и обеспечивают благополучие и покой: структура благотворна, а бесструктурность разрушительна. Насаждаемая чуждая структура так же вредна, как бесструктурность. «Это что же, каждый может мне на спину плюнуть? – Ну да, ты же можешь!»; и тогда только сила примитивно структурирует общество, заново в тысячный раз изобретая и этику, и этикет как объяснение и облегчение коммуникаций. Последствия петровских разру-

шений структуры – отсутствие в веках названия, обращения к женщине или мужчине в русском языке. Кроме обезьяньего «Эй!», есть только обозначения принадлежности к группам без индивидуализации, ‘господин’ и ‘товарищ’ одинаково безвольно висят на рукавах, как полуоторванный погон на последней нитке. Лучшее, что начинает застревать в обиходе, – ‘барышня’, но надо быть заранее уверенным, что так поименованная особа хоть что-нибудь освоила из литературы XIX века, а то недалеко и до греха.

Шевелить структуру в любую сторону Петру помогала полная свобода в обращении с церковью. Дикие выходки (вроде личного участия в написании собственной рукою матерных литургий с употреблением соответствующих глаголов и существительных) яркостью варварства затмевали более существенное: Просвещение в Россию ещё только заглянуло одним глазком, а сознание самого главного властителя уже секуляризовано, и этот пустяк не может ускользнуть от влияния двора; то, что должно было стать результатом, явлено при самом начале без объявления войны, победа назначена и состоялась с упразднением патриаршества и одновременным запретом на подачу челобитных.

Что важнее – запрет или упразднение, сказать трудно. Оба хуже.

Хуже тем, что остановлены были два русла одного потока. Челобитные (петиции) в рамках приказной системы выполняли жизнеустроительные судебноподчинительные задачи управления сверху вниз и наоборот (пример: чтобы получить на год должность воеводы, стольник должен подать служебную челобитную в Разряд, а население на его воеводство может отреагировать своей докладной челобитной туда же); это тот самый способ организации обратной связи в управлении, который неудобопонимаемо заменён делегированием полномочий депутатам парламентов, где вместо решения дел, нужных населению, забота о нём заменена на мелкие придирки к подготовке бюджета, законотворческие шедевры изящной литературы на птичьём языке и редкие всхлипы по поводу формирования правительства. Второе – сложнее и ещё важнее. Во время Входа господня во Иерусалим вайями приветствовали Царя славы, который нёс избавление от страданий и осуждён был на муки как устроитель новой жизни. Назарянин, Царь Иудейский в силах был настолько могуч, что противостоял ему сам прокуратор после синагогии. Эта сила была отнята у церкви учреждением Синода как министерства православия, подчиненного только одному царю, и это ещё уничтожение ещё одного (главного) способа организации обратной связи в управлении – печалование о бедах паствы, собранное и персонифицированное в главе церкви, обладающем неограниченными полномочиями, ограничено только молитвами.

Может ли церковь функционально конкурировать с парламентской демократией? «Ходить по газонам стыдно и грешно»: табличка на газоне Лужецкого монастыря. Вполне светская норма подпёрта высокодуховной мотивацией – не пошёл по траве, и не согрешил. Добродетели не прибавилось, но и не убавилось. Потенциал патриарха несопоставим с потенциалом парламента: умы, воли и мотивации нескольких сотен людей, собранных на определённый срок, не умножаются традицией десятков поколений за спиной, самый свежий выпускник семинарии, только что рукоположенный во священ-

ники, больше знает о жизни уже только потому, что ещё помнит, за что Каин убил Авеля. Знает ли об этом юридическом казусе Управляющий делами парламента – уж наверняка. Но он не голосует. А депутатам не за это платят жалованье.

В истории остался пример такой конкуренции жизнеустроительных интенций – архитектура Ростовской-Ярославской епархии XVII века. Митрополит Иона Сысоевич составил эпоху в отечественной архитектуре. Это не один ростовский Архиерейский дом, это ещё Улейма, Борисоглебский монастырь, Углич, Ярославль и так далее. Почти сорок лет он устраивал жизнь своей епархии по заветам патриарха Никона. Наказ патриарха отчётливо виден и поныне: над церковью Дванадцати апостолов в Кремле кресты над куполами – семиконечные, считая от нижнего, а не восьмиконечные, как обычно. И дело не в специфических представлениях о дизайне крестов, это намеренное, продуманное послание из глубины веков. Кийский крест, два кипарисовых образца которого Никону привезли из Иерусалима, заключал в себе десятки вкраплений мощей святых, твёрдо поделённых на две группы: слева и справа по вертикали разделённые, из духовного сословия и миряне. Символическое значение отсутствия вертикальной верхушки – равночестность и равновеликость духовной и светской ветвей власти. Не возвышение одной власти над другой, не мифическое регулирование одной парламентом, а симфония властей. Случайно такие нововведения в столь важную вещь, как Крест, не делаются, есть и умысел, и замысел, и смысл. В конце XVII века, незадолго до Стефана Яворского, патриарх перестал быть государем, не перестав быть великим. Титул «Великий Господин» явно знаменовал собой не уменьшение господства, а уменьшение именно величия: царь вернул себе превосходство, просто отняв у института патриаршество то, что создавал Никон – структуру власти, учреждения власти, начав движение, завершённое Екатериной II во второй половине XVIII века. Староверы ополчились на «ревнителю благочестия» не только из-за обрядовых нововведений. Сомневаться в искренности истовой веры Аввакума и других не приходится, а страсть и готовность терпеть муки подтверждают: речь шла о самых важных вещах, количество пальцев и направление каждения – дальние отзвуки грома, раздавшегося где-то далеко, в самых важных местах, где перемены обижали не сирых служителей, а Его самого. Вот где нестерпимость боли – не за себя, а за Него.

Яснее, чем Аввакум, уже не скажешь.

Никон строил созидание лучших людей не увещеваниями или исправленными книгами, а возведением новых структур духовной власти, параллельных царским. Начиналось это ещё при Филарете и продолжалось, пока Алексей Михайлович мог терпеть. Подданным не трудно содержать две структуры власти, а просто невозможно, и государю это терпеть невместно. Староверы бы сдюжили, и не такое бывало. Но! Параллельностью структур Никон в погоне за инструментом улучшения гуманитарного материала уподобил духовную власть светской, снабдил своими приказами, обложением, судами, боярами, свитой и прочим, что для верующего человека означало немислимое, неслыханное снижение роли не церкви, а Бога. Старообрядец и поныне живет

и работает так, как живёт и работает, не потому, что голосовал за конституцию или депутата, не потому, что опасается околоточного надзирателя или судебного пристава, а потому что есть Устав и Завет. Воровать нельзя не потому что поймают и накажут, а потому что нельзя. Для никониан церковь – очень уважаемый институт; для староверов – драгоценный сосуд веры.

Шекспировский трагизм фигуры Никона в истории лучше всего сформулирован в «Фаусте» И.В. фон Гёте. «Так кто же ты? – Я часть той силы, что без числа творит добро, всему желая зла». Если из всей силы грести одним этим правым веслом, нос лодки повернётся влево. Но если поменять руку и налечь на другое весло, нос лодки повернёт направо: «С такой же силой возжелав добра, мостишь дорогу в ад не только для себя». Строя монастыри, никониане с неслыханной эффективностью архитектурным рычагом пошевеливали рулевой вал всей институциональной структуры властной иерархии – от приказчика на кирпичном заводе до бояр Великого государя, они исправляли то, что должно исправлять общественные нестроения и устраивать общественное право в соответствии с самыми правильными правилами, заповеданными и несомненными. Получалось ли? Никола Мокрый, Иоанн Златоуст и Иоанн Предтеча в Ярославле подтверждают: человек сам так сделать не может, такие чудеса делаются очень большой идеей, работой и множественными талантами. Преображение страны, начатое в околодуновское время Преображенским храмом в Острове напротив Угреши, немыслимо не без третьего сословия, парламентов и борьбы за городские свободы, а без векового патриаршества. Это они, патриархи, и это она, церковь, то роняя, то поднимая знамя, была сверхуспешной созидательной силой, рядом с которой петринистски-большевистские взбухшие на шее жилы вызывают только горькое сожаление о впустую потраченных великих силах, а жестоковыйные парламентские бури не могут вызвать даже тени улыбки, потому что им невнятен язык, которым сказано: «Сердце чисто созижди во мне». Этим языком не принимаются бюджеты, не утверждаются правительства, не пишутся законы. Иов, Гермоген, Филарет, Никон, даже Иоаким вместе с другими создали железный корсет для переломанного в Смуту хребта государственности, поддерживали осанку царя, подержав в своих руках скипетр и подставив иной раз плечо. Став вторым Великим государем, патриарх уподобился Великому государю, – а это такое снижение значения, такая потеря лица, такое предательство высокого назначения, которое непростительно. Староверы и не простили. Пётр, Алексей, Макарий и Филипп – вот неугасимые лампы, а Никон замахнулся так высоко, что и упал навзничь. Его Новый Иерусалим – повыше Дворца советов будет, а не дразнил бы Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья и проч., – глядишь, и обошлось бы. Он, Никон, конечно, понимал, что его изобретением и детищем воспользовался Алексей Михайлович, и до самой кончины царя (в 1676 году) не простил его, не благословил, но так, вероятно, и не постиг, что те игрушки, которые отнял государь, пришлось ему впору только потому, что выструганы были рукой патриарха, взявшего в руки не посох, а топор и тесло. Иоанн IV Васильевич нравом был не мягче, чем Алексей Михайлович, но Филипп себя так, как Никон, не ронял.

Всего полтора века оставалось до И.Г. фон Гердера, который в очередной раз в новой стране (Германии) открыл истину, что усиление и увеличение количества гуманности не может пересекаться, не лежит в плоскости и области политических институций и общественных институтов. Отчасти поэтому настоящий интеллигентный человек чувствует себя обязанным всегда бранить любое правительство (можно и общество), точно и твёрдо зная, как его исправить, даже иногда без кровопролития. Но если количество гуманности увеличить, то он согласится и на кровопролитие, если щепки не пускать на воздух, лес не будет срублен; а срубить надо – из человеколюбия, для общего блага. Редко в какой стране додумывались до такого статуса главы политической системы (императора), как в Японии – вся его сила сосредоточена только и исключительно в гуманитарных качествах, которые доведены до высших мыслимых пределов, а исполнительно-законодательно-судебные подробности не так важны, как хорошая рифма или нота, не говоря уж про то, что можно сделать кистью, краской и словом – просто потому, что это самые сильные средства увеличения количества гуманности, если вообще не единственные. Это так просто, что для понимания нужны огромные, прямо-таки непосильные усилия ума, редчайшей субстанции, скупой процеженной через мелкое сито вроде бы и для всех, но редко кто берёт, нести трудно. Музыкальная школа важнее мастерской по производству отточенных клинков: она создаёт то, что они защищают, не будет её – клинки понадобятся только для почёсывания спины.

НИЖНИЙ

Из Макарьева Желтоводского монастыря добираться к Оке сухим путём надо через Бор, по другому берегу Волги, и лучше с картой, чтобы рассмотреть, куда двигаться.

Эта (нижеприведённая) карта обладает многими достоинствами, первое из которых – для использования требуется умовращение. Что Волга течет по стрелке куда-то не туда – ладно, а что за полдень в верхней части? Юг?

Карту надо повернуть и умом смотреть на просвет, чтобы опознать местность с точки зрения XVII века. Датировать её не просто. Стилистически она много старше карт Генерального межевания и ближе к манере и начертаниям букв скорописи XVII века; нижняя временная граница – 1735 год, поскольку он упомянут. Обширные вставки текста указывают на принадлежность сельскохозяйственных угодий группам людей – ямщикам, крестьянам, посадским людям, частным владельцам. Очень большое число среди свидетелей и источников сведений занимают священнослужители, так как они дольше исполняли свои обязанности, чем представители светской отрасли власти (как Федор Радилов, асессор, в 1749 году участвовал в розыске по делу христоверов в С.-Петербурге). Упомянут Дмитрий Васильевич Лодыгин – писец,

1	2
3	4

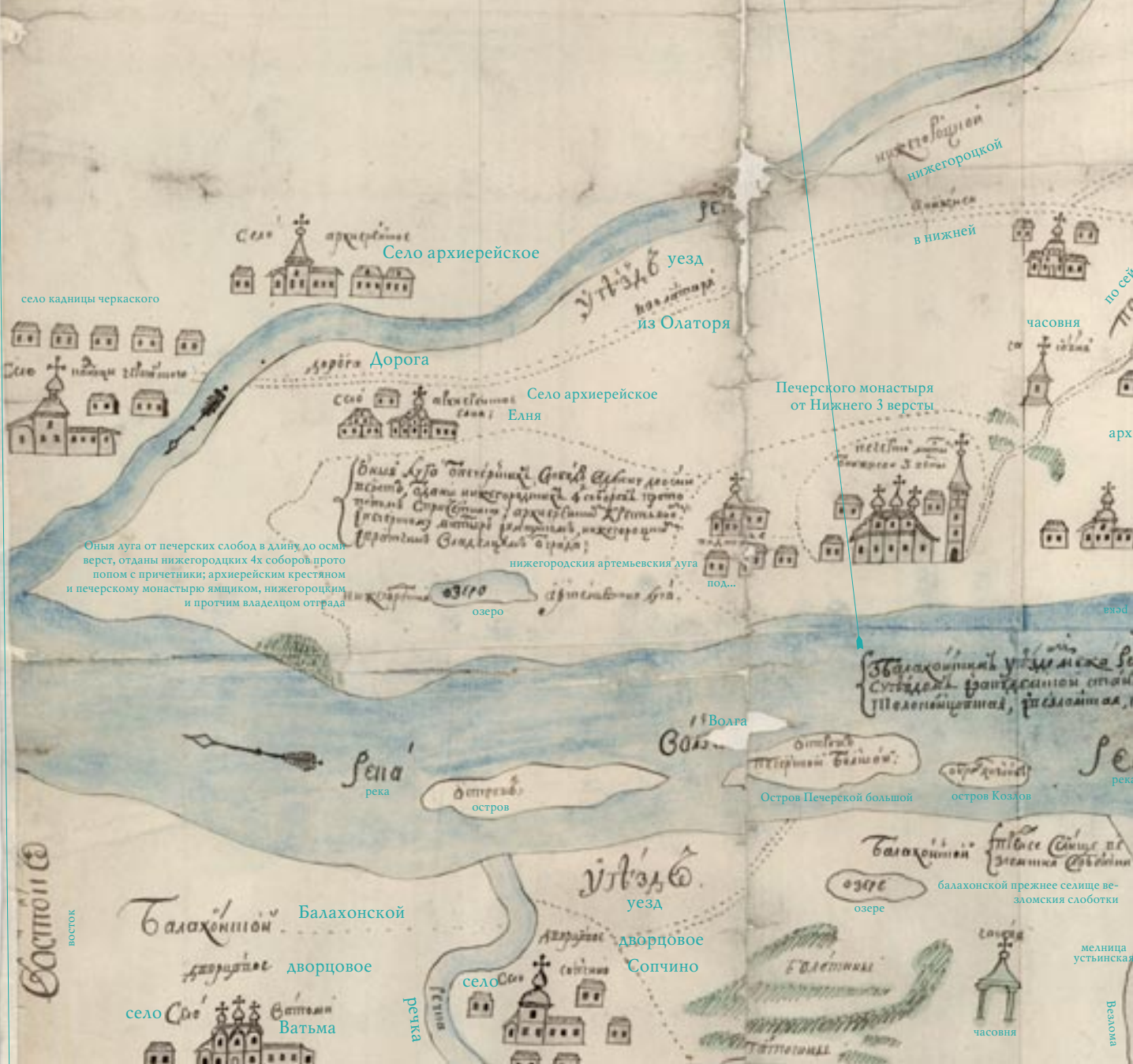

1	2
3	4

№ 1. Афонковской покос с прочими покосы по сотной грамоте, не по одним писцовым книгам написаны ... везломской слободке что ныне село Бор, а владеет нижегородской посадской человек Василий Жуков з братом назвав ей собою званием Жучиха;
 № 2. Пожня дьячья, а кто ею владеет о том верно могут показать по своим владениям нижегородския посадския люди; а ныне оных посадских владений оказалось до 27 четь, а не всего купечества; ... тех спорн... ных покосах имеютца владения а имянно, ... Вениамин епискуп ... ижегородкий и алаторской Благовещенского монастыря Архимандрит з братию; Духова монастыря Архимандрит з братиею; Макариева монастыря архимандрит з братией, Преображенского собору ключарь Федор Семенов; Благовещенского собору протопоп Андрей Григорьев с церковники; Знаменского собору поп Петр Михайлов с церковники; Живоносного источника поп Алексей Владимиров с церковники; церкви Иоанна Предтеча что на нижнем посаде поп Алексей Петров с церковники; церкви Казанския богородицы что на верхнем посаде поп Алексей Иванов с церковники; церкви Рождества богородицы поп Григорий Ефимов с церковники; церкви Алексея Митрополита поп Андрей Андреев с церковники; церкви Симеона Стольника поп Петр Павлов с церковники; дому Барон Господ Строгоновых служитель их Иван Шушпонов; отставной Мазор Афонасей Makeев; духовной консистории секретарь Иван Денисов и приказные служители; Розыской канцелярии засекретаря Василей Федоров; отставной секретарь Федор Фомин, нижегородской Губернской Канцелярии приказные служители городовых ворот воротники и пушкари; сибирского приказу ассессор Федор Радилев, благовещенския слободы собственные крестьяня Василей Карташов з братом и с товарищи; нижегородския земская охотники; вотчины графа Аполлоса Мусина Пушкина разных деревень крестьяня;

3 Балахонским уездом межа река Волга и уезд с уездом и закудемской стан; а с полунощную Толоконцовская, и везломская, копытовская, и

Дачи разнопоместных вотчин

Оныя дуга от печерских слобод в длину до осми верст, отданы нижегородских 4х соборов протопопом с причетники; архиерейским крестьяном и печерскому монастырю ямщиком, нижегородским и прочим владельцом отграда

Балахонский уезд межа река Волга с уездом закудемской стан; а с полунощную Толоконцовская, и везломская, копытовская, и

восток

Везлома

Полден
Юг

ы разны с полденную страну нижней нов град
страну Балахонской уезд и волость дворцовая
и село Бор;

мельница

Западная
За кудемской

река

стан

река

куда

село

ниж...й

Выгон нижегородского скота;

Пашня и покос нижегородских ямщиков

дорога

Чертеж ниж. кос

столовая

московская

Владение ямщиков
нижегородских

нов град

нижний

Посел...
Посел...

город

собор

церкви

архангела

монастырь
иерейский дом

губернаторский дом

Благовещенской монастырь

Село Гордеева

Село Торки

Баронов

Село Куванино

Село Куванино

Село Куванино

Пожни строгонов

Пожни строгонов

По сию черту

ежд

Волга

Стрелка

Озеро Стрелицкое

Оными дугами Насино владели нижегородския п...
А с того году и поныне по прежнему по жаловани...
Троиция Сергиевы лавры села Копосова и того с...

афонковской покос

остров муромского
Духова монастыря

остров против стрелки села Копосова крестьян

уезд

Устья реки Везломы

озеро круглое

озеро

Волга

Стрелка

река

Волга

Пожня Шелашиха по сию черту
владение нижегородских
посацких людей и разношцов

По пожно Шелашиху по сию черту
владение нижегородских
посацких людей и разношцов

Толденб
Юг
жней нов град
ть дворцовая

ниж...й
он нижегородского скота;

ж ниж.. коо

нижний
церковн
губернаторский
дом

Благовещенской монастырь

Западншой
За кудемской

река

мельница
Мельница

стан
Стан

река
Волга

кудма
Иудма

Ульзубо
уезд

дорога
Дорога

Пашня и покос нижегородских ямщиков
нижегородских ямщиков

столовая
столовая

монашья
московская

Владение ямщиков
нижегородских

Владение ямщиков
нижегородских

Ока
Ока

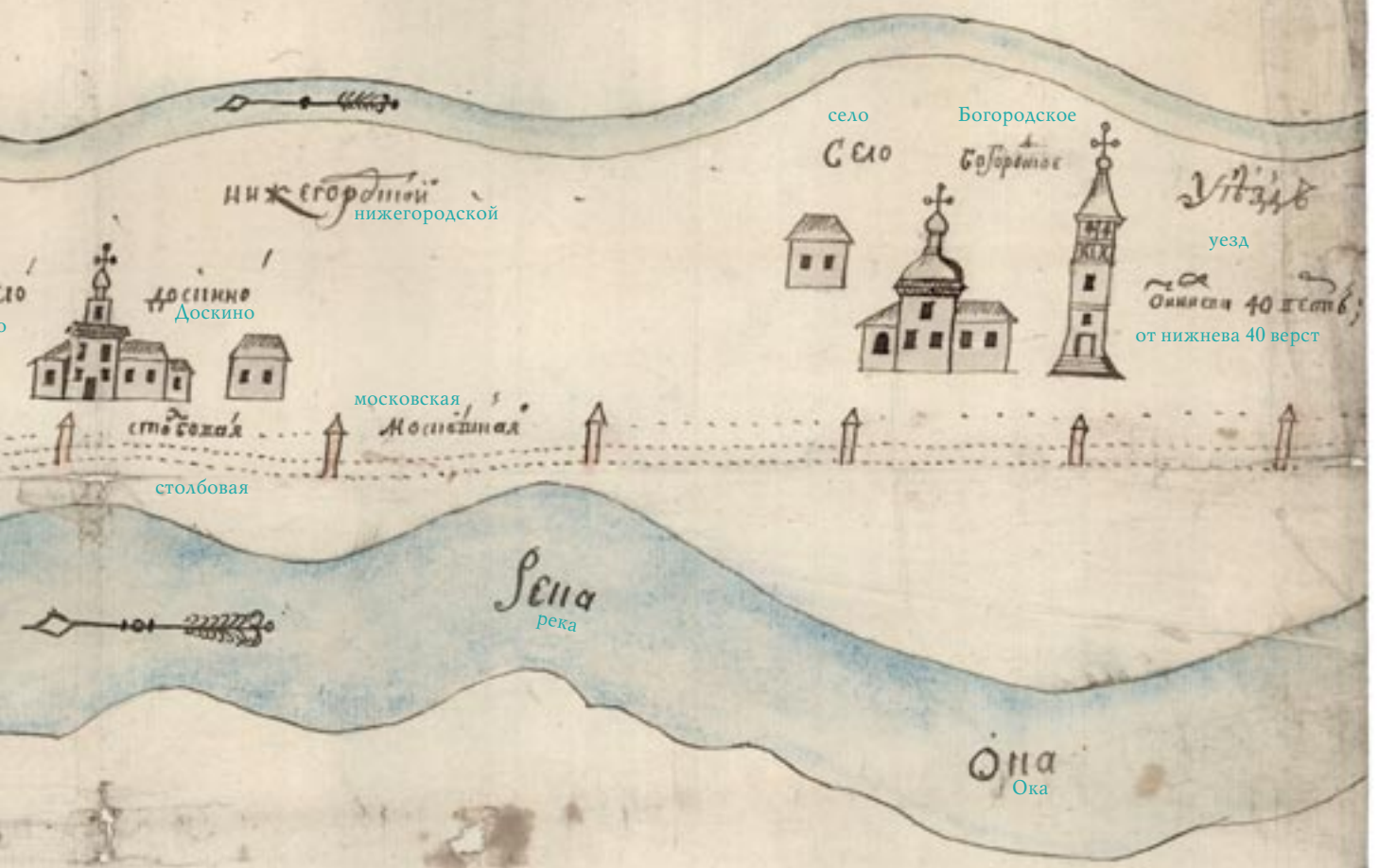
нижний

Посел...
Посел...

архангела

река
Волга

Баро
Таро

Дачи разны Поместныя

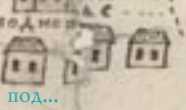
Дачи разны
Запад

село Гордеевка
село Гордеевское
господ
Строгановых
Сп. В. С. С. С. С.

деревня Соромова

Оная дуга от печерских слобод в длину до осми верст, отданы нижегородских 4х соборов протопопом с причетники; архиерейским крестьяном и печерскому монастырю ямщиком, нижегородским и протчим владельцом отграда

нижегородския артемьевския дуга

озеро

артемьевская дуга

под...

Восток

Балахонской

Балахонской

уезд

уезд

дворцовое

дворцовое

Сопчино

село Село Ватма

речка

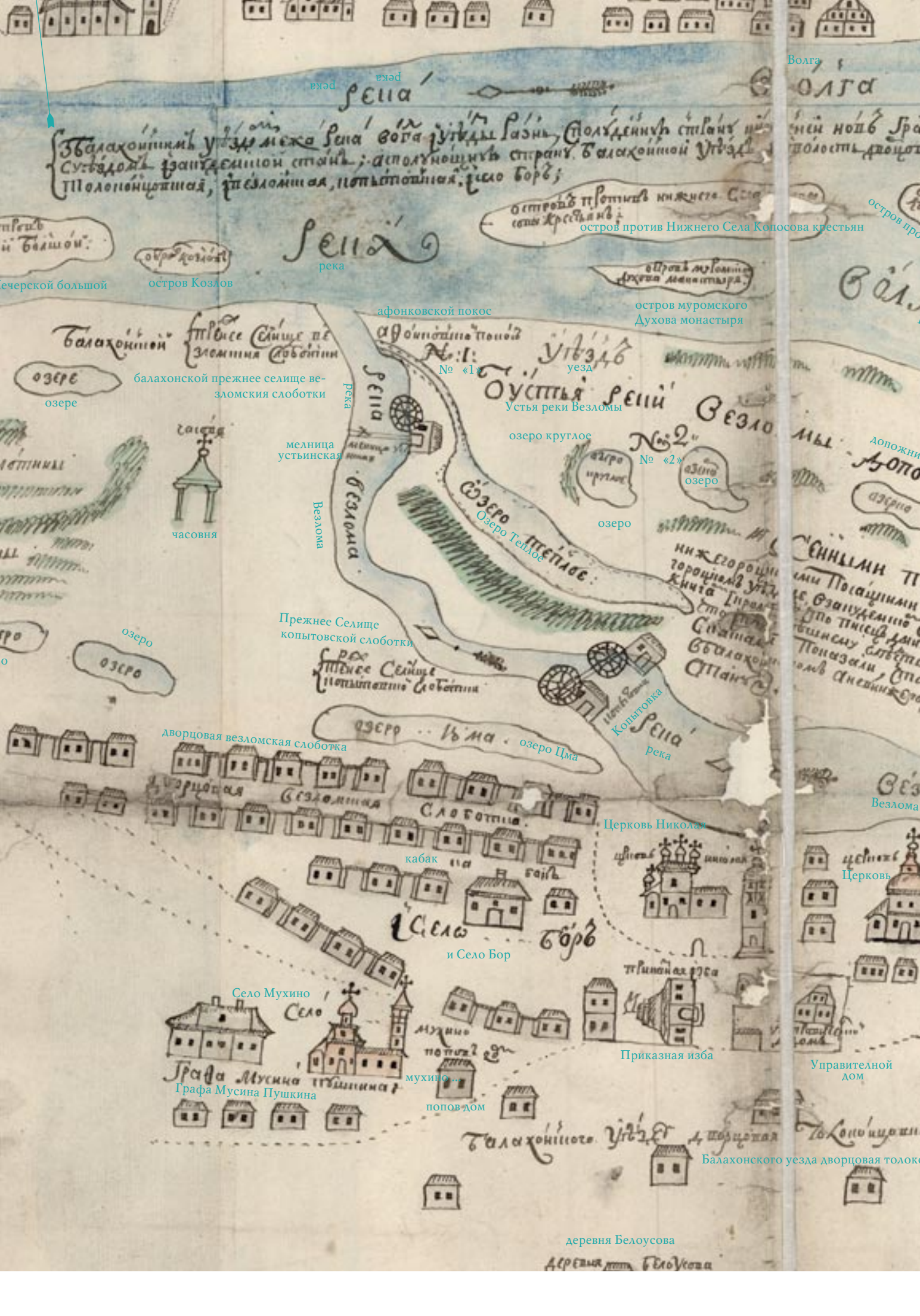
село

Нуженка

№ 1. Архимандритъ...
№ 2. Помя дятея, Антѣ ея Владѣте отъ ширно могу показати...
...и поносѣ... Владѣте Антѣя...

Благовѣщеннаго митрѣя Архимандритъ Збратинъ; Монаха Митрѣя Архимандритъ Збратинъ;
Преображеннаго Собору шваръ Федоръ Семеновъ; Благовѣщеннаго Собору
Протопопа Антѣя Григорьевъ Суряновичи; Знаменнаго Собору поповъ Петръ
Андреевъ Суряновичи; Живоначнаго Источника поповъ Алексѣй Суряновичи;
Посаде поповъ Алексѣй Петровичъ Суряновичи; Церквѣ Казанскаго
Богородицы это исперхивъ Посаде поповъ Алексѣй Ивановичъ Суряновичи;
попичи; Церквѣ рождства Богородицы поповъ Григорей Ефимо
Суряновичи; Церквѣ Алексѣя Митрополита поповъ Андрей
Андреевъ Суряновичи; Церквѣ Симѣона Стопника поповъ
Петръ Михайловъ Суряновичи; Церквѣ Варвара Мессини
поповъ Иванъ Григорьевъ Суряновичи; Дому баронъ Господинъ
Строгановыхъ Алексѣя ихъ Иванъ Ивановичъ; Остаточнаго
Мадоръ Афонасей Мантеевъ; Духовной Канцелярии Суряновичи
поповъ Иванъ Денисовъ Суряновичи; Розышней Канцелярии
ларинъ Зосимъ старъ Василей Федоровъ; Остаточнаго Суряновичи
Андрѣя... нижегороднаго Губернаторнаго Канцелярия Примазила Суряновичи Попова...

река река

Волга

Збалахонинский уезд между река Волга руды Сазнь, Столудиниу стлану и
Судодоу Францискиной стани; аполношину стлану, Балахонской Уезд
Шолонойцкой, Шеломинской, Попытской, село Бор;

река

остров против Нижнего Села Копосова крестьян

и большой

остров Козлов

остров муромского Духова монастыря

Балахонской {прежее Селце на
Земляна Селотина

афонковской покос

Устья реки Везломы

озере

балахонской прежнее селце везломская слоботки

мельница устьинская

озеро круглое

озеро

часовня

Везлома

Прежнее Селце копытовской слоботки

Копытовка

озеро

дворцовая везломская слоботка

Слоботка

озеро Цма

кабак

Церковь Николай

Село Мухино

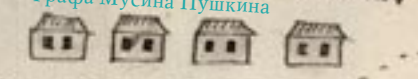
и Село Бор

Приказная изба

Графа Мусина Пушкина

мухино... попов дом

Управительной дом

Балахонского уезда дворцовая толочка

деревня Белоусова

деревня Белоусова

Волга
Волга

Оными дугами Насило владели нижегородскими посадскими людьми и разночинцы якобы в городском уезде от закудемского стану, которого ни по какому книгам (кроме что писец Дмитрий Лодыгин написал) не найдено что ...вешнему ...твою старожилы разных вотчин сказками показали, что оные спорные сенные покосы в балахонском а не в нижегородском уезде и не в закудемском стану

река
Селашихи

Пожно Шелашихи по сию черту владение нижегородских посадских людей и разночинцев шелашихи

Везломы
«2»
озеро

нижегородских посадских людей и разночинцев якобы в городском уезде от закудемского стану, которого ни по какому книгам (кроме что писец Дмитрий Лодыгин написал) не найдено что ...вешнему ...твою старожилы разных вотчин сказками показали, что оные спорные сенные покосы в балахонском а не в нижегородском уезде и не в закудемском стану

Николай
Сенными покосы внасилно завладении нижегородскими посадскими людьми и разночинцы якобы в городском уезде от закудемского стану, которого ни по какому книгам (кроме что писец Дмитрий Лодыгин написал) не найдено что ...вешнему ...твою старожилы разных вотчин сказками показали, что оные спорные сенные покосы в балахонском а не в нижегородском уезде и не в закудемском стану

Балахонского уезда дворцовая толокновская сотня

река

Север

Допожни
озеро

Балахонской
нижеписанной
нижеписанной
озеро нагорнино
озеро

Пожно Шелашихи по сию черту владение нижегородских посадских людей и разночинцев шелашихи

Сенными покосы внасилно завладении нижегородскими посадскими людьми и разночинцы якобы в городском уезде от закудемского стану, которого ни по какому книгам (кроме что писец Дмитрий Лодыгин написал) не найдено что ...вешнему ...твою старожилы разных вотчин сказками показали, что оные спорные сенные покосы в балахонском а не в нижегородском уезде и не в закудемском стану

озеро Глубокое

озеро Пляное
озеро Пляное

Везлома

Церковь
Сергия

Кривелиха [?]

роща дубняк и ошняк
роща дубняк и ошняк

Везлома
сотни

Управительной дом

деревня Юрасова

деревня Красногорка

Село Неклюдово

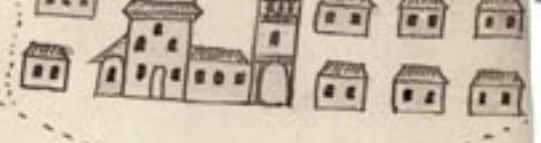
мельница рустиковка

Везлома

Сенными покосы внасилно завладении нижегородскими посадскими людьми и разночинцы якобы в городском уезде от закудемского стану, которого ни по какому книгам (кроме что писец Дмитрий Лодыгин написал) не найдено что ...вешнему ...твою старожилы разных вотчин сказками показали, что оные спорные сенные покосы в балахонском а не в нижегородском уезде и не в закудемском стану

Ихъ сорокѣи Посащия люди по 735 году
Сму Пожалоу и на томъ Грамотѣи Владѣть въ село
и Копосова этого Селѣ Деревенѣ Крестьянъ

сорокѣи посащия люди по 735 году
жалованнымъ грамотамъ владеетъ Свято
за и того села деревень крестьяне

Остров села Копосова крестьян

Островъ Села Копосова Крестьянъ

Волга
ОЛГА
лашиха - отдаецца
по вся годы ис То-
кой приказной избы

Села'
река

Волга
Волга

Утв'зда
уезд

Вашеашко Владѣние
За шелашихой владение

До реки
Линды
Линды

Села река
Линда
Линда
река
река

Дворцовою Толоконцовскою сотни Асверни и ов ...

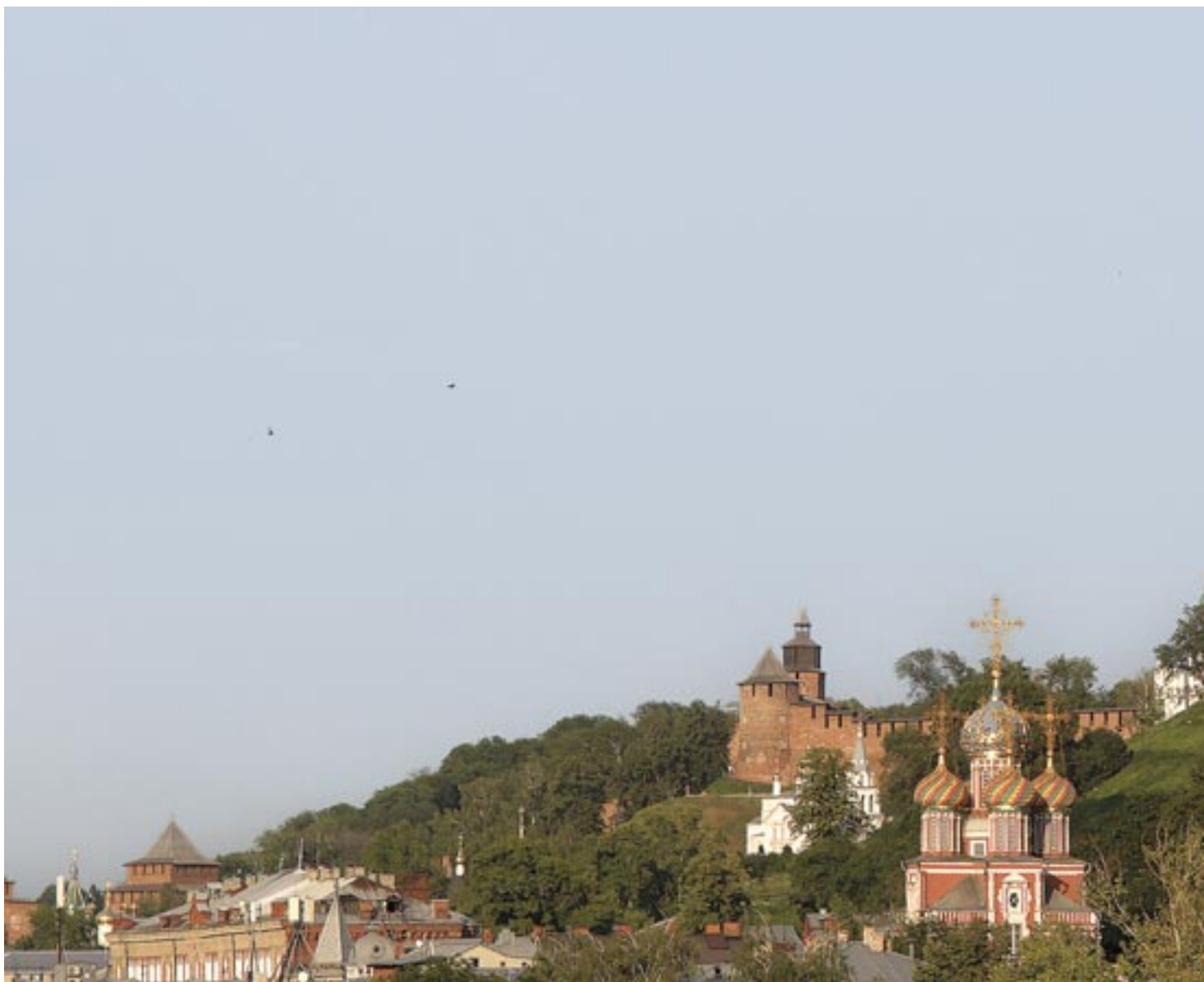
Толоконцовской
озеро ямное
озерко ямное
Вестбашъ
крестьян

Толоконцово
озеро Толоконцово
топит по сие вешней водой

Сочинил сей чертеж камисар Александр Семенов

в ниже
ким писцовым
писано,

Судитъ Селѣ (Семе Копосовъ) Асверни
Семѣи

закрепивший 1 марта 7135 (1627) года право нижегородских посадских людей валить строительный и дровяной лес в государевых лесах и перелесках (гривнах) для защиты от посягательств местных помещиков и вотчинников; через сто с лишним лет его бумаги служат источником права на земли и угодья. Вековая сохранность правоустанавливающих документов, опора на заслуживающие доверия показания старожилов, как и отмеченная на карте очевидно действующая «приказная изба», и общее «правовосстанавливающее настроение» допускают предположение, что инициаторами составления карты в очередной раз овладело стремление к наведению порядка в государственных делах, каковой порядок понимался в основном в «ре-эволюционном смысле», то есть порядок можно восстановить, только вернув прежнее благоустройство, нарушенное недавними или давними нововведениями.

Упомянутое жалованное село Богородское с деревнями в Закудемском стане 3 декабря 7141 (1632) году отошло от почившего сына Козьмы Минина Нефедия к князю Якову Куденековичу Черкасскому.

Изобилие церквей говорит и ещё об одном: их повсеместное участие и в управленческих задачах. Когда священство привлекалось в качестве свидетелей по какому-либо делу, то их свидетельское слово весило не меньше, а, пожалуй, и больше, чем светское, – им верили без крестного целования («по священству»).

Сама продолжительность пребывания на должности добавляла веса их слову, лучше сказать, их безусловная легитимность делала законными и другие отправляемые ими обязанности, ведь они занимались и вполне светскими делами, в первую очередь записью актов гражданского состояния, хотя тогда ещё не появился этот суконный язык для замены обычного.

Самое яркое пятнышко при взгляде издали, может быть, даже с реки или через реку – церковь и колокольня солепромышленников баронов Строгановых, самое могучее сооружение – конечно, кремль, а самое важное – и вовсе малозаметно, в самом углу, справа сверху, малюсенькая Успенская церковь с пристроенными поздними трапезной и колокольней. Про недавние прибавле-

Нижний Новгород. Успенская церковь на Ильинской горке

ния говорить не стоит, в них формообразование случилось такое, какое случилось. Лучше уж разглядывать неподалёку каменное жилое строение с такими всходами, что дух захватывает. Но всё затмевает сама церковь, которую тоже недавно привели в порядок, сколько могли. Глаз, приученный видеть окна в сооружениях XVII века только украшенными, не сразу досылает в мозг вопрос: «А где наличники? Где очелья? Где карнизы? Где порталы, поребрики, бегунцы, городьба?» После первого недоумения приходит понимание – значит, ничего не осталось, никаких данных для восстановления не было, поэтому подровняли, покрасили, сделали вычинки, справились с решётками и столярными заполнениями окон, и – отошли. Второе недоумение приходится адресовать уже себе: да как же можно не заметить, с декором или без – форма-то остаётся, может быть, даже отсутствие декора подчёркивает достоинства фигуры, как маленькое чёрное платье, которое должно быть в каждом шкафу с одеждой. И это такая форма, которой нет ни братьев, ни сестёр во всём свете! Какие там шкафы... Тут не знаешь, откуда начинать удивляться. Именно и как раз благодаря скупости на украшения внизу ярче проступила повсеместная строительская ухватка, которая до того приелась, стала привычной, что уже и не отмечается. Карниз, антаблемент, бегунец все вместе подо лбом образуют подобие бровей на лице, горизонтальную тягу, почему-то всегда разорванную в нескольких местах задранными сквозь брови очельями, которые увеличивают очи, удивлённо раскрывают их, словно ресницы подпирают линию бровей. Здесь и ресниц-то нет, а результат есть. Маленькие чёрные окна сквозь расширяющиеся к внешней стене светлые проёмы точно, как глаза, смотрят на мир. Приветливости немного, но и строгости нет, нет хмурости без декора, просто смотрят. Такая реставраторская смелость гораздо честнее и лучше, чем фантазии на тему аналогов: ну если уж вы знаете, что должны быть наличники, пририсуйте их самостоятельно, какие понравятся. Выше – не хуже. Киоты под фрески от атмосферных осадков и от ветров спрятаны в углубления – это понятно и неудивительно. Но надо отдать себе отчёт в том, что фреска написана на стене, которая имеет для крепости толщину под иконой. Полкирпича мало, тогда весь огромный кокошник получается никак не меньше, чем в два кирпича, а скорее и в три с четырёх сторон. Успенская церковь небольшая, но поверху три кокошника поместились бы запросто, а если помельчить, то можно и целую гору нагородить, примеры есть, чуть ли не до сотни доходило. Строго говоря, их не четыре, а восемь, есть ещё маленькие, ориентированные с востока на запад. Чтобы поставить один кокошник (иногда именуемый бочковатым покрытием) вместо трёх, пяти, или скольких-нибудь ещё, требуется не столько инженерная ловкость для соединения их с барабанами и главами (что тоже сделано залихватски, с удалью беспримерной), сколько неслыханная, отчаянная архитектурная смелость и свобода, широта мысли. Вот до чего дошли закомары!

И как поставили! Видно и из города, и с воды, и сколько такта, деликатности, понимания оказалось у недипломированного градостроителя – в отличие от снабжённого подтверждающей документацией градогубителя, встроившего башенную доминанту на самую бровку, загородившего и затмившего Успенскую церковь, задавившего и затоптавшего всё, что ничтожными вшами

теперь копошится под его горделивым надзором: и кремль, и Благовещенский монастырь, и стрелку, и строгановскую Рождественскую церковь, и Ильинскую, и Жён-Мироносиц у подошвы стены. Счастливым болваном топорщится теперь эта башня только потому, что никто не осмеливается задать вопрос: а для чего её поставили здесь? Ответ удручающе неутешителен. По мнению строителей, всё живое и неживое внизу не обладает достоинством, которое нельзя подвергнуть оплёвыванию. Предположить, что принимавший решение о строительстве (совсем недавно) не понимал, что именно он губит, нельзя. Он всё видел, им командовал партийный билет в кармане над сердцем. Но качество принятых решений было столь неудовлетворительно, что его ноль на шкале важного и неважного моментально подвинулся к тому месту, на котором мягко сидеть: имеет значение только то, что подо мной. К сожалению, «клятая башня» стоит крепко, надёжно портя и всё снаружи, и всё внутри, как если бы она была построена на кладбище.

В нескольких десятках метров, разделяющих башню и Успенскую церковь, поместились триста лет, разделяющие их. Первое, что сразу ясно, – разное назначение: в церкви (как правило) не живут, не обороняются, она построена с великим умением и старанием для другого. Всё в башне лучше, особая кладка кирпича, планировка, разводка сетей, водоподведение и водоотведение, радиоточки давно заменены на точки раздачи интернета, воздушные лоджии обудоблены до комнатного расширения и прочее. Но всему этому есть замена и триста, и пятьсот, и тысячу лет назад, даже не надо объяснять, какая. В башне собраны условия для жизни, а в церкви поместился смысл, которому придана красивая (чтобы не сказать – совершенная) форма. Несмотря на разницу в размерах, на возведение того и другого были потрачены сопоставимые ресурсы и трудозатраты, всего раз в триста в башне больше. А оказалось, что важнее для улицы, для города, для страны, для вселенной – Успенская церковь. В ней собралось то, чего больше нигде нет. Назвать это, поименовать не удаётся, так же, как не удаётся поставить пределы XVII веку (то есть определить его суть), и дело не в том, что такую же коробку можно поставить в Ханое или Мехико, там и Успенскую церковь поставить можно. Дело в дистанции между башней и церковью, что найдено за триста лет, и что потеряно. Коротко говоря, найдено великое удобство, где больше, где меньше, 30 квадратных метров не сильно отличаются от 300, только убирать пыль легче там, где поскромнее, иначе придётся терпеть взвод горничных. А потеряны – покой и воля. В церкви они есть, а в башне – нет.

Что касается эстетики, то тут уже без технологий не обойтись. Бегать с линейкой в поисках гармонии – как было, так и остаётся бессмысленной затеей, но есть вещи, которые не относятся к категории оценочных суждений вроде «нравится – не нравится», «красиво – не красиво» и с которыми бесполезно спорить и не надо надувать губы с сомнительно-протяжным «Ну-у-у-у... не знаю...». Форма самого здорового кокошника (в количестве четырёх штук по сторонам света) – не просто полукруг со щипцом сверху, поставленный на карниз, чего для общего рисунка здания было бы вполне достаточно, он имеет ещё и сужение внизу к центру, заметное и подчёркнутое короткими столбиками по углам (нужда в которых неочевидна) и выступающим валиком по

всему обводу кокошника. Эта же форма повторена четырьмя самыми маленькими кокошниками по углам, и не менее громогласно провозглашена уже двадцатью кокошниками в основаниях барабанов, причём четыре из них на малых барабанах честно исполнены несмотря на то, что их никто, кроме ухаживающих за храмом, не увидит никогда, они обращены внутрь, а четыре под большим барабаном спрятаны от взглядов большую часть времени осмотра, даже если специально поднять глаза и стараться их приметить. В форме кокошника нельзя не увидеть схожесть с вертикальным разрезом куполов, то есть если купол огромным горизонтальным прессом сплющить с обеих сторон, получится ровно такая конструкция. Потом надо дать себе труд сосчитать все купола вместе с их образами (с кокошниками) – получится тридцать три. А посвящение храма – Успение, один из двенадцатых праздников, вот и объяснение, как можно праздновать смерть. Её жизнь после смерти сына на кресте, каждодневное и еженощное переживание его крестных мук – превосходят его собственные муки и ведут к мысли, что избавление от таких мучений – это и есть облегчение, тут уже есть что отметить: то, что Его не стало, не может отменить того, что Он был. 33 купола – 33 года. Чтя Успение, чтим Жизнь.

К южному фасаду надо приглядеться повнимательнее. Почему его не портит явная кривизна, для чего оба окна над входным порталом подвинуты далеко к востоку? Простое объяснение – так лучше освещён иконостас, но почему глаз не спотыкается об это смещение, оно ничуть не мешает восприятию? Ответ ещё проще: потому что это не важно. Симметрия, равенство и ровность, прямота и повторяемость могут быть, могут не быть, не от них зависит, появилась красота – или нет, от чего-то другого. От чего – уже несколько тысяч лет исполнялось попыткам понять, пока твёрдо установлено одно, симметрия в счёт не идёт, кажется, даже наоборот, одно из условий для появления красоты – дисбаланс, рассогласование, кривизна, неправильность, уклон краше горизонта, изгиб лучше прямой. Но только там, где они нужны. А где не нужны – можно и прямо. Остаётся пустяк, определить, где надо, а где не стоит.

Мерцающее колдовство изразцовой огранки круглых барабанов нарочно было устроено, чтобы намного позже, только через полтора столетия отчеканились строки «За морем царевна есть, что невозможно глаз отвести. Днём свет божий закрывает, ночью землю освещает». Да, и нельзя наглядеться, и затмевает, и освещает. Лучше не скажешь. Церковь-царевна. А за морем-то – всего-навсего за Окой. При должной ныне подсветке, в ясную погоду, с того берега, от желтой церкви на плоту – как бы она смотрелась! «Die schönste Jungfrau sitzt dort oben wunderbar, ihr goldnes Geschmeide blitzet, sie kKmmmt ihr goldenes Haar...»

Но видна только башня из хорошего кирпича, в которой никто ничего не зашифровывал, а просто и прямо, не мудря, делал хорошим людям хорошо. И сделал. Как мог. Жаль, что ума хватило только на это. Вот где качество человеческого материала, добытое за триста лет эволюции. Каким бы ядом ни насытить, ни пропитать слова и мысли, адресованные башнеавтору, всё недостаточно, потому что в последние три столетия как раз человековедение (гуманность)

съёживалось и съёживается напористее, скорее, безвозвратнее, чем прочие «ведения». Точнее говоря, А.А. Ахматова, может быть, и стоит на одной полке с А.С. Пушкиным, но количество полок с той поры не увеличилось ни на единицу, сколько было, столько осталось. А народу прибыло. Достижений Просвещения меньше не стало, они растворяются в море, ничуть не увеличивая и не уменьшая его солёность, поэтому варварство Ельцина ничуть не превосходит варварство Аттилы или Чагатая.

Эта связь столь же крепка, сколь и невидима. Более того, она тем крепче, чем менее заметна: не видимое не подлежит критике, потому что невидимо. Вспоминая Ходжу Насреддина и Сократа, можно сказать, что если из массы незнания вычесть объём знания, то количество незнания будет постоянно расти несравнимо быстрее, чем жалкая кучка знания, пропорциональная скорость относительного убывания которой несопоставима с темпами роста торжествующего незнания, счастливого уже собственной жаждой познания, обузданного безудержной ленью и косностью в костях. Если сказать, что в появлении клятой башни виновата царица Наталья Кирилловна, неисчислимы пальцы прокрутят дырку в виске. А между тем башню построили в те же годы, когда Ельцин разобрал в Екатеринбурге дом, в котором Ленин, Троцкий и Сталин расстреляли взрослых и малолетних родственников и родственников царя и его самого вместе с неродственным врачом. Всевозможные юровские виноваты в массовом убийстве так же, как спусковой крючок нагана повинен в причинении тяжких телесных страданий и повреждений невиновным людям – приговор взрослым никто не вынес, всякую малышню и подростков пристрелили так просто, для удовольствия, за компанию. Виновны поименованные цареубийцы, и как это вяжется с рукодельными образами «самых человеческих» человек – неведомо никому. А Ельцин со товарищи тут помянут только для того, чтобы стало видно: вот эти наследники, до сего дня сохраняющие кровную преемственность уже внуков и небедствующих правнуков, и суть настоящие родственники цареубийц, клеймо не смыть вовек, и если понадобится, они и дом снесут, и на спусковой крючок нажмут, и юные тела своими руками искровавят, химией пожгут, и из ямы в яму перепрыгивать станут. Вопреки тексту франко-немецкой песни, последние стали первыми, но кто был ничем, так ничем и остался; то есть должность-то первая, неизвестно, кем назначенная, а человечинко – малое, глупое, порой и совсем дрянь, даже зачастую дрянь, так почти всегда дрянь, и исключения – только прижизненные, кабинетно-портретные, искренне, от души лобызуемые. Только собственность бегаёт от одного «ставшего всем» к другому, тому, которого ещё не доели, не брезгуя опарышами, «белок – он и есть белок».

А царица таки виновата. Она не только «править была не капабель – ума малого», она и детей-то здоровых на свет произвести оказалась «не капабель», обоих ждала бесславная смерть, одного пораньше, да без позора, другого в середине шестого десятка с великими мучениями свела в могилу нелеченная гонорея на фоне буйной шизофрении. От недостатка образования государь за время полуторагодичного отлынивания от дел в европах впал в неисправимый восторг и низкопоклонство перед западом в такой тяжёлой форме, что по возвращении на родину, совсем занедужив, решил, что стране

нужна перестройка и ускорение, потому что она отстала. Загнать клячу истории ему удалось, едва живу отпустил в 1725 году, учинив образование и город на болоте, а главное, на долгие века впечатав в мозг недовольное количество качества здешнего люда, завсегда косного, дурного, пьяного, ленивого, отсталого-преотсталого, без надежды догнать. Этот *Impressum* крепостью превосходит все известные на Земле материалы, он «жил, жив и будет жить». Кстати, отсюда прямая дорожка к знаменитой ленинской фразе про октябрьский переворот. «Мы Россию завоевали, теперь надо научиться ею управлять». А позвольте, голубчик, поинтересоваться, зачем? Раз воевали – значит, враги, ладно. Зачем завоевали-то? До того, перед тем, как учиться управлять? И в этой школе Каин был преподавателем? Как ни ищи оправданий, оказывается, что войну развязали только затем, чтобы супругам наркомов «суп к обеду в горшочках прямо из Парижу возили», чтобы Демьян Бедный, поэт победившего пролетариата, рассекал пространство и простор на своём личном, персональном, собственном, для него одного поезде. Потому что суп всегда только в Париже, в Калуге-то, известное дело, суп не тот, то лягушки не уродились, то котлы прохудились, а поселянам и поселянкам пуще разных полезных товаров нужно разъяснение, куда им, болезным, шествовать нужно, – ведь своим умом они дорогу не нащупают, ибо убоги, не то, что европейцы. Вот для этого и завоевали, для супов и поездов, а про справедливость, про «...тот станет всем» – это чтобы им было над чем поразмыслить в редкие моменты досуга, выкроенные от сплошного строительства хоть чего-нибудь, хоть социализма, хоть феодализма – пока суп везут, пока паровоз гудит, а морковка на палочке к массивному загривку приделана.

И совсем уж тайное знание – про две беды, про дураков и дороги. И что, кто-то всерьёз полагает, что итальянский или немецкий дурак лучше тутошнего? В том-то и дело, что никто и никогда не уточняет, что под дураками имеется в виду не дурость рукодельного пахаря или слесаря (они одинаково плохи и хороши во всех географиях), а дурное управление. Это управители должны «бить себя по затылку», весь менеджмент, от бригадира и мастера до царя и президента, каждый, каждое утро, по затылку, и спрашивать, что ты сделал, чтобы дороги стали лучше.

Отчего-то в слове ‘геология’ нет, а в слове ‘землеведение’ есть оттенок заботы, курирования и курабельности. То же и со словами ‘гуманитарные науки’ – на первый взгляд, пустое словоблудие пополам со сказками, продиктованными авторам желанием прослыть инженерными ловцами душ и исподвольводителями народов. Это мнение для людей, которым пока удавалось избегать угрозы образования. А вот умные французы собрали своё гуманитарное знание вокруг Дома наук о человеке, преодолев детское заблуждение, будто науки можно поделить на гуманитарные и общественные. Любые люди живут в обществе, даже отшельники (они определили себя через отход всё-таки от общества), водораздел между человеком и обществом противоестественен: гуманитарные науки не трогают общество, общественные не имеют отношения к человеку. ‘Человековедение’ помещается в Дом наук о человеке, а исторический материализм – никак. Способ ведения человека в XVIII–XX веках удалился от алтаря и иконы, несмотря на выдающиеся про-

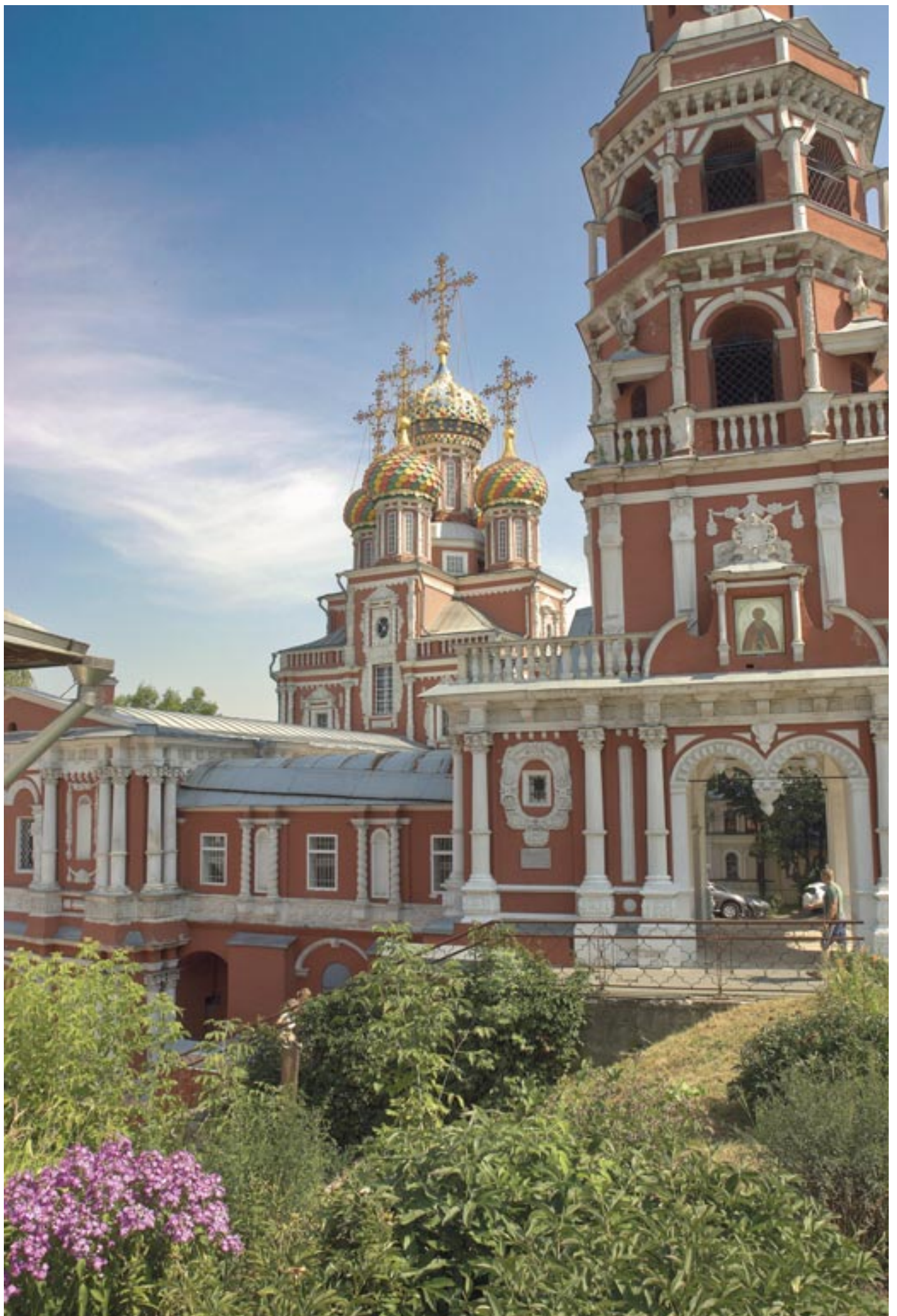
шлые достижения церкви в этой именно области, в человековедении, и никак вот уже двести лет не может обрести новые институциональные формы, потому что для произведения переворота в науке, превосходящего достижения и самого Евгения Дюринга, и его критиков, надо совершить немислимое: самая презираемая часть знания, самая плохооплачиваемая, самая бессмысленная и неполюпроизводящая «прослойка», те самые противоестественные интеллигенты-ботаники, которых ничего не стоит в бараний рог согнуть, должны родить мысль, что в слове 'религия' есть нужное им прямое содержание, 'восстановление связи', всех связей, во всех областях знания, включая религиоведение и использование религиозного опыта, а это не что иное, как *république des lettres*.

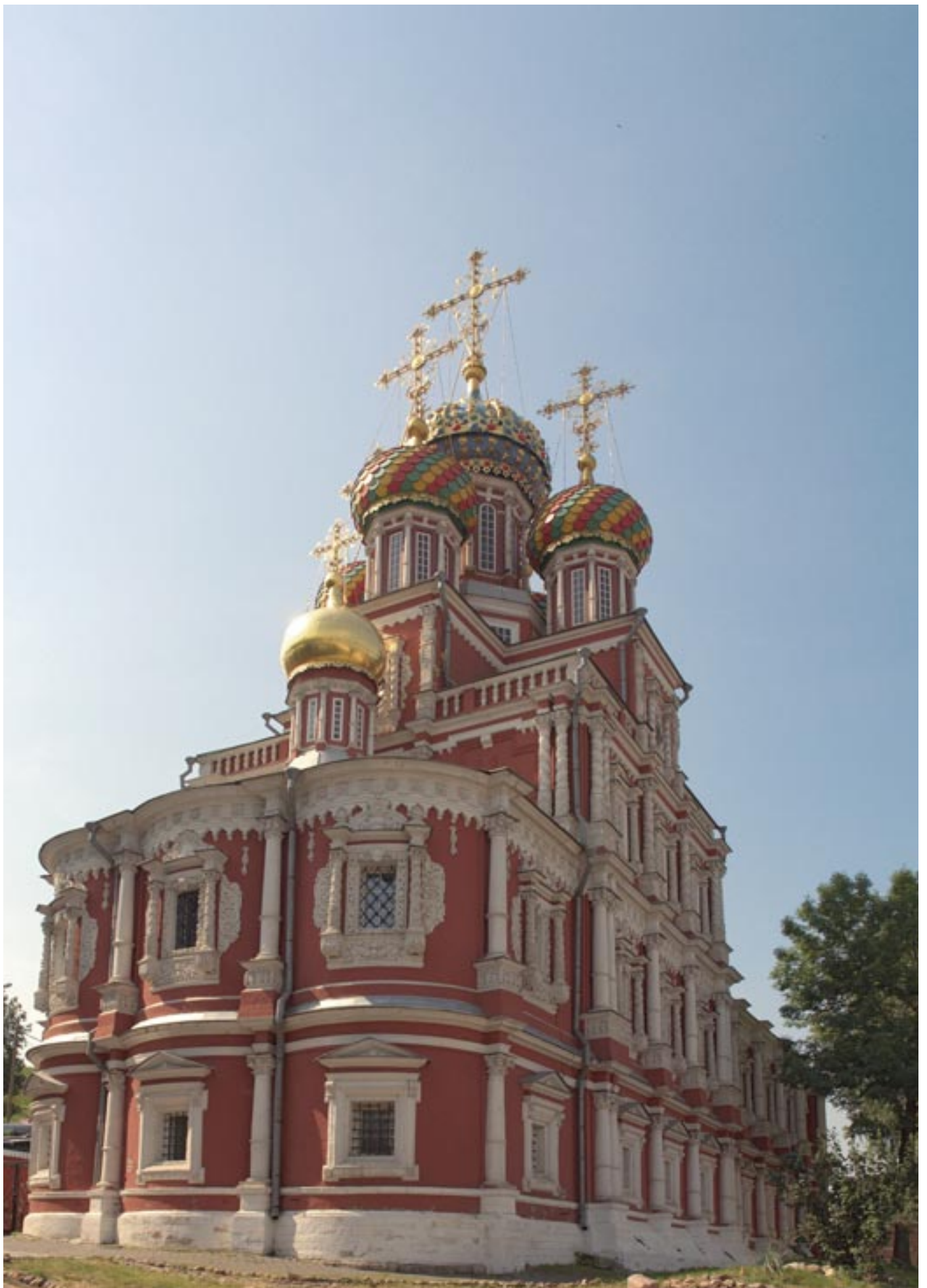
Эта республика за три века произвела такое количество знания, в том числе гуманитарного, которое не помещается в старые религиозные мехи, а новых как не было, так нет, даже в России академию наук превратили в клуб по интересам.

Институционализации мешает то, что все возможные её двигатели понимают: это должна быть такая институционализация, в которой черты институциональности не просто незаметны, а вовсе отсутствуют, иначе путь прямо ведёт в сектанство разной степени исступления и остервенения, со своими кастами, службами, алтарями, иконами, тупиками и уголовщиной. Как?

Никто не знает. Иначе полторы сотни миллионов давно жили бы в Сочи. Ясно, что никто и не узнает. Дураков с рецептами перестали пускать на порог, отстреливают на дальних подступах.

Стоящие часы два раза в сутки показывают верное время. Умственно ущербные люди в 1985 году один раз правильно призвали вернуть свободу слова, назвав её плохо понимаемым словом 'гласность'. Отчего М.Е. Салтыкова-Щедрина издадут очень скупое? Вероятно, оттого, что сильно мешает продолжительному вранью, вправляя вывихи в мозгах. Раньше или позже институционализация появится сама, достаточно чаще вспоминать о просвещении без кровопролития. В конце концов, двести-триста лет – не срок для нового института человековедения, появится сам, в своих формах. Платон ничего не знал о Блаженном Августине, и ничего, он благополучно появился. Но пока самый паршивый сенатор и глупенький министр не будут знать, кто такой Томас Аквинат, Бозций и Исидор Севильский, уж не говоря про Феофана Грека и Жана Этьена Лиотара, перемен ждать не приходится, добра не жди, жди беды и новых окровавленных башнеделов.

Церковь Успения выше церкви Рождества; одна на бровке холма, другая на склоне. Рождественская и поставлена позже, на рубеже XVII и XVIII веков, когда инженерная изобретательность уменьшила трудности встраивания проекта в ландшафт; на крутом склоне что-то поставить можно только если он – скала, в которой можно закрепиться, а здесь скалистость не просматривается, у любого сооружения хорошие шансы сползти вниз, теряя по дороге детали. Укрепиться можно или оперевшись на подпорную стенку, и вцепившись сваями поглубже в грунт. Здесь решение попахивает волюнтаризмом, но отказать ему в оригинальности нельзя. Вся церковь выше подцерковья в четыре с половиной света, половина пятого – верхние окна центрального барабана, вес немалый. Трудно сказать, от какого выхода отказались сразу – от северного или от южного, но надо признать, что устроить их здесь без архитектурно-акробатических упражнений нелегко: или на юге лезть в гору под углом возвышения градусов в сорок, или на севере кубарем катиться в бездну с таким же уклоном, махнули рукой, выход сделали входом. Вместо гульбища устроили на западе загогулину с поворотом для проникновения внутрь, и над ней взгромоздили колокольню, в которой семь ступеней убывания площади от основания кверху, то есть семь ярусов, в каждом присутствуют следы желания архитектора придать ей элегантную монументальность. В итоге получилась франтоватость и чуточку деревенская шикарность: чем больше перьев и аксельбантов, тем наряднее их обладатель с тяжёлым затылком, сильно оттягивающим голову назад, за спину. Те же качества и в самой церкви, а в Троице есть похожая часовня около Духовской церкви.

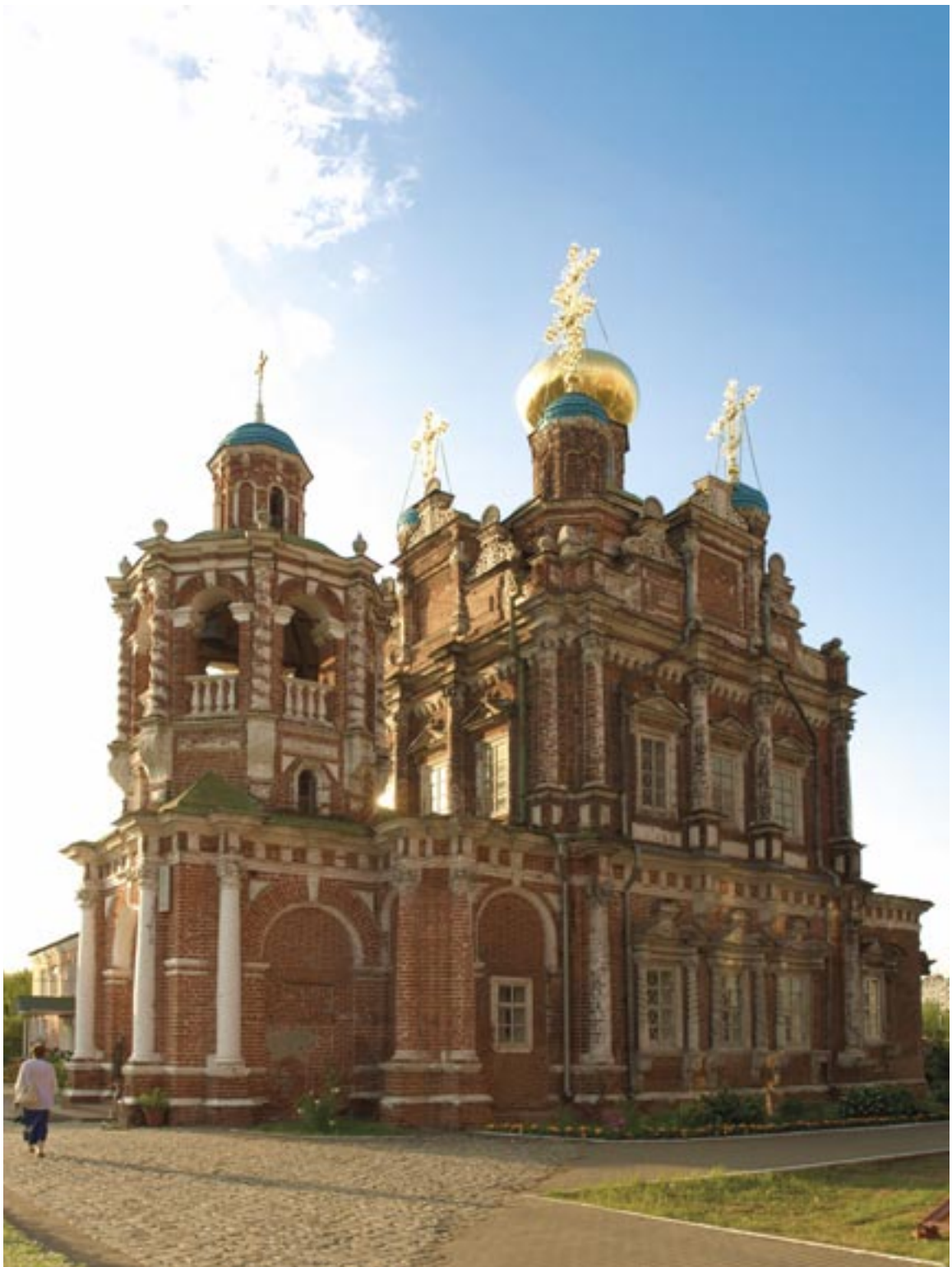
Образ «строгановской» церкви меркнет и пропадает сразу, стоит отвести взгляд. Краснозатейливо и многовитиевато. Уже хорошо, настроение вздыбилось – и хватит, и ладно, пройдёмте к следующим «кунштюткам».

В Рождественской церкви есть всё, и яркость, и извилистый вход, и трогательное доказательство того, что сами строители видели небезупречность общего рисунка, для исправления которого придумали поставить малый барабан и главку прямо на апсиду, что не диктуется литургическими нормами и призвано только разнообразить силуэт, сгладив скалистые обрывы горы. Изобильное всеисилие привело к тому, что в церкви собралось всё, заслуживающее превосходных степеней, но пропало главное – формообразование как первая и главная задача нимало не потревожило автора проекта (всё вроде есть, но чего-то нет, а чего именно – и не поймёшь); если прикрыть глаза на пёстрые купола над барабанами, проступают черты очень шикарного отеля для приличной публики с добротной, но недорогой кухней.

Если клятую башню покрасить розово-красным и наклепать по всей высоте отменных белокаменных украшений любого сюжета, выйдет такой же поставленный «на попа» отель, и всё равно ростом не догонит Успенскую церковь на горке.

В следующей церкви формообразующее бессилие стало кричащим, победительным и могучим, несмотря на семантическую несуразицу, как большая куча гирь из разных комплектов, материалов и времён, которые расшвыривали ногами в надежде, что они сами собой улягутся в хорошем порядке. В восточной стене четверика над апсидой три... вещи. Не киоты, не окна, не двери. Есть на-

личники с треугольными портикоподобными очельями, тогда, может быть, это заложенные окна? На западе, на закате, окна есть. Нет, кладка вперевязку со стеной. Выше рядок прелестных кронштейнов под карнизом, полуколонки снабжены оглавлениями. Выходит, все три предмета устроены только для красоты, как она привиделась строителю? Изрядный приём неожиданно для автора имеет глупейшее последствие: так устроенные неокна напоминают закрытые французские двери в пол, ведущие... на крышу апсиды для проме-

нада, в пространство, заботливо огороженное, чтобы никто не выпал. Занятие, не предусмотренное для этой части здания, но восток выглядит именно как место для неспешного фланирования пригожих погодков обоего пола в ясную погоду за плавными изгибами перил на алтарных выступах.

И так всё, не доделано, не додумано, не придумано, набросано в порядке бреда. Колокольня выглядит так, словно её передумали строить на полдороге – «и так сойдёт». Над четвериком – хаос Вороньей слободки, кубики, призмочки, цилиндрики, присутствуют также раковины, шарики и прочая разнокалиберная геометрия, громко говорящая о пространственной беспомощности строителя, не знавшего, как же из всего этого выпутаться. Эта любопытная неспетая, застрявшая в горле песня должна остаться в веках, чтобы хриплым голосом обучать на природе: «Видишь, мальчик, вот так делать не надо, нехорошо, нельзя, фу, фу». Сила без ума вызывает только жалость.

В Никольской церкви (1552) Балахны надо насильно остановить, приклонить взгляд и припомнить, что глаз расположен, как правило, недалеко от ума. От первой реакции подозрительного пренебрежения предостерегает только размер – и высоко, и крупно, и на западе не крыльцо, не ступени, не постамент, а всход; верх подцерковья там, где не всякий затылок достанет, всход как процесс, как событие с продолжительностью, не на прыжок и не на два, а до утомлённости после преодоления. Словом, количество вершков, локтей и сажений и ступеней настраивает на большое, а раздутые для восторженного восклицания лёгкие производят не крик, а вздох. И где? И всё? Это вот это вот и называется гордым словом Шатёр? Нет, что-то тут не то.

И правда не то. «Этот шатёр – не тот шатёр, у кого надо шатёр». Доказательств его неправильности много. Где окна? Где соразмерность основанию и стройность высоты? Для чего понадобились в таком количестве (только что сделанные на разной высоте аккуратные) горгулии между двадцатью четырьмя кокошниками – на них столько воды не упадёт, сколько они могут отвести? Вместо чего на четверике лежит четырёхскатная крыша? Не было ли там чего-то, напоминающего Распятскую церковь иже под колоколы в Александровой слободе, то есть хоть какие-нибудь намёки на подобию закомар или кокошников? Шатёр нелеп и неуклюж, несмотря на близкое присутствие двух похожих шатров в Печерском монастыре, которые могли бы подсказать тем, кто переделывал оригинальный шатёр, простой секрет стройности: плечики в самом тонкой, верхней части не стоит делать шире диаметра барабана сверху, силуэт сразу становится пухлым и грузным. Непроизнесённый торжественный гимн сменяется горечью сожаления – ясно, что было что-то многомогучее и величественное. И куда делось? Грех роптать. Хорошо, что не разобрали на кирпич для соседских сараев, ведь собирались, уже подбирались с ломами и молотками, науськанные большевиками, устроившими рядышком хозяйственный двор для того, чтобы всепобедительное глумление сопровождалось довольной улыбкой и продолжительным звуком «гы».

Взгляд со стороны двора или с запада никак не влияет на чувства по отношению к большевикам, но таинственным манером точка обзора распространяет эти чувства во времени, причём вспять прямо на три–четыре столетия. Отличие от московского поленовского дворика не только в том,

В кремлёвской башне могучий образ чуточку испорчен легкомысленностью благоустройства: для чего бы ни понадобилось застеклить 24 проёма по сторонам света, они всё же выглядят как орудийные стволы с хорошо забитыми в них деревянными пробками: машикули предназначены для боя разных видов, смола всякая, камня, пальба из пищалей, когда не из луков; а тут – переплёты дачных межкомнатных дверей

Же автопредприятие ведь, хоть и под бумажной крышей!

что нет дорисованных детей на первом плане, там ветхость трогательна, здесь жалка. Всклоченная эклектика облезлой чернобарабанной церкви оттеняет многовековую, до – и без – большевиков достигнутую инвалидность, то есть негодность исполина в нынешнем состоянии. Низенький, диспропорциональный шатёр, заложенные щелевые окошки барабана, странная крыша – всё только отвлекает, заслоняет главное недоумение. Входная лестница на западе поднимает прихожанина к дверям. А вот выходов из Никольской церкви на севере и на юге давно нет. Нет так давно, что без археологических исследований нельзя твёрдо сказать, какими были гуль-

бище и лестницы, дерево это было, или камень. Стилистически дерево маловероятно. Строители не хуже нас знали о хрупкости и недолговечности построек из дерева, поэтому независимо от деревянных прибавлений основное сооружение должно было быть каменно-целостным, то есть отнятие деревянных приспособлений не должно было лишать всю постройку смысла (как сейчас). До XVIII века незыблемым (с редчайшими исключениями) правилом было наличие в каменной церкви южного и северного выходов – другой способ покинуть церковь требует повернуться к Царским вратам спиной, а это невозможно исполнить, не поворотившись к иконам затылком. Построить такую каменную громадину и пожалеть кирпича для лестниц и гульбища – невообразимо, почти святотатственно для XVI века.

Вознесенская церковь в Коломенском доказывает, своим общим видом в первую очередь: гульбище с тронem и всходы не прислонены к церкви, не украшают её и не подпирают, а создают её, они неотделимы. То же должно быть и здесь, в Никольской. Но ничего нет, затейливая западная лестница не в счёт, она недавняя. Наибольшее недоумение вызывает полное отсутствие следов примыкания любого гульбища, хоть деревянного, хоть железного. Должны были бы быть или следы заделки деревянных балок перекрытий, или следы срубленных кирпичей перевязки с отсутствующей конструкцией, следы срезанных металлических связей, причём неустановленная высота культурного

слоя никак ни на что не влияет – двери высоко. В качестве объяснения – предположение, которое надо проверять: в старой кладке три–четыре толщины известкового шва составляют высоту кирпича, а здесь – четыре–пять; гладкость кладки четырёх фасадов может быть следствием облицовки старой кладки, облицовки, которая по прошествии не установленного времени после строительства не оставила следов от примыкания того, чем прикреплялись к главному зданию гульбище и лестницы. Единственное основание для такого предположения совершенно умозрительно и бездоказательно, не считая совершенно несуразных выходных порталов, которые изначальный строитель наверняка бы не потерпел. Кроме того, вызывает прямо-таки остолбенение явно поздний способ ремонта карниза под крышей: по периметру протянута железная полоса, соединённая коротышами, затянутыми в выбитые в кладке ямки. Настоящую верхнюю нагрузку такая ниточка не выдержит, только несильную боковую облицовочную, к тому же продетая сквозь пилястры. Может быть, этого достаточно для тех целей и задач, которые решал тот, кто ниточку наматывал, но в XVI веке так бы не сделали, скорее в случае нужды разобрали бы храм и построили заново. Особенно трагично старательность того, кто делал металлическую обвязку по карнизу, выглядит при взгляде с высоты хотя бы метров пяти, через гараж с «пазиком»: оттуда видно, что строители в XVI веке всё про Парфенон знали, хороший наклон к центру есть и в углах и стенах

Деликатность электромонтёров поблекла рядом с церемонностью газопрокладчиков: опутывающие провода не так хорошо заметны, как жёлтые трубы, а так сразу видно, куда можно пускать грузовик, а куда не стоит... Хотя... грузовику можно везде. И в метре от кровати под южным окном тоже.

Беглый взгляд на окна полезно технологизировать: весь выпуклый рисунок – это кирпичи, вмонтированные в стену при её возведении, стало быть, каждая деталь имеет внутри стены продолжение; когда снизу подошли к уровню, где должен начаться кронштейн, откуда взялось понимание, что наличники так кричаще непохожи, но одинаковы? И непохожесть, и одинаковость – часть замысла, сделано было нарочно и специально, а это значит, что подмастерье каменных дел – не ремесленник, а художник, и мастерство его – какое-то прямо пугающее, такие решения требуют подробной проектной зрелости разработки замысла, это давно и далеко ушло

от «как мера и глаз укажут». Ни мера, ни глаз так не укажут, никакая голова не удержит этапы в развитии, пространственное видение не может считать кирпичи, не нарисовав их с учётом швов, вдруг понимая озарением, что металлическую или дубовую связь следует поместить между этим и этим рядом, подвешивая одновременно паникадило с учётом света из окон. Чертежи не хранили, потому что камень (выполненное строительство) считался более прочным и долговечным материалом – и были правы, но лишь отчасти. Каменное сооружение ведь можно взорвать.

четверика, и в стенах апсиды (алтаря). Если видимые сегодня стены являются облицовкой, то упасть она может только от сильной тряски, периметр низа четверика больше периметра верха на десятки сантиметров. Это обезрученное и обезноженное туловище исполина, завернутое в плёнку перед вывозом на свалку, вопиет о необходимости проведения исследований для восстановления былого величия, заодно и колокольни поблизости, и какого-то человеческого, более мягкого отношения к другой церкви, стоящей рядом.

Вторая церковь Покровского подворья нижегородского Благовещенского монастыря вызывает такую жалость, что слово нейдёт с языка, речь отказывает, её изощрённо, изобретательно и замысловато уродовали долгие десятилетия, кто небрежением, кто малым злым умом, кто слабосильностью благих намерений. Её давно обнимают добрые неумелые руки, не сулящие ничего хорошего ни в близком, ни в отдалённом будущем, как эти деревья, укутанные в уютную ямочку: вода, воздух и питание для корней трёх стволов никогда до них не доберутся. Для веры и верующего качество иконы вроде бы не имеет значения, мысль о святости одинаково может таиться и во взгляде на чей-то Звенигородский чин, и на Троицу Андрея Рублёва, и на Авеля Феофана Грека, и на печатную иконку неопределённой руки и плохой полиграфии; то же и с архитектурой церкви. Но

здесь красота вольно и невольно погублена, остругана, растёсана и выскоблена слишком сильно, чересчур, с перебором равнодушно, и это небезобидно, оскорбительно для любого глаза, неправильно, несправедливо.

Металлоремонт коснулся и ещё одной церкви в Балахне, Спасской. Здесь стяжка пронзила очень мастеровито сделанное очелье наличника. Спасская церковь хороша тем, что сделана в 1668 году, когда мастерство подмастерьев каменных дел стало настолько зрелым, что они стали себе позволять чуть большую смелость, чем просто следование канону, потому что поняли, что канон устроен по принципу, изложенному кратко значительно позже: «Делай, как я; это значит – не надо за мной», и изощрённость стали проявлять не в хитросплетении декора, а в силе замысла. Декор чудо как хорош, не уступит южному фасаду комягинской Сергиевской церкви, и прехитро устроен: в апсидах много окон, лучше видны то пять, то семь больших с одинаковыми наличниками, расположенные симметрично. Нет, шалишь, брат. Где одинаковые очелья наличников? Сколько ни смотри, всё видны разные. С ходу, с налёта, на бегу – глаз это не может заметить, можно это веками не замечать, но тот, кто делал – для чего-то же это делал? Неужели знал, что так достигается не отлеживаемая умом разновыраженная приветливость, одноцветная яркость? Окна-глаза с разным макияжем не просто приветливы, они привечают прохожих прихожан разным настроением каждого глаза, длиной ресниц, формой бровей, а главное, своим прищуром, именно нарочно каждому одному только тому ему.

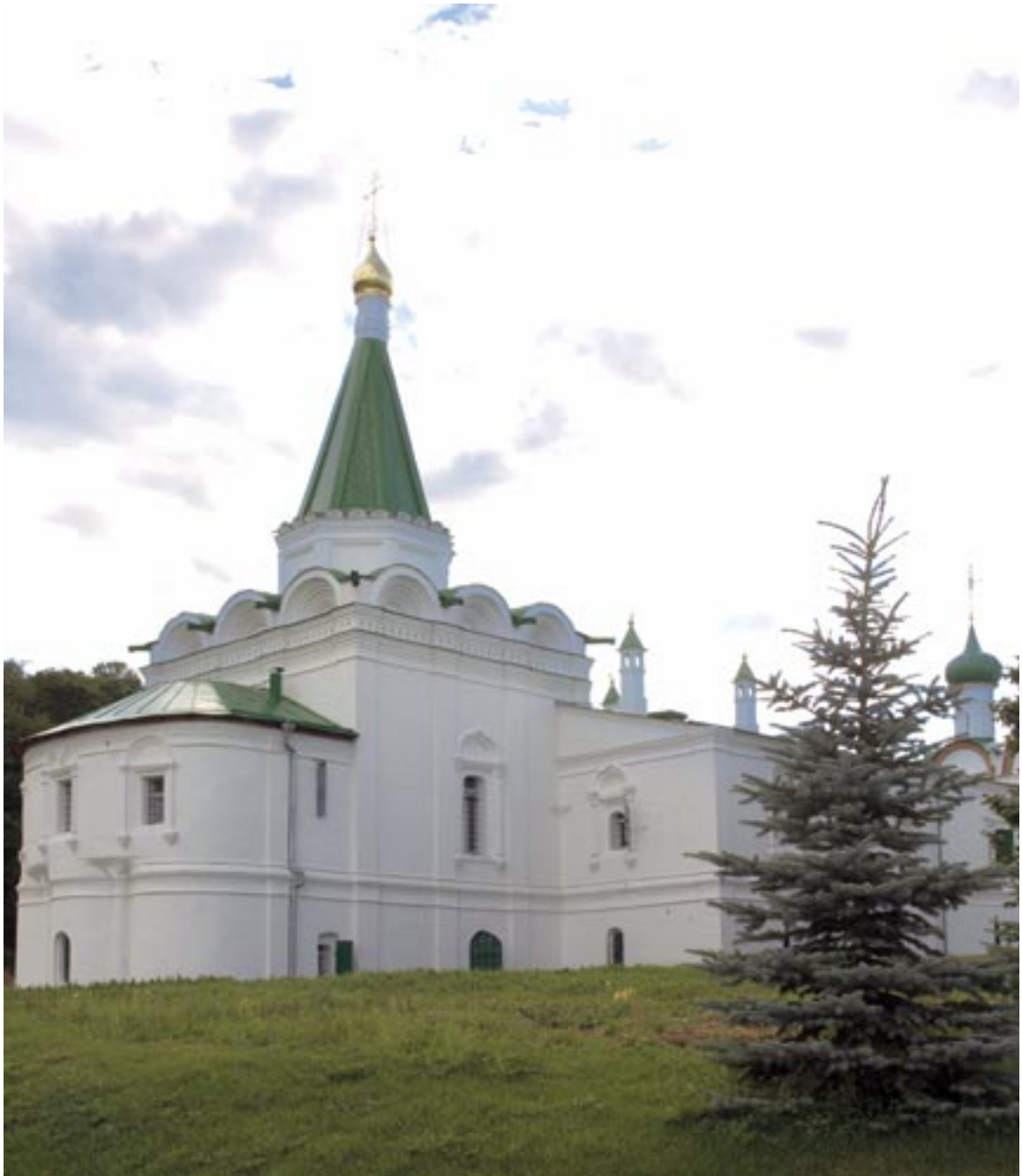
Колокольня, встречающая прохожего, очень хороша, стройная, как и положено, звонкая, но что-то тянет глаз, где-то то ли чего-то нет, то ли лишнее... Не с первой и не со второй попытки взгляд успокаивается: ага, вот в чём дело. Слухи над арками колокольни лежат на наклонных плоскостях граней, вот необычность. Их всегда делают вертикальными, по отвесу. Они недаром напоминают внешним видом окна: через них колокольня смотрит, как её слушают, и становится антропоморфна. Уши (слухи) есть, глаза (те же слухи) есть, языки у колоколов, остальное уж кто как дорисует в уме. Когда слухи улеглись на плоскость с тем же углом наклона, теряется их способность видеть, они устали в небо, как глаза у покойника, и больше не привечают прихожанина. Кто так сделал, автор ли, или реставратор, неведомо, но получилось непривычно, как острие карандаша, заточенного машинкой с фрезой.

Общая конструкция церкви немного непривычна поперечностью, которая явно пересиливает продольность, но неподалёку есть ещё одна похожая поперечность, Успенская церковь Макарьевского Желтоводского монастыря (очень сильно переделанная во вкусах первой половины XVIII века), схожесть руки чувствуется по числу нижних шести (в Макарьеве верхних нет) кокошников (см. выше. То, что от великого ума срезали в Желтоводском, не скрыто в Балахне: под одним пятиглавием стоят две горки кокошников и потому две церкви. Предположить тут какую-то связь с тематикой старообрядчества боязно, в триединстве двоицы и двуединстве троицы надо хоть что-то смыслить, недолго и шею свернуть. Но нельзя бороться с ощущением восторга от того, как просто и убедительно выражена невнятная сналету мысль: три да три дают не шесть на западе и востоке, а пять, потому что один кокошник общий, он относится и к северной, и к южной части.

Вот блистательная иллюстрация значения формообразования: найденная форма столь выразительна сама по себе, что декор на ней тоже хорош, но обладает главным свойством хорошего декора – он съёмный, может быть, может не быть.

Что станется со всеми «строгановскими» церквями, если красок нет, декор ещё не навесили, он сделан, привезён, но пока лежит на дворе, сложенный аккуратно на травке рядом? Сущее тощее уныние. Правильной форме деликатный декор не помеха, неправильной – любой декор не спасение.

✱

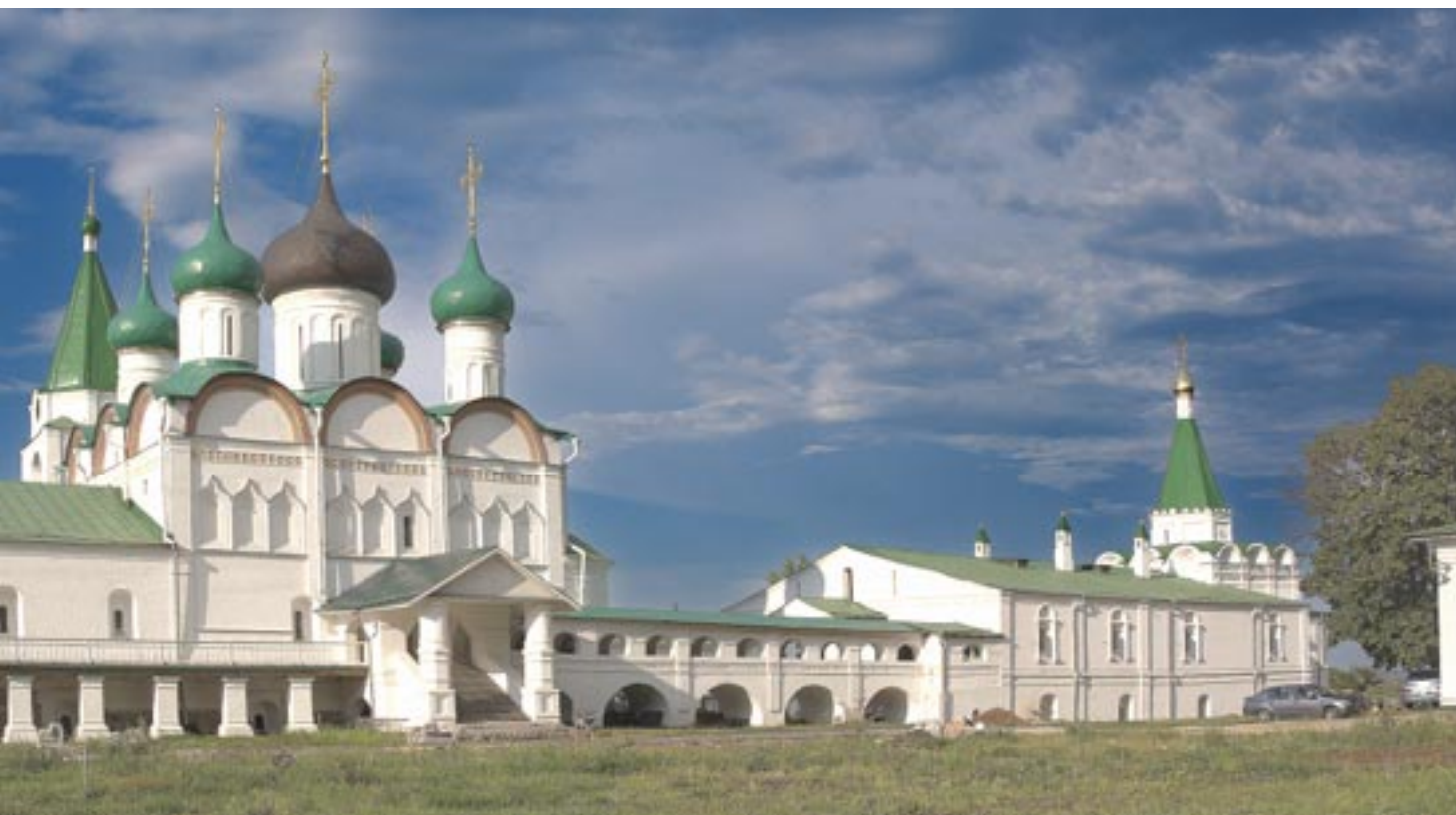
Балахна. Спасская церковь.

В Печерском монастыре пещеры все, как одна, легендарные. Давеча ещё были, а нынче все засыпались и обвалились – грунт неподходящий, не гранит, вода близко. И всё же название не обманывает. Он сам весь как пещера, он и есть драгоценность. Доступ к ней – мало что не из кремля, в самом центре города, вход открыт, но лишь для тех, кто знает, а так просто и не сыщешь. Слова только подходящие про кунжут надо вспомнить – глаза и откроются.

Он на редкость приветлив. Вроде всем положено паству не гнать, а вести, но здесь особенно, словно каждому ложе по организму отливали в тёплом металле, нигде не жмёт, не трёт, и мягко, и просторно. Обычно такому монастырскому отрезанию от мира помогают стены и тишина, а здесь и город в в двух шагах, и река в трёх. Здесь всё открыто, напоказ, как вывернутая половинка съеденного апельсина. И всё равно работает, колдовство внутри самой архитектуры, она образами проникает в голову и порождает эмоциональное отношение к ней, минуя стадию выработки осознанной, проанализированной, сформированной рационально оценки. Эмоция падает на ум, как песня на слух, и вид застревает в памяти как аромат, на десятилетия, этот вкус не надо воспитывать, рука сама тянется к шероховатости камня неизвестно зачем, но когда отнимешь пустую руку, вроде и полегчает. Эмоции, чувства, ощущения, образы – всё это литература, размягчение тёплого сердца в области ума и грустная красота от игры воображения. Но привычка разбираться не помещает и тут.

Свежие исследования дезоксирибонуклеиновой кислоты и многообещающие медицинские перспективы в связи с ними сводятся, насколько можно понять химико-биологически бессмысленному человеку, к тому, что на

наследственность, в том числе и на наследственные болезни, решающее влияние оказывают не только собственно правильно расшифрованные буквы кода и их порядок, но некие материально пока смутно определённые, не до конца распознанные связи, флюиды, зафиксированные в повторяющихся опытах; воздействие на эти эфирные связи может быть по крайней мере не менее эффективным вмешательством в механизмы развития болезней, чем вторжение в кодировку и биоинженерные новации. Как в психологии: все методики работают с человеком как с чёрным ящиком, если этот человекоящик потрясти, перевернуть, проткнуть на входе и впрыснуть чудодейственную словесную инъекцию, то на выходе при полном соблюдении процедуры и рецептуры в зависимости от характеристик ящика, как правило, получаем ожидаемую реакцию, но как и на что таблетка внутри сосуда действует, никто как не знал, так и не знает.

Вся хирургия когда-то начиналась с топора. Примерно на таком, топорном, уровне развития пока находится и история. Века и тысячелетия уходят на то, чтобы дознаться, как оно было на самом деле, на то, чтобы не забыть или восстановить факты, открыть то, что ещё сокрыто. И даже на этом поприще работы не убавляется. Редкий специалист осмеливается спросить – как оно было на самом деле? Ещё реже находится ответ на этот вопрос. А уж вопрос, отчего произошло то или иное, почему – даже не ставится. Мотивация поведения, хоть масс, хоть человека – тёмный лес. Дальше несложной истины, что если тронуть горячее – будет ожог и придётся отдёргнуть руку, размышления над мотивацией поступков не идут. Единственное, что не подвергается сомнению – она какая-то была, отчего-то из веера возможностей реализовалась одна.

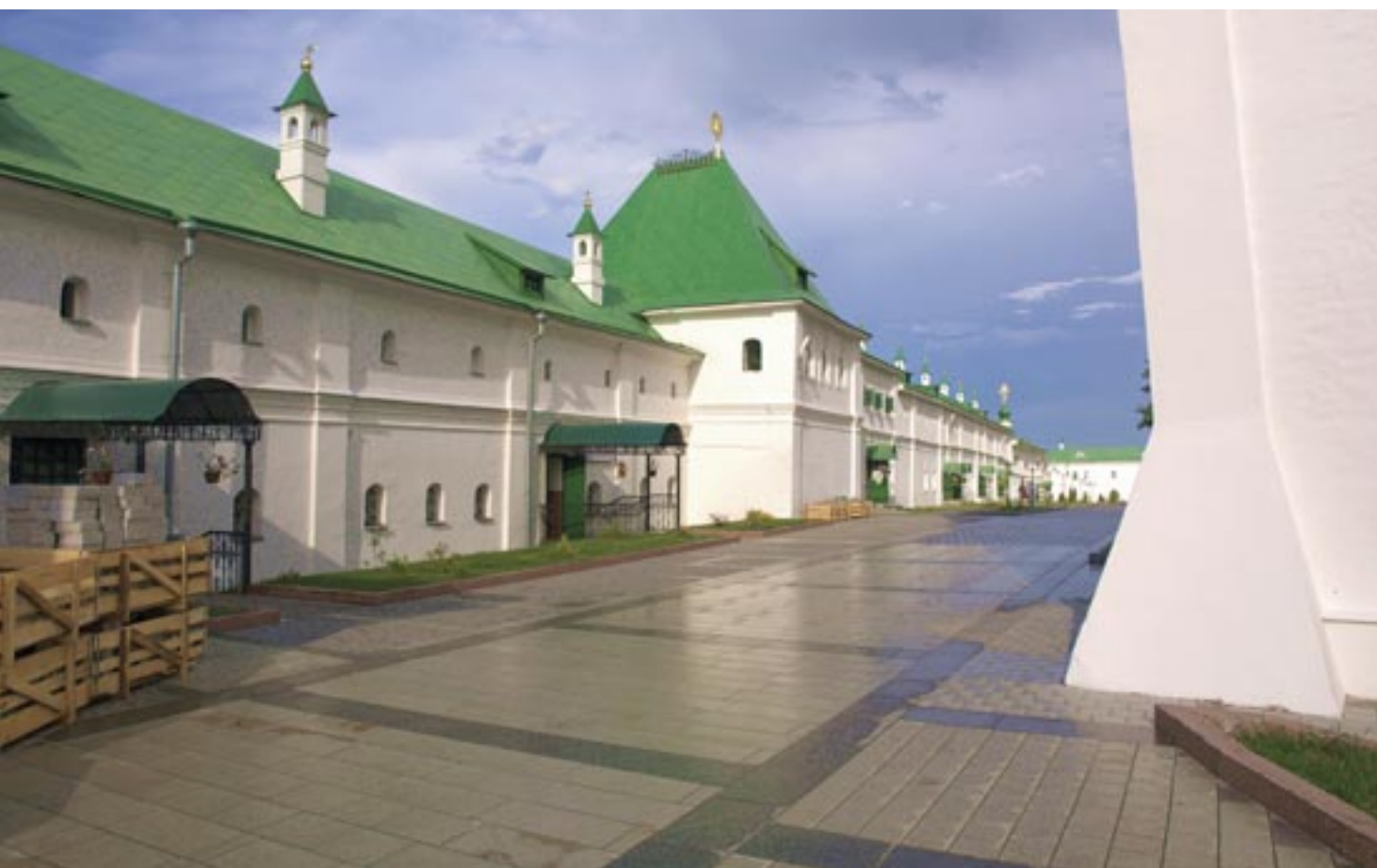

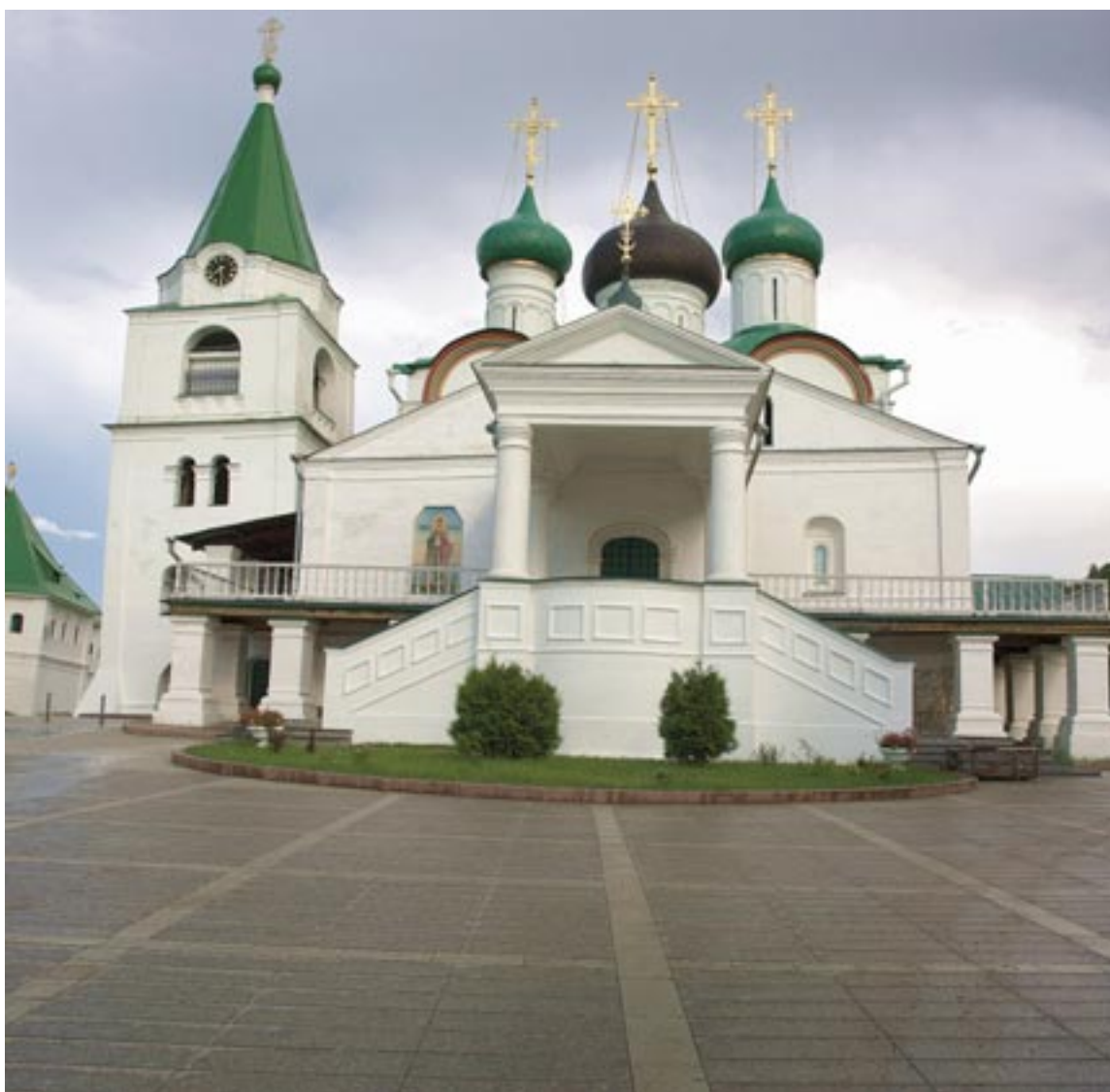

Это продолжительное отступление от темы в духе Гельвеция понадобилось для аналогии. Как летучая связь элементов кислоты существенна для её функционирования, так и эмоции значительны для мотивации поступков. Они (эмоции, чувства) далеко не единственный механизм формирования мотивации (тут список бесконечен, от образования до погоды), но если в огромном поле незнания начать возделывать самую маленькую делянку, основанную на допущениях и предположениях, хуже не будет. Важно только сознавать границы, за которые не смеют выходить даже отчаянные фантазии. Никто и никогда ничего не скажет о мотивации Л. ван Бетховена, мир его чувств предельно точно описан в музыке, и в буквы его не перевести, но интонирование, аромат интерпретации при исполнении на горизонте заподозрить можно, и это делает С. Рахманинова или С. Рихтера его великими понимающими и оживителями.

Архитектура – настолько сильный источник эмоций, что связь эта, насколько известно, мало изучена, если вообще установлена. Твёрдо известно только, что нагромождение многоэтажных зданий дурно влияет на общественное здоровье во всех смыслах, развивая в мотивационной сфере лишь тоску и

Возраст обломка пилы неясен, заклёпка в основании отсутствующей рукоятки слишком круглая, но конструкция могла не меняться веками: верхняя рукоятка наклонена от направления распила, чтобы облегчить качающуюся подачу вперёд, зубья вниз, чтобы вес пилы помогал тому, кто снизу.

Когда наука так же освоит эмоциональную сферу,
как церковь, канет в Лету надуманное противоречие между ними.

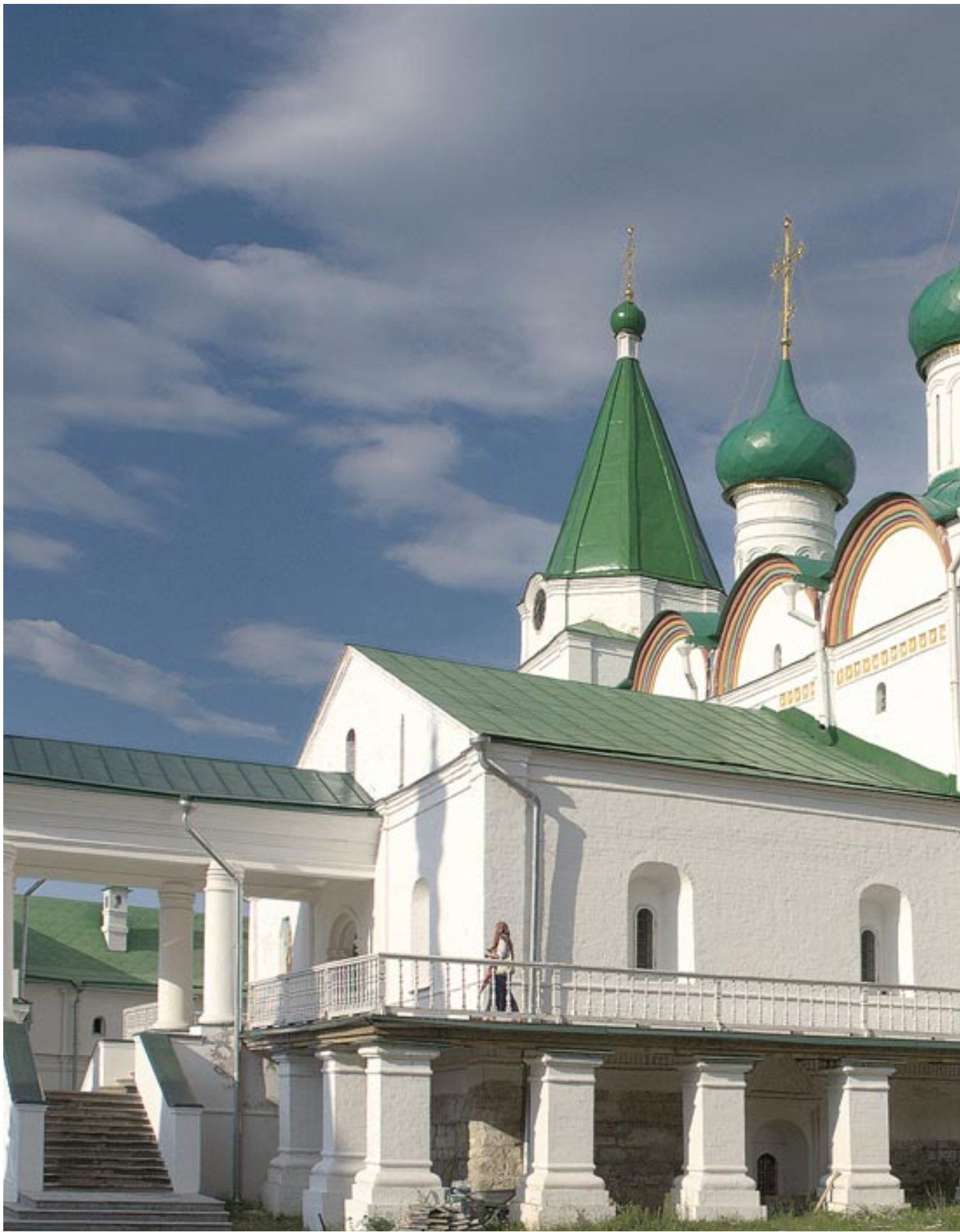

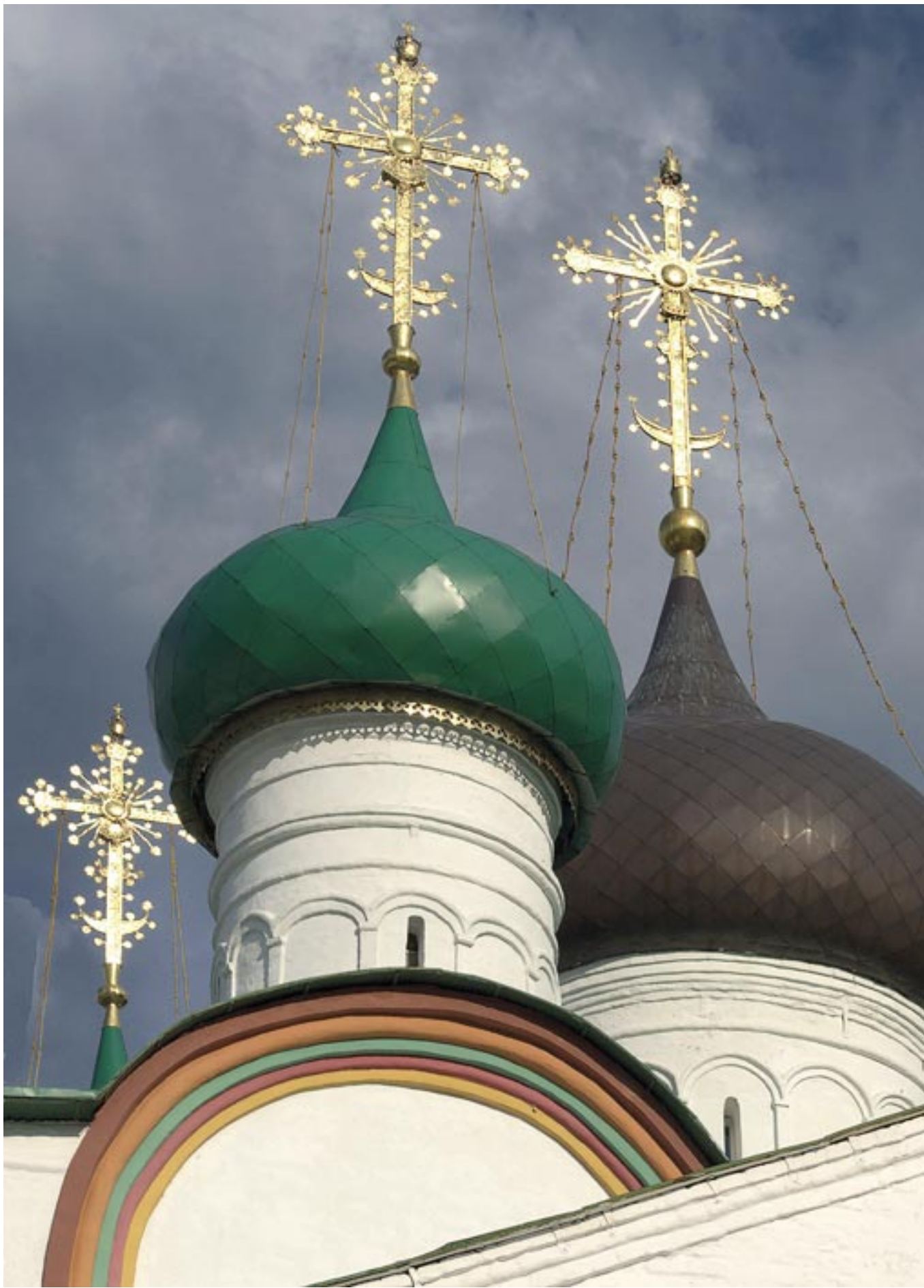

«... в них живут и умирают».

Израдное было решение: аркатурный пояс из окон, из девяти – восемь заложены; на западном фасаде четверика устроены три маленьких окошка: куда и в каком часу падал из них свет зимой и летом?

Предивный уголок.
Гульбище как мировоззрение. И что там слева за полукруг?

агрессию, поскольку архитектура после пятого этажа становится незаметной и ненужной, достаточно инженерии и технологий строительства для удовлетворения первичных витальных потребностей. Методом проб и ошибок установлено, что для уменьшения гадких последствий урбанизма как цивилизационного явления полезны парки, цветники, широкие тротуары и малые формы всего. То, что ещё не лишено признаков архитектуры, то есть то, что можно признать архитектурой, связано с миром чувств более сложным способом, чем программирование. Нельзя сказать, что Страсбургский собор намертво связан с восторгом, а Трирский – со строгостью характера, в отличие от весёленького итальянского барокко, не говоря уж о тоскливом немецком классицизме или вызывающем уныние допожарном московском ампире. Ярлыки, штампы, определения и этикетки изготавливаются неумными людьми для глупцов. Но цвет Берлина есть. Так же, как и цвет Штутгарта. И *GrußGott* там в ходу, а в Халле нет. И если спросить архитектуру об эмоциях, она молчать не станет.

Эмоциональная, чувственная сторона обычно изгоняется из научного исследования, потому что она бесконечно вариативна и не подлежит ухватыванию для научного доказательства, обоснования, для повторного опыта в лабораторных условиях. «Без гнева и пристрастия». Пристрастность незаметно, исподтишка вытеснила страстность. Страстность нимало не противоречит научности, более того, в случае с людскими занятиями, в том числе с архитектурой, бесстрастность делает научные упражнения бессмысленными, лучший пример – немецкий позитивизм. Если изгнать из исследований архитектуры чувственную сторону – на нитку оглавления окажутся намотаны грамматически согласованные архитектурные термины, ранжированные по придуманным типологиям. Архитектура не будит чувство, она и есть чувство, и оно не в глазах смотрящего, а в руках автора. Нельзя вообразить себе красоту там, где её нет.

В Печерском монастыре надо заставить себя задать себе вопрос: откуда появляется ощущение открытого, свободного уюта. Ответов много, один из них: здесь много вольной ходьбы. Даже поздние пристройки снабжены гульбищами, их много, они просторны и протяжённы. Если по ним не бежать от непогоды, а есть возможность не спешить, простор манит упереть взор в бесконечные дали или близкие заборчики, в любое время дня подышать помедленнее, и припомнить что-нибудь из Аполлинера.

И надо воспользоваться научной привычкой психологов: как – не понимаю, но работает. Освоение эмоциональной сферы – не обогащение инструментария, а путь развития, потому что не только точное знание, но даже подозрение, фантастическое воображение о причинах и мотивации поступков, создание представлений о веере вариантов в причинах и последствиях событий обеспечивает более глубокое понимание их цепи, а иногда, как щелчок озарения, именно новое объяснение и понимание расширяют знание не хуже письменного источника или археологических данных. Оказывается, что при таком понимании пропадают неясности, перед которыми застревали исследователи.

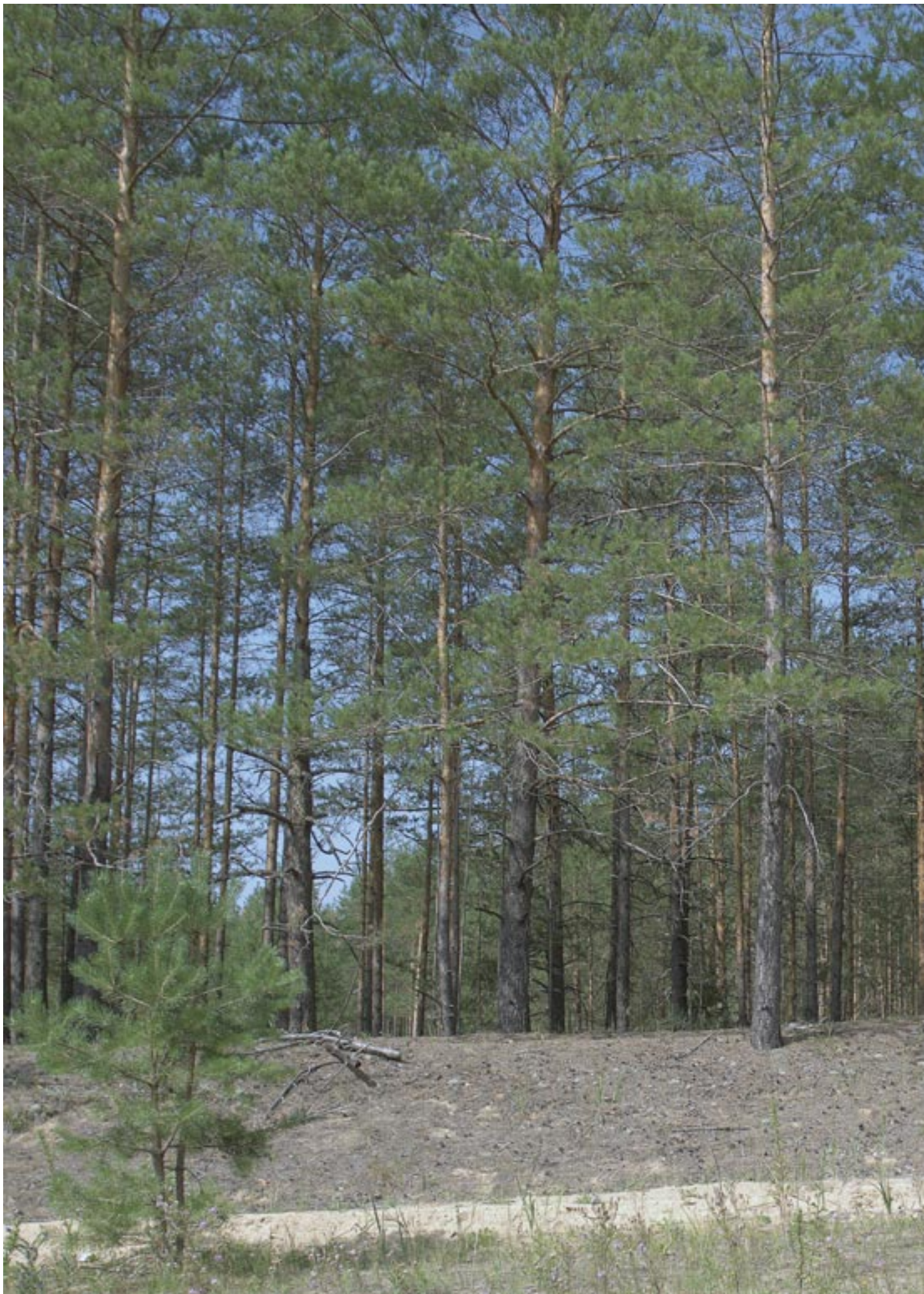
Флорищева пустынь расположена в деревне Фролищи. И то, и другое для русского уха звучит несколько неконгруэнтно оригиналу. Озабоченные думами о витальных нуждах крестьяне в середине XVII века заменили неловкопроизносимое звуко-сочетание «Флѡр» на легко соскакивающее с языка «Фрол», но фонетика тут же победила семантику, лучше не стало. Что Фролищева, что Флорищева, разница невелика, суффиксы камня на камне не оставили от корня, слово опознаётся только по шипению в конце. Как только на помощь приходит перевод, всё становится на свои места: это не Флорищева пустынь, а Цветок пустыни. Вот тут всё верно, и запустение кругом вековое, было и есть, и цветок вырос дивной красоты, редкий, другого нет, весь из второй половины XVII века, без лишнего.

Не отметить эту местность чем-то выдающимся было невозможно. Сильно холмистая, овражистая земля с лёгкими песчаными почвами почти без дорог, даже фронтовых, между Нижним и Солотчей густо заросла светлым хвойным лесом с можжевеловым нижним уровнем, она проти-

вится присутствию человека. Он, правда, всё равно вламывается: те козьи тропы, которые незаслуженно именуются дорогами, могут привести к табличке, которую никак нельзя ждать в глуши – «Город-герой Центральный». Кроме живописного переплетения проводов, нет никаких намёков на приближение очагов цивилизации. Судя по ветхости, табличке давно минуло полвека, и потаённая важность оборонительного подзаголовка волнует уже сердца только отставных военных, но всё же мысль жилкой бьётся в голове: что-то очень тут есть хорошее, и тайна, и лес, и здоровье от можжевельника и вообще от хвои немереное, и медленное умиротворение, как будто в сутках не 24, а четыре часа, и их на всё хватает, и скорости плетущейся лошади вполне достаточно, чтобы попасть туда, куда надо, а если не хватает, значит, и не надо.

Должно быть, такое же впечатление бывает от Оби или Енисея, от Алтая с озером, только там громко, а тут тихо. Тишайшим неправильно назвали Алексея Михайловича, он и поорать любил, и подраться не прочь, и вообще, энергичный был мужчина, одних считанных детей сочинил полтора десятка. Тишайшим был его сын, Фёдор Алексеевич. Трудно сказать, каким ветром его занесло в эти края, но земля полнится слухом, что Флорищева пустынь была им любима, потому что соответствовала складу характера – покой, простор, беззвучие без колоколов, думается широко, а когда колокола бьют, то и светло.

Федор Алексеевич примерился к скипетру и державе в середине своего второго десятка, можно сказать, почти подростком, но недорослем его не назовёшь, в этом возрасте служилых людей мужского пола вызывали на службу в «береговые города», и в войсках они были полноценной боевой единицей. За отмеренные ему и царевне Софье 14 лет (последовательно почти по половине каждому) они в четыре руки натворили так много, что если класть на чаши весов плоды их трудов и содеянное за сорок лет Петром I, последнему для равновесия придётся втихаря подсовывать гири. Не потому что император был ленив или мало успел: наполняя свою меру успехами, он ту же меру опустошал провалами, и к 1730 году положительный баланс свёлся к городу, образованию и большой армии. Эти и подобные свершения не идут в сравнение даже с неоконченным проектом Фёдора Алексеевича об учреждении в России 12 наместников и возвращением из ссылки (Ферапонтов и Кириллов монастыри) патриарха Никона.

С Никоном случилось то же, что и с Фёдором Алексеевичем: раскол начался не с Аввакума и прочих, а с Никона, он стал «что-то» или «всё» менять, он – инициатор и двигатель перемен, а имя пристало к его противникам, он пытался обрядовыми переменами прикрыть главное в устройстве церкви, она должна была через подобные государственным институции и учреждения наконец начать выполнять то, для чего после рождества Христова предназначалась – для защиты сирых, для совета в делах, для того, чтобы посох совести был у каждого. В этом смысле патриарх – самонадеянный мечтатель не хуже Савонаролы, Лютера, большевиков и прочих любителей «начать, в конце концов, историю с чистого листа, построить все замки сызнова, потому что вот теперь-то стало ясно, как же это ухитриться сделать». Он, Никон, – и есть расколочитель, бунтовщик «похуже Пугачёва», но положение так удобно

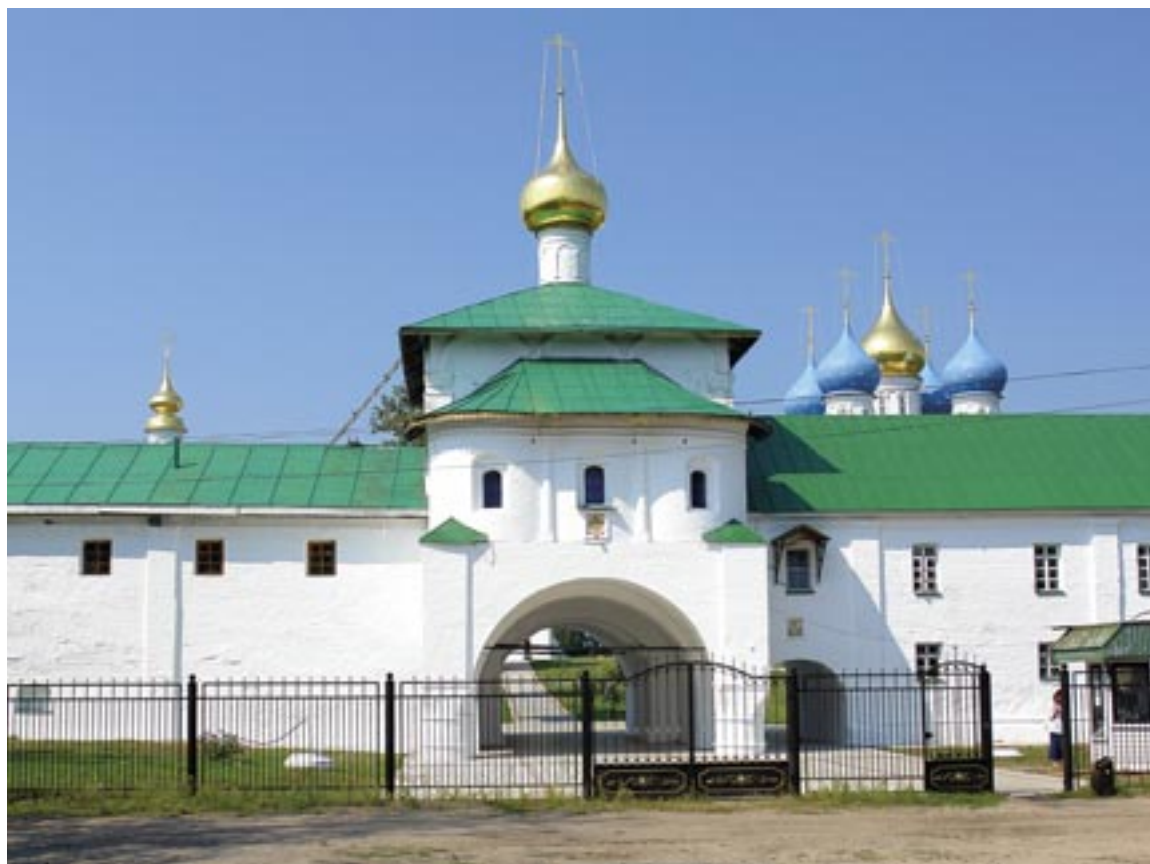

Впервые, насколько известно, такие гнутые затычки в выступающем из стены колокольни кулаке металлической связи были применены в Успенском соборе московского кремля

перевернулось с ног на голову, что так и устоялось, так и сохранилось на столетия. Теперь уже и староверы нетвёрдо знают, а в чём, собственно, отличия, кроме повышенного трудолюбия, двоеперстия и старых книг. Поэтому и сам Никон, находясь уже в Ферапонтове, обрядовые разногласия считал пустяковыми, не в них суть дела, а в том, что в очередной раз попытка утопию превратить в реальность, сдвинуться с точки, на которой застряла вековая несправедливость, была уловлена властью, перехвачена и переиначена ею, превращена уже Петром I в свою противоположность в виде правительствующего синода, и о Никоне, самой интересной, по словам В.О. Ключевского, личности в истории XVII века, известно только, что он кончил дни на Которосли в Ярославле неподалёку от устья. Про то, что его деятельность – настоящая альтернатива третьесословному, гене-

Надвратная церковь не от хорошей жизни снабжена четырёхскатной крышей; некоторые переделки переделаны так хорошо, что переделать обратно уже не выходит: следов старого не осталось; какая-никакая, а всё-таки воинская часть тут не просто так стояла, делом занималась

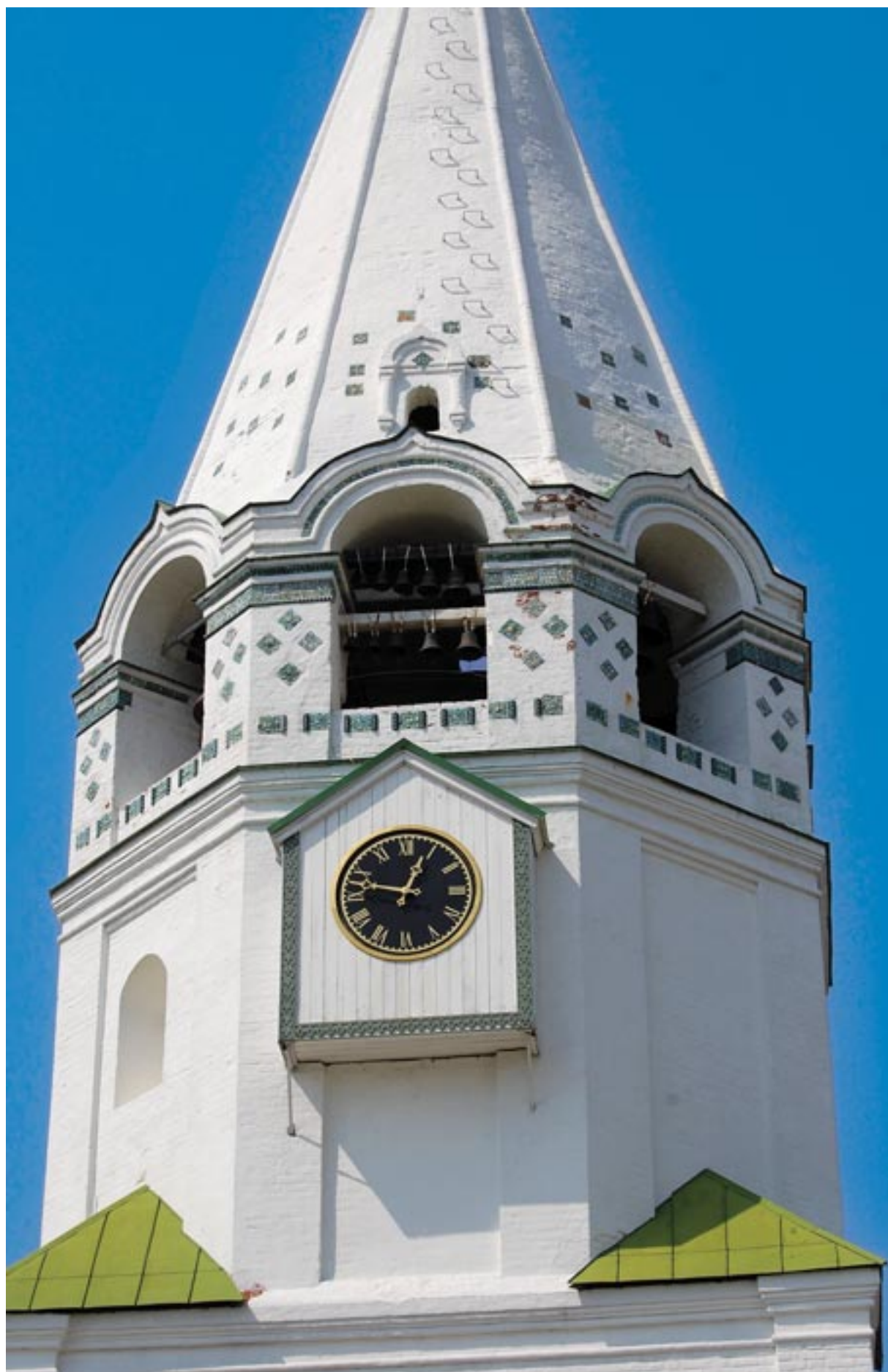

Колокольня обладает редким качеством – изысканная простота, снабжённая обезоруживающей хитростью скупых средств: каждая грань шатра украшена рисунком нескольких изразцов, и даже если несколько выпали, это ничего не портит; черта мастера – видеть линию красиво, чем проще линия, тем строже, полнее красота, в монастыре эта черта видна везде; лишнее в образе не отсекается резцом, как у скульптора, лишнее не рисуется

рально-штатному, будущему парламентско-демократическому пути развития – ни слова нигде. Как ни слова о пути, предложенном Фёдором Алексеевичем. С обрядами договориться труда не составляет, как решим, так и будет, два пальца при осенении крестным знаменем отличаются от трёх только если третий отрублен, окреститься можно хоть гирей. Самое трудное – как быть с созданными патриархом Никоном институциями, с архиерейскими домами и созданными при них учреждениями, с их реальной ролью в жизнеустройстве огромных территорий и масс людей, они ведь связывают страну более крепкими связями, чем служебно-владельческие, и эффективность их во всём, что не касается войны, вне конкуренции – они более успешны, чем помещики, вотчинники, бояре и воеводы; Благовещенский монастырь в Нижнем не пищалями крепок в отличие от кремля, и не стенами, а совсем неодолимой силой – верой. И так каждый архиерейский дом, от Ростова начиная, далее везде, не перебарывая светскую власть, а выращая параллельную.

Алексей Михайлович задачу не решил, не получил прощения от Никона, так в 46 лет и ушёл без благословения, а сын придумал. Идея простая, как в шахматах детский мат. Когда первоиерархов не один, а 12 штук, пусть даже они выберут первого среди равных, всё одно ниже единственного государя, и он владеет всем, среди прочего и ими, высоконаипреосвященнейшими. Такой вариант позволял сохранить созданное Никоном, оставить учреждения и темп перемен, что немаловажно. Мат не случился, потому что доску перевернули, Пётр и вовсе решил отменить все старые учреждения: зачем ездить на телеге, когда есть самобеглая коляска. Коляска, правда, оказалась строптива, с норовом, не поехала по местным хлябям, как её двести лет ни погоняли, ни поносили, каких лошадок ни запрягали.

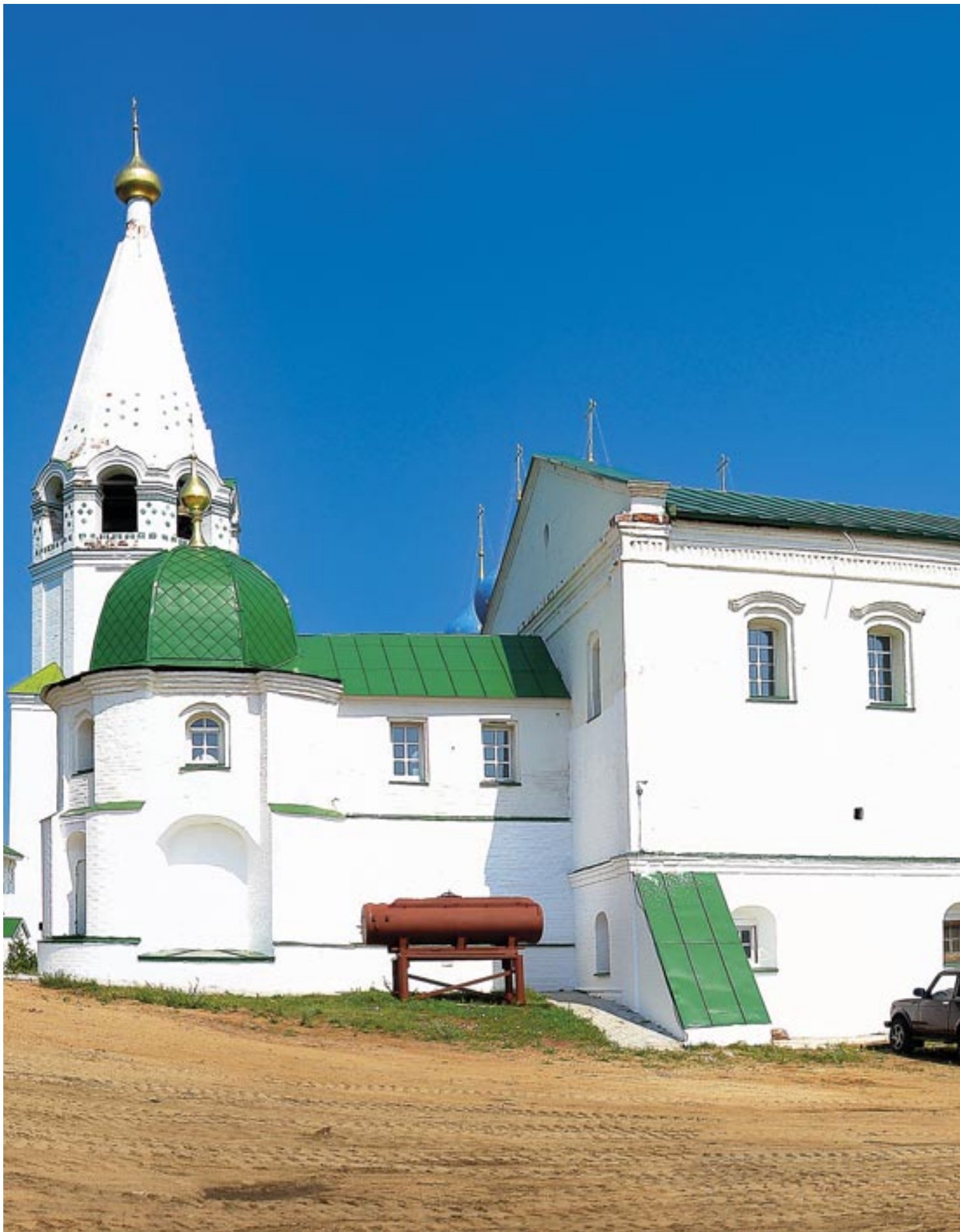

Башенка слева напоминает об Угреше, бровки над окнами – о Борисоглебском, а антилопатки – о Новом Иерусалиме.

Монастырь Флорищева пустынь расположен на возвышенном берегу реки Лух, на так называемых Флорищевых горах. Первоначально на месте монастыря стояло несколько деревянных строений (первая церковь построена в 1651 г. Основное каменное строительство, развернувшееся после приезда в пустынь Царя Федора Алексеевича в 1677 году, проводилось под непосредственным руководством настоятеля монастыря Иларiona, который к этому времени стал духовным наставником Царя. Царское расположение и обильные дары превратили небольшую обитель, затерявшуюся в глухих Гороховецких лесах, в крупный монастырь, владевший богатым хозяйством и обширными угодьями в разных губерниях.

С 1682 строительство монастыря года продолжил Иринарх. Но все постройки возводились под контролем Иларiona, ставшего Суздальским митрополитом, а Троицкая церковь была построена и на его средства.

Культовые, жилые и хозяйственные здания, возведенные в конце XVII века, занимают почти квадратную территорию площадью около 3 гектаров. Основные культовые постройки отнесены от главного входа в монастырь и поставлены ближе к краю бровки откоса, являясь крупными ориентирами при движении по реке Лух. Успенский собор (1681г.) занимает северо-западную, наиболее высокую часть монастыря; Троицкая церковь (1684 г.) стоит параллельно южной стороне, и между ними возвышается колокольня (1681г.). Восточную сторону монастырского ансамбля составляют надвратная церковь Петра и Павла, два протяженных корпуса и кладовые. В юго-восточном углу располагалась церковь Зосимы и Савватия (1692 г., разруш. в 1950-х гг.), входившая в сплошную фасадную застройку главной панорамы. В XVII же веке были возведены корпус келий южной стороны и два небольших корпуса: служебный, построенный на средства гороховецкого купца С. Ершова (разруш. в 1978 г.), и настоятельский, стоящий около колокольни. В юго-западном углу монастыря был построен деревянный дворец (разобран в 1808 г.) для царя Федора Алексеевича, неоднократно приезжавшего в пустынь. Каких-либо графических изображений дворца не сохранилось, но царский дворец в подмосковной усадьбе Коломенское, по-видимому, может показать характер его архитектуры.

При рассмотрении плана монастыря четко прослеживается главная пространственная ось, на которой расположены колокольня и надвратная церковь. Традиционная ориентация основного входа в

собор получает иную интерпретацию: композиционным акцентом выступает смело устремленная вверх колокольня, значимость которой подчеркнута тем, что она превышает высоту главного культового сооружения — собора. Благодаря своему динамичному силуэту она активно уравновешивает крупный кубический объем собора и протяженную церковь Троицы с трапезной.

Доминирующая роль принадлежит собору, а группирующиеся вокруг него жилые и культовые здания образуют сложные живописные композиции, рассчитанные на множество точек восприятия.

В архитектуре зданий этого монастыря наблюдается обращение к суровой, мужественной и монументальной архитектуре XVI века. Кроме того, здесь совершенно очевидно возрождение традиций древнерусского зодчества, в частности новгородско-псковской архитектурной школы. Главным элементом ансамбля является Успенский собор, построенный в 1680—1681 годах на царские средства и освященный в присутствии Царя. Собор представляет собой традиционный кубический объем с тремя низкими апсидами, завершенный пятиглавием.

Выразительность мощного, лаконичного объема с тремя крыльцами достигнута гладкими плоскостями стен, расчлененных лопатками на три части и завершенных полуциркульными закомарами. Монументальность здания подчеркивают, ряды глубоких, вытянутых ниш, начинающихся почти от земли и объединяющих два яруса крупных окон. Ориентация архитектурно-художественного образа Успенского собора на храмы Новгорода и Пскова подтверждается, в частности, наличием характерного для этой школы орнаментального пояса, жучковый орнамент, который проходит по апсидам алтаря и центральной главе. Этот орнамент впервые был использован во Флорищевом монастыре.

Главной архитектурной доминантой ансамбля является колокольня, построенная в 1678—1681 годах. Она создает запоминающийся образ, в котором важную роль играет высокий шатер. Первые четыре яруса имеют квадратный план (9,5х9,5 м) и соединяются внутренними лестницами. На мощном четверике стоит более легкий трехъярусный восьмерик, завершенный полуциркульными проемами яруса звона. Плоскости стен колокольни расчленены угловыми лопатками и прорезаны глубокими оконными проемами, составляющими основную часть ее декоративного убранства. Только ярус звона насыщен пластически более богатыми по профилю арками, имеет изразцовый фриз и отдельные керамические вставки.

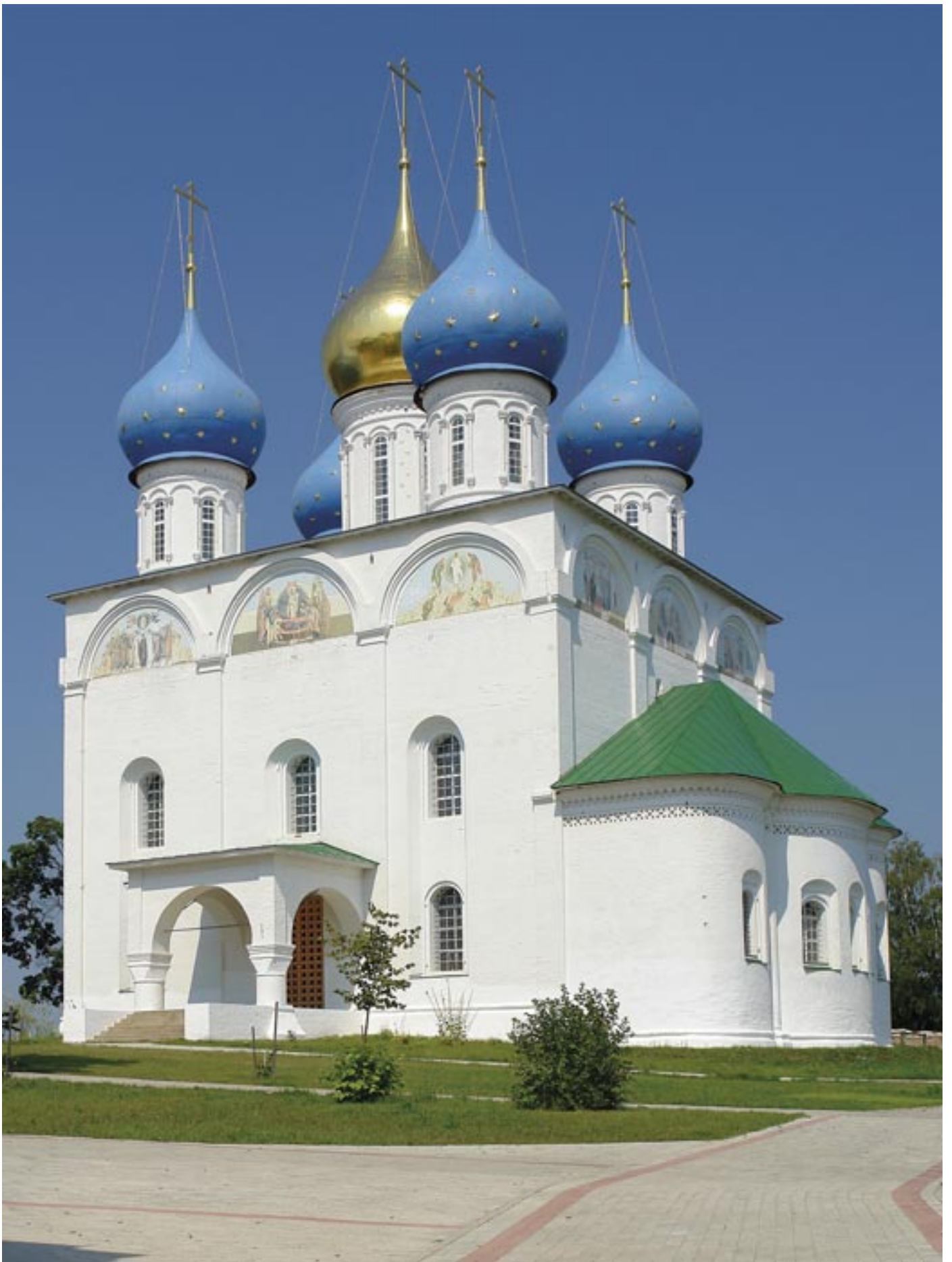

Боголюбивый царь Федор Алексеевич Романов (годы царствования 1676-1681гг.) пригласил настоятеля обители преподобного Илариона во дворец, где он был с честью принят и затем всегда был дорогим гостем, чьи духовные беседы много способствовали духовному росту царя и его близких. Вскоре и сам Федор Алексеевич посетил скромную, но благодатную Флорищеву пустынь. Милости, оказанные им монастырю, были вонстиню царскими. Федор Алексеевич пожаловал пустыни мельницы, лесные и земельные угодья, покосы, рыбные ловли и многое другое, в чем нуждался монастырь. Самое же главное - по указу царя вместо деревянных церквей и келий были построены каменные, да таких размеров, что даже у столичных жителей спадали с голов шапки, когда они задирали головы, чтобы рассмотреть кресты на храмах. К примеру, колокольня была 4-й по высоте в России. Каменное строительство велось очень быстро. Огромный пятиглавый собор во имя Успения Пресвятой Богородицы и колокольня были возведены всего за один год и освящены в присутствии самого царя 30 сентября 1681 года. Иконы для Флорищевой пустыни писал знаменитый царский изограф XVII века Симон Ушаков с учениками.

С того времени, как обитель стал опекать царь, заботы о хлебе насущном более не обременяли братию и не отвлекали от главного монастырского делания - молитвы. Умное же и рачительное ведение монастырского хозяйства позволяло и братию довольствовать всем необходимым и многочисленных паломников кормить.

Князь Борис Алексеевич Голицын, казанский воевода, принял здесь иноческий постриг с именем Боголеп и также передал в дар обители многие церковные ценности. На свои средства князь выстроил в монастыре двухэтажный корпус, впоследствии именовавшийся Голицинским. Здесь инок Боголеп скончался и был погребен у алтаря Успенского собора.

Вскоре преподобный Иларион по желанию царя был возведен в сан митрополита, и ему была доверена в управление древняя Суздальская епархия. А монастырь продолжал строиться. В 1684 году была возведена теплая церковь во имя Пресвятой Троицы. В 1692 году надвратная церковь во имя святого Ефрема Сирина (позже она была переименована в честь первоверховных апостолов Петра и Павла). Последняя, четвертая монастырская церковь в честь преподобных Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев, была освящена в 1703 году.

Кроме того, в 1766 году на шестом ярусе были установлены часы. Скромное внешнее убранство колокольни Флорищева монастыря соответствует общему художественному единству ансамбля и является интерпретацией архитектурного образа главных монастырских зданий.

Необходимо отметить, что колокольня по высоте достигает в высоту 23 сажени (49,5 м) принадлежит к числу крупнейших столпообразных сооружений XVII века (высота самой значительной колокольни Ярославля — около 40 м, Ростовского кремля — 38 м, и только ярусные колокольни московских монастырей имели высоту около 70 м).

Третьим главным сооружением центральной части монастыря является Троицкая церковь с трапезной, поставленной на высоком подклете и составляющей южную сторону главной площади. Церковь относится к распространенному в XVII веке типу одноглавого бесстолпного храма. Плоскости стен церкви и трапезной объединены единым ритмом глубоких полуциркулярных ниш, подобных нишам стоящего напротив Успенского собора, и, по видимому, она была построена теми же мастерами, которые строили собор. Троицкая церковь аналогична по архитектуре Успенскому собору. Вокруг основного архитектурного ядра группируются постройки, дополняющие ансамбль и являющиеся необходимым фоном для восприятия ведущих сооружений. К ним относятся надвратная церковь Петра и Павла, церковь Зосимы и Савватия, а также служебные, жилые и хозяйственные корпуса.

Надвратная церковь играет значительную композиционную роль, поскольку фиксирует главную планировочную ось ансамбля монастыря. Кроме того, она является важным вертикальным акцентом, дополняющим общий силуэт монастыря. Церковь Зосимы и Савватия, также была необходимым элементом ансамбля. Эти церкви, как и церковь Троицы, принадлежат к типу одноглавых бесстолпных храмов и повторяют ее основное объемно-планировочное построение и архитектурные детали. Двухэтажные протяженные корпуса келий и хозяйственные кладовые, построенные в конце XVII века, завершили формирование восточной панорамы монастыря и объединили отдельно стоявшие вертикальные акценты в единую архитектурную композицию.

Флорищева пустынь относится к числу редких архитектурных ансамблей, осуществленных на основе единого градостроительного замысла. Он демонстрирует не только своеобразную стилистическую однородность архитектуры главных зданий, но и лаконичность планировки, основанной на впервые использованном здесь новом приеме размещения культовых сооружений.

Несмотря на приличные расстояния от Нижнего, Москвы и прочих крупных городов, Флорищева пустынь оказывается очень удобным высоким местом для наблюдения за событиями царствования именно Фёдора Алексеевича. Если место было им любимо, то нельзя исключить, что он здесь бывал не раз; предположим, что хотя бы три выезда сюда на богомолье он совершил за период царствования или раньше, от неполных пятнадцати до чуть меньше двадцати одного, примерно месяцев за 80. Чуть меньше 400 вёрст в один конец – дней 15–20 с обозом, который позволяет не прерывать надзор за хозяйством, то есть управлять страной. На месте пару недель, да надо, и передохнуть, и поговорить, и за нуждами местными уследить, и обратный путь. Месяца полтора–два на богомолье надо, в Троицу, конечно, побыстрее, путь покороче. Полгода из своих семи Фёдор Алексеевич провёл с мыслями о Флорищевой пустыни. Это уже не так-то и мало, если расчёты верны, но даже если меньше, три–четыре месяца, это не сильно меняет дело, тем более что ошибка равно вероятна в обе стороны, – не полгода, а больше. Что-то оттуда было лучше видно, чем из других мест.

Фёдору Алексеевичу было отпущено немного времени, но и он успел войти в историю искажённым своим образом, как Никон. Ни сторонники Фёдора и сочувственники его несчастной судьбе, ни хулители немощного самодержца не отмечали тот же, что у Никона, шекспировский трагизм. Страсти Хованщины, эпический размах ужасов и последующие вздыбленные полвека украли время спокойно воздать должное намерениям и задумкам, тому, что было начато и не было окончено, но было – и оставило следы беспримерного умственного подвига. Авторство его установить не удастся. Мысли эти хочется вложить в уста и юному царю, и его ближним, прежде всего Ивану Максимовичу Языкову, Алексею Тимофеевичу Лихачёву, Василию Васильевичу Голицыну, или иным ещё, но вернее сказать, что идеи носились в воздухе, и их надо было только собрать, нарастить и вырастить, как кристалл.

Но прежде кристального проекта отметим ещё одну черту биографии, роднящую царя теперь уже с другим, более отстоящим по времени самодержцем – Иваном IV. Обоих судьба одарила любимыми первыми супругами, и не менее обожаемыми первенцами, и, много дав, много и погубила, причём с безжалостностью, превосходящей по модулю недавнее счастье. Про царевича Илью ничего не слышно в истории – преставился на второй неделе жизни, а перед ним и Агафья Грушецкая, спасённая для царского брака Иваном Языковым от наветов Милославских. После таких горь как-то не думается ни о каких проектах и преобразованиях, живой остаётся только ярость, если хватает сил. А если не хватает – то хотя бы помолчать в таких местах, как Флорищева пустынь, она неизбыточна ненужными вещами.

Именной проект, или преобразования безымянны – не так уж важно. Сама конструкция отменно хороша. Она продолжает и превосходит, обнимая и включая в себя, труды патриарха Никона, потому что уловлено самое, какжется, важное.

В самом начале 80-х годов XVII века сформулировано предложение поставить над 12 наместничествами (на которые должна быть поделена вся земля) по паре руководителей – наместников и первоиерархов. Названия не очень

важны, их не успели придумать. Наместник – старше, чем губернатор или воевода, но существенно младше, чем царь, и полномочия его толком не очерчены, он скорее свадебный генерал, чем главнокомандующий, а вся структура управления остаётся в главных чертах прежней, не считая некоторых преобразований в думе и приказах; словом, наместник должен уподобиться японскому императору, следить за живописью и литературой, не гнушаться высокими искусствами, но житейские мелочи администрирования и менеджмента – для тех, кто пониже. Ничего похожего на удельную систему с владельческими князьями нет, но патриарх Иоаким ухватился за такую возможность и не согласился с проектом, что в конце концов погубило идею и патриаршество как должность.

Первоиерарх – тоже неважно, как именуется, папа, патриарх, митрополит, в конце концов, митра не чужда и папе, носит и не стесняется, а корневое родство между патриархом и папой не заметить может только тот, кто не хочет видеть.

Дело не в названиях, а в колдовском балансе цифр 12 ⊥ 12. Как ни мал, сколь ни юн, хоть с какими достоинствами и недостатками, но тот, что в середине, – всё же один, а тех – 24 души. Кто бы ни стоял за спиной Фёдора Алексеевича – ему или им принадлежит честь примирения Алексея Михайловича и Никона: центральная фигура в такой конструкции приобретает такие размеры на такой высоте, что равночестность и равновеликость светской и духовной власти помещаются уже не на уровне плеч, а где-то внизу, далеко под подошвами, конкуренция и соперничество перемещаются в область договорённостей и торговли, уступок и побед местного значения – при сохранении всей структуры всех властей с разумными прибавлениями или урезаниями для соответствия задачам. И никаких парламентов, демократий, равенства, равноправия, свободы и, спаси, Господи, братства. Какие *alle Menschen werden Brüder*, было хорошо видно уже через год после составления проекта, 15–18 мая 1782 года, во время Хованщины. И ведь так дотянули аж до начала XXI века, так как полезность Государственной думы всех созывов чем дальше, тем больше требует снисходительности в оценках, как, впрочем, и многие, если не все парламенты повсюду.

Ближе к невесёлому окончанию царствования (27 апреля 1682 года) новая супруга государя (с 15 февраля) уговорила его вернуть из ссылки (после победы Милославских в схватке за власть после кончины Алексея Михайловича) из города Лух Артамона Сергеевича Матвеева. Вернуться-то он вернулся, но уже 15 мая того же года был убит в Кремле разъярёнными стрельцами, как и Иван Языков. Уцелел Василий Васильевич Голицын, он и продолжил попытки преобразований в правительстве Софьи.

Сказать, что с этого места началось раздвоение «западники–почвенники» – глупо. Можно не трудясь сыскать немало примеров, вплоть до Андрея Курбского и Анны, королевы Франции, откуда вести отсчёт, и всё будет неверно. И Милославские со Стрешневыми не почвенники, и Артамон Матвеев с Фёдором Щегловитым не западники. Церковь, построенная А. Матвеевым в Поляркове, вообще содержит древнекитайские мотивы в чертеже окон и в принадлежности к местной почве ни вершка не уступит Лыткарину под Моск-

вой или Борисоглебску под Муромом. Водораздел между теми и теми лежит там, где чудятся простые решения, топор как развязыватель узлов, скачки через пропасти как способ ходьбы и всматривание в бездны перспектив вместо разглядывания тропы под ногами. Растрёпанные и растерзанные противниками и временем реформы Фёдора Алексеевича и Софьи напоминают сегодня о себе и ростовским архиерейским домом, воплотившим идеи Никона на практике, и Новодевичьим монастырём со Смоленским собором и Софьиной башней, в стену которой до начала XXI века вставляли просительные записочки, как в стену Храма, и Саввин Сторожевский монастырь с её (Софьиной) церковью, и Флорищева пустынь, не имеющая примеров по чистоте и лаконичности линий, убивающая навсегда характеристику стиля архитектуры XVII века как «узорочья». Троицкая церковь, построенная, правда, уже после Фёдора Алексеевича, содержит архитектурный приём, которому даже названия не придумано, до того он оригинален, свеж, прост. С южной стороны счёт высоким вертикальным нишам с окнами под крышей и почти у земли – семь штук, с переходом через четверик аж на алтарь.

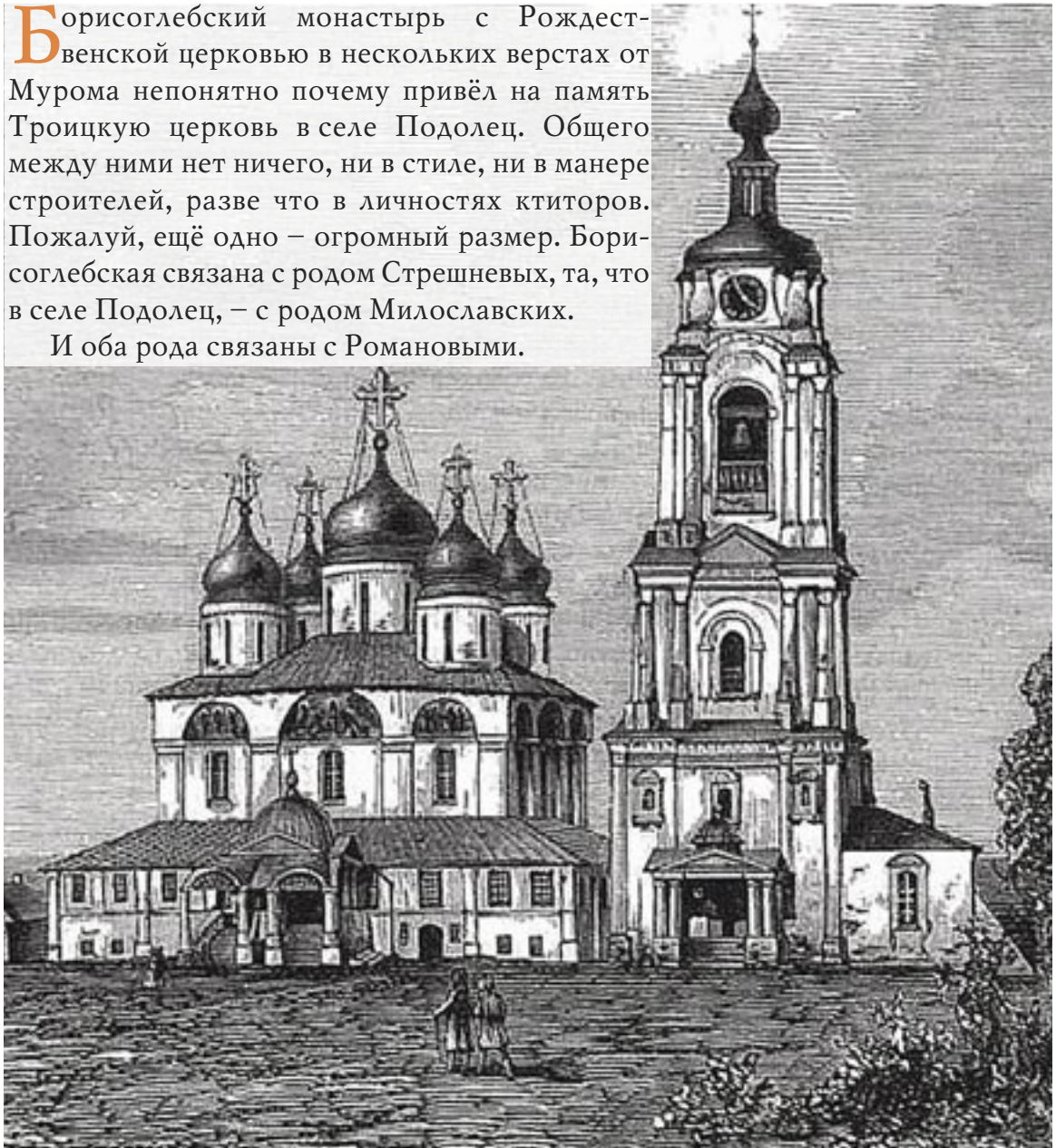
Они так глобальны, так велики, так важны для здания, что даже несколько аляповатая нашлёпка тубетейкой с шишаком надувного шарика наверху не портят облика, образа, вида, так соединяется несоединимое – массивность и стройность.

Простой приём. Улавливание, впитывание запаха цветка, поощрение свободного дара так и видятся в пустыни. И эффект достигается колдовской: преобразование мягко распрямляет человека, возвращает к простым мыслям, но действует как диод: познание не умножает скорбь, а знакомит с ней.

МУРОМ

Борисоглебский монастырь с Рождественской церковью в нескольких верстах от Мурома непонятно почему привёл на память Троицкую церковь в селе Подолец. Общего между ними нет ничего, ни в стиле, ни в манере строителей, разве что в личностях ктиторов. Пожалуй, ещё одно – огромный размер. Борисоглебская связана с родом Стрешневых, та, что в селе Подолец, – с родом Милославских.

И оба рода связаны с Романовыми.

Муромский Богородицeroждественский собор с колокольней
достойн был бы стоять и в столице на Волхонке
(с ксилографии Н.С. Негадаева 1872 года)

На схеме Ростовско-Ярославской епархии, составленной, вероятно, примерно около 1676–1681 годов, в самом начале царствования Фёдора Алексеевича, окольный Иван Фёдорович Стрешнев как крупный землевладелец и государственный деятель

упомянут дважды, в связи с владениями Сулость и Николаевское (есть и нечитаемое название владений жены боярина Василия Ивановича Стрешнева)
(РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484. Ч. 3. № 94).

Знаменская и Рождественская церкви Борисоглебского монастыря примерно на рубеже XIX и XX веков. За 30 лет до следующего рубежа веков Знаменская стоять устала: пригодилась соседям на кирпич.

Фото неизвестного.

Фото: Алексей Трифонов.

Фото: Алексей Трифонов.

Богородицерждественская церковь Борисоглебского монастыря.
Фото: Виктор Курков.

Троицкая церковь Юрьев-Польского уезда села Подолец.

Царица Евдокия Лукьяновна (Стрешнева) до венчания с Михаилом Фёдоровичем Романовым обреталась в Мещовском крае, а царица Мария Ильинична (Милославская) до венчания с Алексеем Михайловичем пребывала под Болховом, тоже недалеко от Калуги и Козельска с Оптиной пустынью, и то, и то – окские места, но самое для нас главное в том, что два рода были в самых близких отношениях с обладателями скипетра и державы в те времена, когда было заложено, спроектировано, создано и развито до могущества цветущее

состояние российского государства, упавшего в подставленные ладошки Петра Алексеевича, при котором архитектурный облик страны начал стремительно и сознательно меняться, чтобы старое сменилось новым. Образцы нового, как водится, пришли с запада, отличие от прецедентов лишь в том, что старые фряжские мастера приглядывались к местным условиям и привычкам, а новые отовсюду – нет.

Чтобы высказать мнение об архитектурных стилистических предпочтениях Стрешневых и Милославских, надо проводить специальные разыскания, и всё равно любые мнения окажутся предположительными, бездоказательными и недостаточно обоснованными. Поэтому со столь же малыми и недостаточными основаниями предположим, что нечто общее, кроме размерных характеристик, всё же было: это наличие гульбища, не просто большого, а чудовищного, необъятного, превосходящего масштабом и пропорциями и галерею, и паперть, и балюстраду, и обход, и прочие похожие наименования. Это не единственная характеристика архитектурного вкуса, например, Милославских, они очень ценили шатровые завершения церквей, таковы их церкви в Лыткарино и Аннино, собственно, и в селе Подолец, и у Стрешневых в Борисоглебском. Было ли это «архитектурной фрондой» после открыто высказанного пожелания патриарха Никона «островерхих храмов отнюдь не

строить», сказать трудно, тем более что оно не очень соблюдалось даже в области прямой видимости у патриарха, шатры упрямо перепрыгнули на колокольни, да и на церквях не перевелись – за всем не уследишь даже с соглядатаями.

Развитые гульбища, крыльца, всходы и переходы – важнейшая часть не только сакральной, но и светской архитектуры, но не в принятом понимании,

Благовещенский монастырь.

Благовещенский собор.

Колокольня Троицкого монастыря в Муроме

Очелье наличника удалось на славу: если верна аналогия с глазами, то здесь для увеличения приветственной силы взгляда брови залезли дальше, чем на лоб, но, поскольку мысль понятна, это вызывает только доброе ответное чувство, и глаз не режет; две гирки на разной высоте в стене сбоку доказывают: кирпич – пластичный материал, нужно только время.

будто это знак некоего «обмирщения» строительского обихода, а наоборот, итог совмещения, амальгамирования взаимоперетекания светских и духовных по назначению элементов. Без крыльца-гульбища здание остаётся без архитектурно оформленного входа, с дыркой вместо двери, занавешенной дырявым одеялом от любопытных глаз, сооружение утрачивает лицо, со всех сторон – один и тот же плохо побритый затылок. На создание хорошего гульбища уходит бездна материала и сил, временами, как кажется, чуть ли не четверть или даже треть ресурсов уходит просто на вход – и всё же такая расточительность признаётся оправданной.

Чистилища в православной теологии, кажется, нет. И это не от умственной лени – руки, мол, не дошли придумать. Просто здешние мыслители вслед за античными хорошо поняли, что стать человеком нельзя, можно только становиться, до самой гробовой доски, можно гигантскими прыжками, а можно и ползком, мелкими шажками, и как лучше – никто не знает. Место всем подумать об этом – то самое гульбище, которое встречает, привечает, ступенями поднимает, не торопит, укрывает от непогоды, зовёт, но не заталкивает. При случае можно налипшее не только с сапог отчистить. И суффикс в словообразовании один: чистилище и гульбище, потому что функции близкие.

Есть и ещё общие черты: мастеровитая смелость, отсутствие ресурсной ограниченности. В обеих присутствует свободная и смелая высота замысла, хватает на нижнюю церковь и на верхнюю, верх на десять кокошников по кругу, соотношение два на три, и в обеих нет южного выхода. Северного в Рождественской, кажется, тоже нет, но там точно сказать трудно. Зато форма сама живописует картину, отчего контрастная пестрота раскраски Троицкой церкви немного мешает и отвлекает от видения формы, чуточку боязно за купола – что станет с такой сложной новой конструкцией, когда дело дойдёт до покраски, но это дело житейское. Церковь в Хамовниках на Комсомольском проспекте в Москве тоже не сразу привыкла к глазу.

Украшения Рождественской сегодня не очень веселят глаз, но они почти наверняка новые, выпалить на южном фасаде шесть штук одинаковых наличников – задача для более поздних, утомлённых своим знанием мастеров. Южный фасад Троицкой церкви сохранил, как будто, все следы разудалой лихости строителя, показавшего себя мастером асимметричного ритма. Лопатка отделяет последнее, четвёртое окно четверика нижней церкви от апсиды. Она повторена и между третьим и четвёртым, чтобы продолжиться выше и отделить верхнюю апсиду от первого света второго уровня, и вторая лопатка есть наверху, между вторым и третьим окнами. Но вниз она не пришла, потому что не нужна.

С очельями наличников вышли полная разнузданность и баловство. Считаем над окнами внизу: три маленьких, одно большое, три маленьких. Вверху: одно большущее, три побольше маленьких, но над двумя окнами, и два над четвёртым и пятым окнами. Три–один–три–один, один–три–два, а окон внизу четыре, вверху пять, украшающих групп внизу три и вверху три. И последнее очелье самого высокого наличника распухло, переросло и карниз, и антаблемент, и дотянулось аж до кокошников. Нет, это не баловство, это проявление силы, смелости и мастерства.

Культурный слой в муромском Благовещенском монастыре очень нарос, потому что много культуры в него сыпалось много лет – вершками, пядями, локтями, потом и метры подоспели.

С нижним культурным слоем ничего не поделаешь, только разве что отодвинуть вбок на пару хотя бы метров. Верхний поправить можно, но тоже хлопотно. Установить авторство не представляется возможным, однако кто-то же наверняка впервые назвал украинским барокко привычку вместо нормальных глав водружать над барабанами надутые воздушные шарики, чтобы они болтались на ветру на тоненьких шейках, перетянутых нитками как можно туже, и прежде названия кто-то это сделал, соорудил, пленившись видом их несовершенного равновесия и полного фужероподобия. Рюмочная талия после законного верхнего уширения барабана испомещается над юбкой с кринолином, и образ капризной провинциальной барышни с оттопыренным пальчиком из пьес А.Н. Островского победительно воцаряется над нижним кружевом кокошников, бегунцов и наличников, строго продублированных полутенями от выступающих за плоскость стены деталями декора.

Пришедшая из XVIII или XIX века несуразица не уничтожает облик собора, но понижает его в звании: вместо адмирала получается капитан второго ранга, тоже красавец, «но – не орёл!».

Рука мастера чувствуется во многих муромских монастырских храмах: наловчившись через всё более выступающие ряды кирпичей карниза и с помощью вмурованных металлических связей далеко вывешивать наружу верхушку здания, начиная с крупных кокошников, они стали родоначальниками моды на ватные подкладки в плечи пиджаков, мышцы играют, осанка на славу, стройность танцевальная, только что не с изгибом стана для пущей неотразимости. И на сей раз кажется, что строители оценили изящество и ценность симметрии, ровного ритма, повторяемости как символа умиротворения и порядка, фасад словно нарисовали на сложенном листе бумаги, вырезали, развернули – стройне-хочу, задача решена. Ну нет, раз дело пошло на принцип, мастер найдёт, куда плеснуть асимметрии. Во втором свету четверика левый и правый наличники разные и по размеру, и по рисунку, и по высоте (очелье левого наличника не дотянуло до кирпичного бегунца), а само правое окно для скрадывания разности в размерах существенно подвинуто влево. Такая воинствующая кривизна понадобилась для создания образа идеальной прямоты и ровности. Это мастерство зрелого художника, который ещё в детстве выучил, что симметричных ликов не бывает, чтобы один глаз открылся, другой должен прищуриться. И такому адмиралу привязали к погонам надувные шарики!

Крыльцо на входе получилось чуточку перезамысловатое, как в конце XIX века, но мысль и чувство бежали туда, где правда у каждого своя, можно и так видеть, получилось нестрогое и хорошо. И колокольню бранить не хочется, очень всё удачно приведено в порядок, но ложка бочки в мёде дёгтя поночевала. Хорошая коричневая краска на металле (для защиты от атмосферы) на малых формах шатра превратила отличные слухи в тёмные платочки девичьего головного убора на белых кокошниках, хоровод на высоте убегает от целостного образа колокольни. Но недалеко. Полетает и приземлится обратно.

Р Я З А Н Ь

Перечислять цивилизации, сгинувшие почти без следа, не надо. Напрягая память, можно насчитать десятка два-три. Безымянных ещё больше. Но недаром историкам вот уже двести лет хочется броситься оземь и выть в слезах от бессильного отчаяния, когда речь заходит о русской домонгольской цивилизации. Съеденный свиньёй цветок розы в росе не так жалко, как этот бутон, уже дававший знаки будущей красоты. На берегах Оки, как и многих других рек, жизнь то зарождалась и теплилась, то расцветала и давала дивные плоды, то угасала и съёживалась, погибала совсем чуть ли не навсегда, а потом ни с того ни с сего, вдруг и неожиданно появлялась заново, словно росток не мог не пробиться сквозь слой щебня и крупных камней, как эдельвейс, навсегда привитый на пепельной почве Везувия. Иоганну Готфриду Гердеру, немецкому пастору и философу, было одиннадцать лет, когда Иоганн Иоахим Винкельман написал своё первое сочинение «Мысли о подражании греческим произведениям в живописи и скульптуре» (1755 г.); Гердер превратил латинское слово «Ренессанс» в греческое «Палингенесия», более глубокое и универсальное, на русский трудно переводимое как Возрождение-Совсем. Винкельман стал начинателем всего европейского искусствоведения, сформулировав вопрос о целесообразности подражания античным образцам в ренессансном искусстве. Он писал о том, что родилось, возросло, дало плоды, потом поникло под ударами варваров или от внутренних нестроений – и в той же географии через столетия возродилось, расширилось и

дало право в конце концов говорить даже о японском или китайском Возрождении (правда, попозже, к XVII веку). И Россия не убежала от Ренессанса, а лучше сказать Палингенесии: было и полуантичное (с наследованием традиции от Византии) рождение, почти синхронное рождению германских языков, и апокалиптический потоп, растекшийся на весь мир из Монголии и Маньчжурии, утопивший и могучие ростки в России, и тысячеклетные культуры в Китае, мало не дошедший до наследников римских провинций за Вислой; вот уже более ста лет в науке утвердилось мнение, что русский XVII век – это стадияльное повторение, типологически родственное Возрождению с опозданием на два–три века именно из-за потопа в первую очередь.

С этой мыслью спорить не приходится, она утверждена исследованиями выдающихся специалистов из эпохи расцвета русской исторической науки в конце XIX – первой половине XX века, эпохи, завершённой с кончиной Сергея Фёдоровича Ольденбурга в 1934 году. Позже их блистательные ученики и не менее одарённые ученики учеников и даже внуки вынуждены были тратить силы на выработку отношения к вненаучной тематике марксизма-ленинизма, и ни для кого из них это не прошло бесследно, даже для античников.

Сортировать эпохи и систематизировать периоды – занятие, непосильное для челове-

ского ума, «это только Ильич могёт», но приглядеться к мусору в тупиках и тёмных углах – широко распространённая привычка и простительная слабость. Один из самых популярных, всеми посещаемых закоулков нащупывание выходов из демократического тупика. Стараниями отпрыска рода герцогов Мальборо несколько миллиардов людей, когда узнают, сразу соглашаются, что демократия – самый плохой вид правления, но деваться от него некуда, придётся терпеть. Иначе – орды, гунны, одичание и прочие неприятности. А единственное претворение демократии – это выборы. Несмотря на очевидный идиотизм именно такого способа формирования слоя управленцев он очень популярен и универсален, хотя доказать неблагополучность его клинического течения не составит труда.

Линия Гуманизм–Возрождение–Просвещение–Демократия не кажется до конца сформированной, обоснованной и правильной. С какой стати тут Демократия?

Этой и такой стадильности нет, Просвещение может и должно продолжаться, наполненное не одной только демократией, возможны варианты. Если ясно, что дети до 28 лет ещё, а старики после 100 уже не сильно владеют собственным рассудком, и вторые отличаются от первых только тем, что они это понимают и соглашаются, то зачем им пассивное избирательное право? Если среди оставшихся 29–99-летних хорошенько поискать, можно найти пригодных для разных занятий людей, при чём тут выборы? Кто сказал, что полномо-

чия можно делегировать? Полномочие происходит от мочи, то есть умения и способность делать то-то и то-то. Когда я научусь говорить на суахили, как передать это умение кому бы то ни было? Если я ничего не понимаю в бюджетировании, для чего мне передавать кому бы то ни было эту немочь? Ну а про фиктивность любых выборов, про партийность и прочие замшелые увёртки и говорить стыдно, одна постылая пошлость, тысячу раз пережёванная, идёт на ум. А коли нет выборов, нет и демократии. Демократия – бессмысленное словообразование, демос и кратия противоположны, это привычный оксюморон, дурость которого стёрлась от частого употребления, затёрта до блеска, сверкает и отражает мысли, все до единой.

Когда Старая Рязань была так безвозвратно растоптана, остаткам соседского населения понадобились века, чтобы выпрямиться и пустить новые ростки цивилизации. Вот тогда и проявилась палингенетичность. И дело не в стойкости или способности к сопротивлению и восстановлению после периодов упадка и страданий. Немцы, французы или китайцы страдать умеют не хуже русских, и доставалось им не меньше, мучения англичан при огораживаниях и работных домах нельзя сопоставить с вымиранием индийских ткачей, но результаты похожи: похороны чаще обычного, когда есть кому хоронить. Здешние палингенетические всплески оказывались всегда или почти всегда связаны с угрозами не для благосостояния, а с угрозами для жизни, или, как часто переводят, пытаюсь внести полную ясность, с экзистенциальными угрозами для всего демоса, то бишь для популяции. Маньчжуры не страшнее варягов, которыми пугали детей, главное – количество. Инструментарий позволяет дискутировать с волком и тигром, но динозавр даже не заметит, что кто-то с ним вступил в дискуссию, и не обидится на того, кого только что слопал. Тотальность угрозы заставляет сразу думать о главном после средств защиты: тысячу лет на Руси это оказывалась церковь. Церкви и строили, и восстанавливали первыми, и ортодоксальность (православность), неизменность от первых веков позволяла проглатывать и демократии, и тирании, и выборы, и самовластие, и полное беззаконие, и диктатуры какого-нибудь закона. «Лучшие люди», которых вызывали на земские соборы и Соборы всей земли, не выбирались не потому, что не было выборного законодательства, процедуры, наблюдателей и прочей требухи, а потому что их все знали и соглашались, что им и ехать, им и решать, кто же, если не они.

Стадиальность стадиальностью, а это надо постараться специально как-то уложить в голове: историю России в XVI, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI веках без парламентов представить себе можно, а без церкви нет. Собственно, и представлять не надо. Без парламентов. Он хорош для дискуссий, а как дело доходит до дела, разговоры побоку. Всё зависит от угрозы. Церковь справляется, демократия – нет, она и сама с собой-то не может сладить, бури в стакане воды не могут его опрокинуть, хотя за ними весело наблюдать. Впрочем, это касается не только России. Если бумажными ножницами из истории любого чего-нибудь, страны, города, земли, континентов, народов вырезать историю парламентаризма, пострадают только биографии, суть не переменится. Размер беды – вот что ни вырезать, ни вычеркнуть нельзя.

Старая Рязань – лучшее доказательство этой мысли. Помпеи и Геркуланум не так красноречивы и убедительны, как Старая Рязань: катастрофа, сотворённая геофизическими процессами и невольными ошибками людей, поселившихся в неблагоприятном месте, страшна и трагична без всякой меры страданиями людей, окаменевших в горе и муках; но ни бог, ни судьба, ни природа не умеют показать длань, вонзающую меч в плоть, не озвучивают кровопролитие воплями победы или боли, не имеют оскала вражеского лица, искажённого яростью боя и беспричинной ненависти. Катастрофа Старой Рязани тоже случилась в один день, только небо померкло не от пепла, а от тучи стрел, пожар, подожжённый лавой, так же ужасен, как пожар, зажжённый горячей стрелой или факелом; но у первого нет виновного, а рукой, несущей смерть, всегда управляет чья-то голова и воля. Мир действительно сделан так, что живущее и вправду умрёт, но почему кладбище с одной датой смерти имеет автора? Вот почему Старая Рязань страшнее Геркуланума. Чтобы понять это, нужна самая малость: воображение и привычка употреблять голову не только для еды.

Надо увидеть и остановиться. Что это значит? Вот эта пустота под травой, вот эта кирпичная, кажется, руина высотой метров семь? И самостоятельно, в меру разумения, глазами достроить какой-то собор на её месте, не восстановить эти остатки, а увидеть тот, что был до них, в XIII веке, потом жилые и нежилые домики, улицы, лавки, мастерские, торговлю, колодцы, помещения для скота, деревянные звонницы, и вообще московский дворик в поленовском духе, с детьми и погребками, и потом то же зимой, с дымами из труб и сложенными где-то дровами, и опять весна. И на другой день запах пожарищ, впитавшуюся в землю кровь, неестественные позы лежащих тел и тишину. Когда достроится тишина, сколько хватает взгляда, слеза сама покатится из глаз.

Так сделан мир.
Живущее умрёт.

Гомер писал про Троию через шестьсот, кажется, лет после падения города с населением от шести до десяти тысяч. А тут около восьми. Как специалист А. Монгайт крупнее Г. Шлимана, однако же троию можно писать с маленькой буквы, она стала именем нарицательным, а Старую Рязань не то что филологи или историки не сразу найдут на карте, но и археологи не вдруг, через умственную маршрутизацию.

«Булава» (найдена в 2016 году около руин собора) с отверстием под рукоять 1,5–2 см – никак не оружие, даже молоток в плоскости удара имеет не меньше 3 см, а у него древко около 30 см, да и хват для удара поближе к бойку – сантиметрах в 15. Древко для оружия в длину меньше полуметра иметь не может, и тут почти полудюймовая толщина в месте насаживания – совсем несерьёзно, при случайном ударе о камень древко отломится от булав. Такая тол-

щина годится только для знака власти, что-то вроде скипетра, собственно, изначальное назначение скипетра и есть палка с набалдашником для удара в схватке, только и палка потолще, и набалдашник помассивнее – что такое кусок бронзы примерно 7 на 6 см! Грозить можно, сражаться – вряд ли. Или навершие для знамени, или груз? Но только не колотушка. Тут А.Н. Кирпичников (причисливший ещё в 1966 году такие вещицы родом в основном из Киева к оружию), кажется, маленько погорячился. Но так или иначе – потеряли эту бронзу примерно в 1237 году, когда город в одночасье перестал быть. Может быть, и не в одночасье, а долгими днями Батый воевал стены и деревянные укрепления на них, потом убивал защитников и их семьи, жёг дома; вообще, убить цветущий город так, чтобы не возродился никогда – немало хлопот. Археологи нашли и драгоценные клады, и бытовую и ремесленную утварь (иногда неизвестного назначения) во множестве. Длина стен – 2 км, как у московского кремля.

Одно хорошо. Теперь копать это нашу Троицу придётся веками, пока открыто около пяти процентов городища. И слоёв не шестнадцать, поменьше.

✱

Уточнение понимания русской истории XVII века через разглядывание памятников архитектуры предполагает знакомство с этой историей. Историография XVII века необъятна и продолжает расти каждый день. Несмотря на все усилия Г. Шлимана и других, лучше Гомера никто Троицу не описал. Так и с историей XVII века. Несмотря (хотя смотреть надо) на вал монографий и статей, более сдержанного и выдержанного взгляда, чем запечатлено в пятом, кажется, томе «Очерков истории СССР», пока нет, хотя очередная «История России» зреет в недрах институтов и академий. Бросим на них беглый взгляд, тамошние авторы и редакторы подстать Гомеру, да и предмет – никак не меньше Трои.

Очерки можно делать рукой мастера, сознавая, что нельзя объять необъятное, и всё, на что может надеяться исследователь – наметить самые общие, в главных чертах, без тонкой детализации картины. Написать просто «История СССР» или «История России» авторы не могли, во-первых, потому что сознавали ограниченность своих сил и возможностей, во-вторых, историческое «мясо» им приходилось нанизывать на скелет, уже окаменевший под перьями «классиков марксизма-ленинизма», поддерживая его не такой уж могучий хребет своими мышечными усилиями, утверждая историей верность обществоведческой схемы. Потомкам не составляет труда отжать из канвы повествования ссылки и рассуждения о классовой борьбе, прочую муть про классы и производящие силы, у которых под ногами болтаются производственные отношения, но автонасилие, которое произвели над самими собой авторы, оказалось небезобидно. Как ни целься из ружья с кривым стволом, попасть в цель невозможно, даже когда сталь превосходна. Заранее известная формационная схема (пять штук от первого быта до коммунистов) не позволяет сформулировать простые вопросы, а именно они, точнее, ответы на них, дают наиболее интересные, крупные результаты. Силы и время, потраченное на со-

циологию, не просто отняты у исторического повествования, они, словно надетые лыжи, не дают делать определенные повороты там, где надо, и прямоком ведут по проложенным колеям в тупики логики или к неправдивым, вымученным выводам. Например, важнейший идейный пласт про старообрядчество вошёл в раздел про бесконечно усиливающуюся, нарастающую и пряMOVEDущую к прогрессу классовую борьбу.

Привычная общая схема изложения не даёт делать промахи, от природных и географических условий к хозяйству, там поблизости всякая торговлишка с товарными отношениями, недалеко до угнетения и крепостного права, у которого до 1861 года на триста лет вспять есть только одна характеристика – умение усиливаться беспредельно, до состояния полной нестерпимости после достижения невыносимости, когда уже вообще невтерпёж подступает к горлу. Действительно уродливое явление должно было иметь какие-то не только отвратительные черты, чтобы сохраняться веками, но о них ничего не известно. Классовая борьба, войны и внешняя политика, организация управления в центре и на местах, местные особенности, побольше про культуру и платье – рецепт беспроигрышный. Том – как пишут сами авторы – это первый опыт созидания общего представления об истории XVII века, и надо признать, черты, прочерченные в очерках, глубоко врезались в ткань не только исторической науки, они отпечатались во всех без исключения отраслях и областях мира идей и знаний. Изваянные ими (авторами) бетонные глыбы лежат в основе любого представления о XVII веке, от начально-школьного до академически-докторского, независимо от специализации, из созданных знанием теорем и плодов размышлений упомянутые черты превратились в неколебимые постулаты, в ленточный фундамент глубокого залегания, выйти за габариты которого никакой этаж историографии не может; блоки эти играют роль той опоры, которую если убрать или хоть поколебать – не хочется думать, что и станется, какая-то катастрофа апокалиптической беды со страшным ужасом.

Даже таких огромных историков, как А.А. Новосельский, Н.В. Устюгов и А.А. Зимин, подстерегла ловушка качества. После отжатия обществоведческого лишнего материала собственно исторический материал безошибочно и доказательно свидетельствует, что история XVII века, широкими мазками обрисованная ими, – время географического взрыва, пышного расцвета и государства, и страны, и народа, и экономики, и культуры; что эти 60–70 лет в середине столетия подобия по непрерывному поступательному развитию за десять веков не имеют. И именно этот именно расцвет таковым они назвать не могут, поскольку не велит сложившаяся общественная, научная, социологическая традиция. Великие Реформы Великого Петра величием своего великолепия очаровали всех без исключения пишущих и думающих людей в XVIII и XIX веках, с него, если хорошенько подумать, и вовсе началась настоящая история России, и не в первый, и не в последний раз пришлось отряхивать прах прошлого с ног, всё вообще строить заново и с нуля, потому что «Страна у нас большая, порядка в ней лишь нет» (А.К. Толстой, «...от Гостомысла...»). В этот раз «прахом прошлого» пришлось стать истории XVII века: весь смысл истории должен был подвести к необходимости преобразований: свет нового

светит ярче, если тьма прошлого гуще. Ловушка сработала: профессионально доказан расцвет России в XVII веке, но социологическая ложка дёгтя испортила целую бочку исторического мёда, теперь нужна процедура химического вышелушивания, чтобы отделить плевательное от поедательного.

Строки Введения, написанные примерно в 1954 году, пугают современностью звучания. Чем серьёзнее мина, с которой авторы произносили шутку, тем уморительнее был эффект. М.М. Щербатов и Н.М. Карамзин очень опасались усиления антифеодальной борьбы и за всякими новшествами нехорошими прозревали грозу революции, почитая самодержавие и крепостничество основами государственности. Смысла в этих строках мало, но начальственный слух ласкает: как же, крепкая государственность грозу революции должна отвести непременно, хотя революция и есть единственный способ прогрессирования общества, страны и государства, но в дебрях диалектической логики не всем по силам найти путь.

Главное уже прозвучало, уже вкралось, уже есть как данность, как природа и погода: «отсталость России в период, предшествовавший Петру I»; доказательства не нужны, все же и так знают. Даже прямая неправда М.М. Щербатова про то, что и народ, и бояре поголовно обходились без просвещения, осталась без опровержения. По М.М. Щербатову, крепость непо-

вреждённых Петром нравов – единственное достоинство истории XVII века. Так себе комплимент, можно сказать, сомнительный: крепость дурного нрава ничуть не украшает того, кто крепок. И Н.М. Карамзин далеко от князя не ушёл: хватающая весло власти мощная рука Петра в неизреченной премудрости своей переменяла непросвещённость народов к лучшему одним махом, сразу и удачно, прервав постепенные эволюции медленно зреющих перемен, скорее ленивых, чем нужных, но естественно растущих, не привнесённых ниоткуда. Это предвосхищение через умолчание: если взглянуть на точку зрения Н.М. Карамзина глазами, уже видевшим О. Шпенглера с его псевдоморфозом, близость окажется несомненной. Главное – разрыв, который Н.М. Карамзин оценивает с восторгом, а О. Шпенглер – с изумлением, с разумной пытливостью. Для чего понадобилось первому императору плавность перемен за шиворот тащить скорее вперёд, сшибая древние устои с ног, калеча и увеча, – только ли для ускорения и перестройки (гласность тоже приветствовалась), для улаживания титулом «Отец отечества»? Неужели дело в неуёмном темпераменте, переходящем временами в неутешительный диагноз? Для О. Шпенглера разрыв традиции, прерывание *de la longue durée* удивительно ненужностью, избыточностью понукания того, что и так происходит, пусть чуть помедленнее, чем кому-то хочется, он не готов терять то, с чем Н.М. Карамзин легко расстаётся, и это не вопрос вкуса или темперамента.

Одни и те же первые буквы – не всё, что объединяет вольтерьянство и вольнодумство. И первое, и второе под собою имеют одно основание – чувство собственного достоинства, иначе называемое тогда «честь». Заблудиться в закоулках толкований понятия «честь» нетрудно, например, честно ли стрелять на площади с выстроенными войсками в героя войны генерала М.А. Милорадовича, или это подлое, предательское событие, даже если об этом договорились единомышленники, полагающие республиканское устройство заведомо лучшим, чем самовластное? *Res publica* – общее дело; как общественное превратить в государственное, то есть общественный институт превратить в государственное учреждение? Чем избираемый временный государь лучше потомственного? Как ни крути, получается, что узаконивающей силой становится время: кто устоял, тот и прав, и чем дольше, тем правее. А превращение части общества во власть – ничем не хуже, надо просто придумать, выдумать, заставить голову думать над формами, то есть над способами формирования государственных институтов, более или менее отвечающих общественным институтам и интенциям: как-то надо научиться периодически подтверждать право распоряжаться собранными с общества налогами и прятать главные источники несправедливости за привлекательными, доступными общему, даже детскому уразумению несложными или изощёнными схемами. Одной из первых была схема полумонархической республики (=полуреспубликанской монархии): после декабристов в теоретической мысли появилась тема сословно-представительной монархии как подготовительно-промежуточно-предварительного этапа становления парламентской демократии скорее республиканского типа, в котором осваиваются и маскируются главные формы организации несправедливости в обществе: ловкость промышленного менеджера состоит в том, чтобы организовать технологии производства так, чтобы

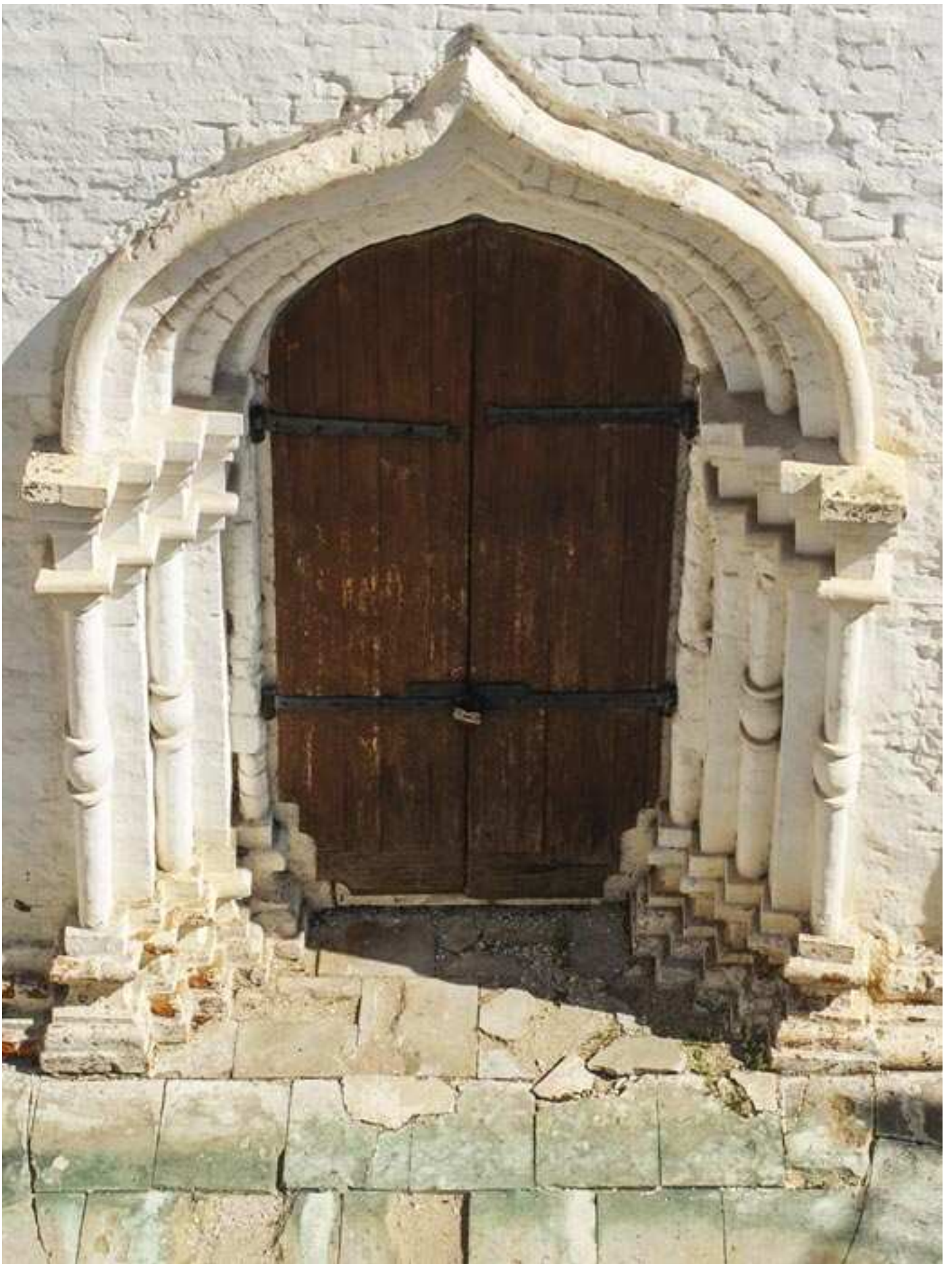

недоплата сотрудникам была не только незаметна, наоборот, привлекательна; вся прелесть постмодернизма и послепромышленного этапа развития человечества состоит в умении убедить всех вообще в том, что главное слово для обеспечения всеобщего благоденствия – это «управление». Государственный менеджмент отличается от корпоративного только управляемыми ресурсами, к каждому замочку надо просто подобрать свой ключик – от ремесленной мастерской, состоящей из отца и сына, до трансконтинентальных предприятий и государственных союзов. Соблазнительность этого управленческого рая

рождена просветительскими идеями, когда про экспоненциальные кривые знали только редкие математики, а скорость решения любых задач казалась зависящей только от силы ума и размера таланта, помноженных на кнут или умение управителя. Некая равнодействующая сила от взаимодействия управителей и самодеятельных интенций всё время перемещается от власти к публике и обратно. Кажется, что в последние столетия торсион скручивается в сторону власти и управления больше, чем в обратную; если это иллюзия, то Просвещение сыграло в её формировании большую роль, помимо собственной воли утвердив мысль, что управление может быть улучшено – то ли в сословно-представительной монархии, то ли в республике с выборными представителями в парламентах. Отличие вольнодумства от вольтерьянства в том, что Фернейский отшельник знал про оборотную сторону оптимизма знаний – знал, но помалкивал.

А.А. Новосельский и Н.В. Устюгов (или А.А. Зимин, который редактировал том «Очерков» и был почти соавтором) рассуждения о Н.А. Добролюбова поместили сразу после А.К. Аксакова вряд ли случайно. Гнусный стиль высказываний Н.А. Добролюбова подсказывал читателю «Очерков», что его инвективы должны быть обращены против него самого: «И какой мертвечиной схоластики веет от самих идеек этих!». Идеи А.К. Аксакова уже никого не интересуют, стиль победил содержание, ткань аксаковских мыслей испачкана стилем критики Н.А. Добролюбова почти безнадежно. Тезисы А.К. Аксакова и Н.Г. Устрялова, словно скалы, омываются ядами критики то революционных демократов, то более поздних придумывателей общественного устройства, нимало не страдая от мелкой ряби волн разоблачительной критики и весьма новых передовых взглядов на историческую науку. Исполнение ритуальных заклинаний и плясок вокруг прогрессивного костра революционной демократии позволили авторам показать, что в заочном и несинхронном споре Н.М. Карамзина и О. Шпенглера последний имеет больше сторонников среди профессионалов-историков, что как только речь заходит о сложностях и подробностях, о погружении в понимание истории, а не о примитивных прогрессистских схемах («взял чужое, убил своё, осовременил отсталое, потому что

был на стороне хорошего нового против дурного старого»), так сразу повествование приобретает трагический оттенок – отвергнутый императором мир привлекателен, интересен, ярок и, пожалуй, более справедливо устроен, чем новопостроенный; даже когда вопрос о цене прогресса не ставится, в оценке эпохи новое не всегда побеждает старое – оно симпатично, вкусно, близко, свежо, привлекательно, хорошо пахнет кофе. Босомордый ничуть не краше мохнорылого, ферязь и полукафтаны в здешнем климате удобнее нового платья, и ещё неизвестно, в чём больше дурости – в запрете каменного строительства по всей стране или в запрете челобитных вместе с отменой патриаршества. Вот как-то сто лет патриарх был нужен, а тут стал не нужен, обошлись, хватит и одного православного министерства.

У С.М. Соловьева отношение к Петру и его преобразованиям приобретает чеканность современных формулировок. Бетон фундамента с залитыми якорями застывает навеки в недвижимых формулировках. «При первых трёх государях новой династии мы видим уже начало важнейших преобразований». То есть Михаил, Алексей и Фёдор (к последнему стоит прибавить и Софью). Это три разные не эпохи, не цивилизации – вселенные! Привычность этой бессмысленной фразы затмевает её бессодержательность. Надо специально заставить себя остановиться, встряхнуться, потрясти головой, чтобы осознать: всё, что случилось потом, подготовлено тем, что было до того, иначе бы оно не случилось; если эпохи, предшествовавшие преобразованиям, определять через эти преобразования, как подготовку, предвосхищение, создание предпосылок, созревание и ожидание, то посрамлённый рассудок должен устыжённо удалиться, эпоху до компьютера нельзя описать в терминах компьютера, хотя там, конечно, что-то зрело. Содержание XII века не в том, что готовился XIII, никто пришествия чингизидов не чаял. Дошло даже до «сознания экономической и нравственной несостоятельности» в XVII веке. Откуда она взялась, да ещё и «осознанная», судить трудно. Она понадобилась только для того, чтобы создать вакуум, втягивающий петровские преобразования, алкающий их и наконец счастливо узревший восстановление нравственной состоятельности через превращение возросшей в разы коррупции в единственный способ экономической деятельности.

Б.Н. Чичерин и В.О. Ключевский напоминают, что эпоха – переходная, своего содержания и потому наименования не имеет, и после того авторы тома (А.А. Новосельский, Н.В. Устюгов, А.А. Зимин) переходят к убедительной демонстрации глупейших способов прикрепления обществоведческих схем к любой истории. Каждый из них знал цену слову и случайно прозевать (втроём) такие шуточки не могли. Излагая точку зрения В.О. Ключевского, они пишут, что народное движение народному движению – рознь, и XVII век – это не то, что XVIII. Одно дело, мятеж отсталого XVII века против правительства, бояр, воевод, приказных людей; и совсем уж другое дело, когда повстанцы в XVIII веке «идут против господ». Не заметить, что таким манером правительство, бояре, воеводы и приказные люди перестают быть господами для того, чтобы впоследствии мятежи могли приобрести «отчётливый социальный характер» (что бы это ни значило), – невозможно. Глумение приобретает звонкость пощёчины, когда приходится объяснять, как же именно готовились реформы

Петра Алексеевича, в чем состояла подготовка и пресловутое предвосхищение того, чего ещё нет, но оно уже дало о себе знать. Всё-таки вот тут, говорят они, В.О. Ключевский дал слабину – плохо, недостаточно обосновал утверждение, что «начертанная в XVII веке программа преобразований в некоторых отношениях шла дальше преобразований Петра I». Вот, оказывается, как надо готовить преобразования и их предвосхищать: придумать заранее то,

чего хватит и его потомкам, куда дальше того, до чего он сам додумался. Такая передовая отсталость завелась, по мнению В.О. Ключевского, в России – но эту ценную мысль он худо обосновал и потому повторяет зады историографии насчёт эпохи подготовки и предвосхищения.

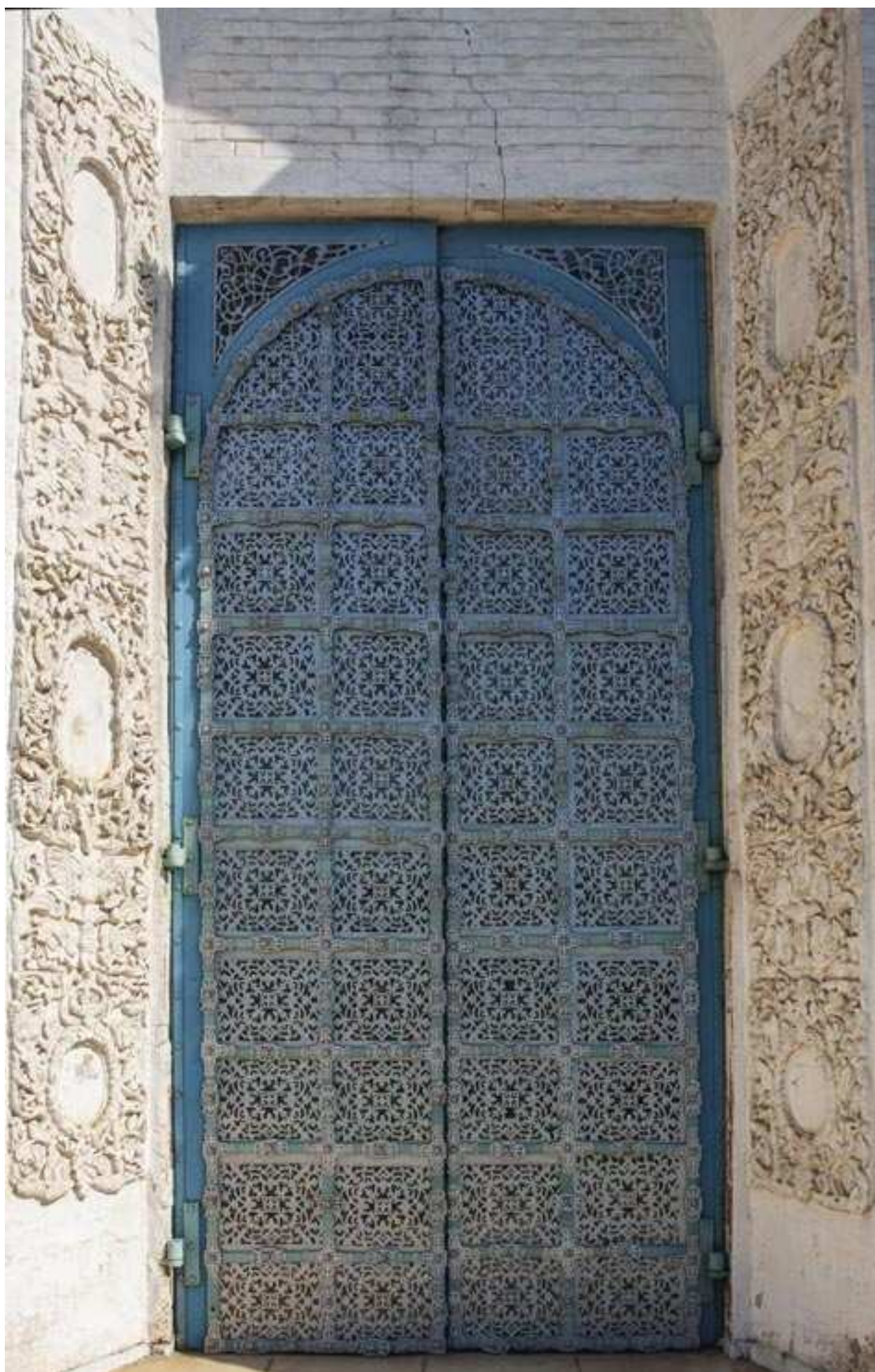
Ну что делать – так написано. В 1955 году. Дальнейшие рассуждения о Н.А. Рожкове и М.Н. Покровском приводят на память заседания профессиональных юмористов и сочинения Ярослава Гашека. России крупно повезло в XIX и XX веках, потому что «марксизм уже давно произвёл переворот в науке», и она «сделалась родиной ленинизма». А Н.А. Рожков, уже получив целый ряд конкретных указаний, осветивших многие этапы русского исторического процесса, заимствуя отдельные понятия и формулы, продолжает традицию уже пережившей себя буржуазной историографии. Как только не стыдно. Да и М.Н. Покровский подливает масла на мыльницу.

Как же они, должно быть, потешались, выписав: «Россия сделалась родиной ленинизма»; или наоборот, радовались, что нашли, наконец, такую форму, которая удовлетворит главлитчиков. «Роды прошли успешно, роженица чувствует себя хорошо, дитя здорово». Это не просто «славно сказано!» Это удар молотка в судебном заседании: «Приговор окончательный, лучше не пытаться обжаловать». Чем чаще произносятся (вслух или про себя) эти слова, тем гаже они становятся, отвратительнее, пошлее, бессмысленнее. Зато авторы обрели свободу. После этих камланий и ритуальных сотрясаний копий можно писать почти свободно. «Почти» – потому что эти ядовитые полоскания рта совсем бесследно не проходят: яд работает, даже если его не глотать, острые камни не порезали ноги, их обошли слева и справа, но и дорога повела не туда, куда могла бы.

Итог самого краткого обзора историографии, сделанного авторами тома – борьба с дальними раскатами петровского пропагандистского грома только начинается, задача внутреннего определения сути истории XVII века даже не поставлена, что уж говорить о решении. XVII век собственного содержания не имеет, если не считать анекдотического ярлыка «бунташный». Архаическое употребление словообразовательного суффикса «-аш» делает название запоминающимся, но не смысловым. Положим, в определении «Чинквеченто» собственное содержание тоже не сразу просматривается, только для людей, получивших образование и что-то знающих о гуманизме и Возрождении, но оно сразу направляет память туда, куда следует. В то же время материала накоплено более чем достаточно.

Нет самой малости: надо «отвязать» определение от фигуры и деятельности Петра I. Последние сорок лет его жизни, начиная с 1682 года, наполнены такими событиями, которые не вычеркнешь из истории России. Засорять его жизнеописание панегириками или хулой так же бесцельно, как глуп страстный спор, какой цвет лучше – синий или красный, они есть, и это достаточное оправдание их существования. Пётр – был. Но когда бы не было Петра с его преобразованиями – как же нам судить о XVII веке? Отталкиваться вспять – не от чего.

Уж если XVII век для нас белое пятно и потёмки, то как вглядываться в отечественную античность, то есть ещё древнее?

Двери южного выхода из нового Успенского собора.

Надо, пора начинать присматриваться.

Первое, что надо сделать – отказаться от разговоров о подготовке перемен. XV век готовил XVI. Без Иоанна III нет Иоанна IV. XVIII век готовил XIX. Без Екатерины II нет Александра I. И так далее хоть вниз, хоть вверх.

Второе – забыть о придумывании причин, об умственных попытках, они обречены. Что не выросло само, химически не собрать, генетически не вырастить.

Третье. Надо отталкиваться от бесспорного и общепринятого:

– За век география дошла до Тихого океана на востоке и до Киева на западе.

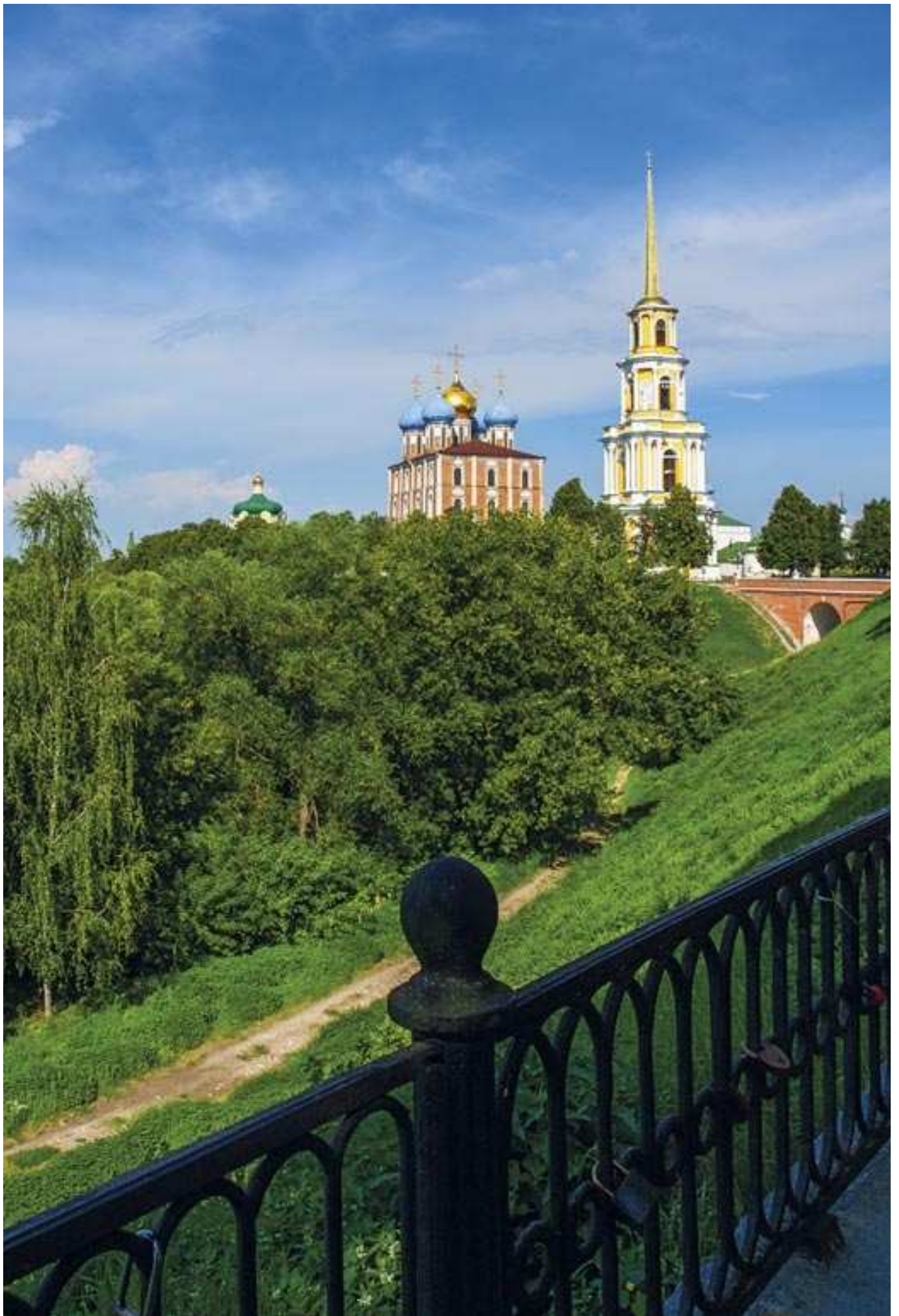
– Век прошёл при патриархах (восстановлено уже в XX веке), и церковь – не меньший созидательный элемент государственного строительства, чем царская власть.

– В государственном управлении вырос собственный вариант сочетания отраслевой и территориальной системы иерархических лестниц – приказная система.

– Право кодифицировано в середине века Соборным уложением, финальным Актом растянутого по времени более чем на сто лет конституционного (учредительного) собрания в виде Земских соборов – не недоразвитых аналогов парламентов, а совершенно обычных «Советов всей земли», превосходно выполнявших свои задачи.

Республиканско-парламентско-демократические теории не приживались и не приживаются толком в России не потому что она «не доросла», а потому что «переросла». Количество и продолжительность бедствий после пришествия чингизидов так изменили на три века общественную жизнь, что вера в то, что собрание представителей будет обсуждать и решать за общество важные вопросы, не могла ни к чему прикрепиться – чуть ли не каждодневные события давали отрицательные подкрепления: надеяться не на кого.

Непарламентский характер любого общественного и государственного устройства сложно, но крепко связан с вопросом о роли церкви в истории страны. Можно даже сказать, синхронизирован. Рассматривать одну особенность (несклонность к устройству говорилен) в отрыве от другой (патриархи в политической и экономической жизни) нельзя, надо искать в этой параллельной тематике; пример: старообрядчество как многовековой феномен имеет много объяснений, из несомненных – воля (во всех оттенках смысла слова) приверженцев ходьбы вокруг аналоя посолонь, а не противосолонь, была ущемлена действиями патриарха Никона, направленными на укрепление и институционализацию как раз той сферы ответственности церкви, которая пересекается с декларационными задачами парламентаризма, то есть защитой интересов тех, кто отстранён от любой иерархии. «Печаловаться о слабых мира сего» – право и обязанность пастыря, и если для этого надо приобрести силу и сравняться со светской властью – что ж, придётся, да и примеров немало. Едва ли не на каждой иконе написано – «...Царь Иудейский», «Царь Славы», синедрион судил его именно за властные поползновения; в борьбе за представительную демократию третье сословие в Европе в своё время встало на первую ступеньку той лестницы, которую давно прошла церковь. Ища вла-

сти, Никон обронил волю, за неё вступился Аввакум, а спор решил Пётр. Со всем. Воля – это не «Что?», это «Где?».

Всё, что описано авторами «Очерков» в главе про государственный строй – неопровержимо. После идентификации чужеродных социологических заплаток как разноцветного конфетти они не перестают веселить, не потому что нынешний читатель стал умнее, а потому что таково было намерение авторов. В контексте и по привычке не сразу заметишь, что начальная фраза, часто по необходимости блистательно бессмысленная, просто чтобы начать с чего-то, приобрела несколько гротескные черты, преувеличенно-с-выпученными-глазами правоверные. «Солдат должен иметь вид бравый и придурковатый». Для пущей марксистскости и ленинистскости вся внутренняя политика власти направилась на расширение собственности на землю, удушение крестьянства и наведение порядка среди тех, кто под гнётом. Так ли было? Безусловно. Но про суть внутренней жизни и внутренней политики власти ни слова не сказано, и это не может не увести изложение в прекрасные горизонты, реальность которых несомненна, но все ноги и колёса самих тогдашних участников исторического процесса смотрели на другую дорогу, которая под ногами, и которая про феоды, эксплуатацию, классовую борьбу как силу, что-то продвигающую, не давала вовсе никаких сведений, всё это прокрустовы рельсы, проложенные не туда, куда надо путнику, а туда, где что-то красивое мнится за горизонтом.

Люди, получавшие земельные владения за службу (помещики) или в наследство (вотчинники), путаются и перемешиваются в обе стороны, прирастая числом и размером владений. Это верно, но ни о чём не говорит. 24 577 выпускников высших учебных заведений пополнили рынок труда в таком-то году. Больше, чем в прошлом году, на 229 штук. И..? Это свидетельствует только от том, что было напечатано и заполнено столько же дипломов о высшем образовании. Ничтожный факт, косвенно свидетельствующий о количестве преподавателей высшей школы, – и только. Ни про рынок труда, ни про потребности предприятий, ни про экономику вообще – ни слова. Стеснительно спрашивать, какого качества выпускники жадно ищут высоких зарплат. Отчего же тогда расширение числа источников существования сословия служилых людей и вотчинников составляет суть внутренней политики, сколько бы в ней ни было этапов, никак с этим расширением не связанных?

Сказать, что именно было такой сутью, не возьмёмся.

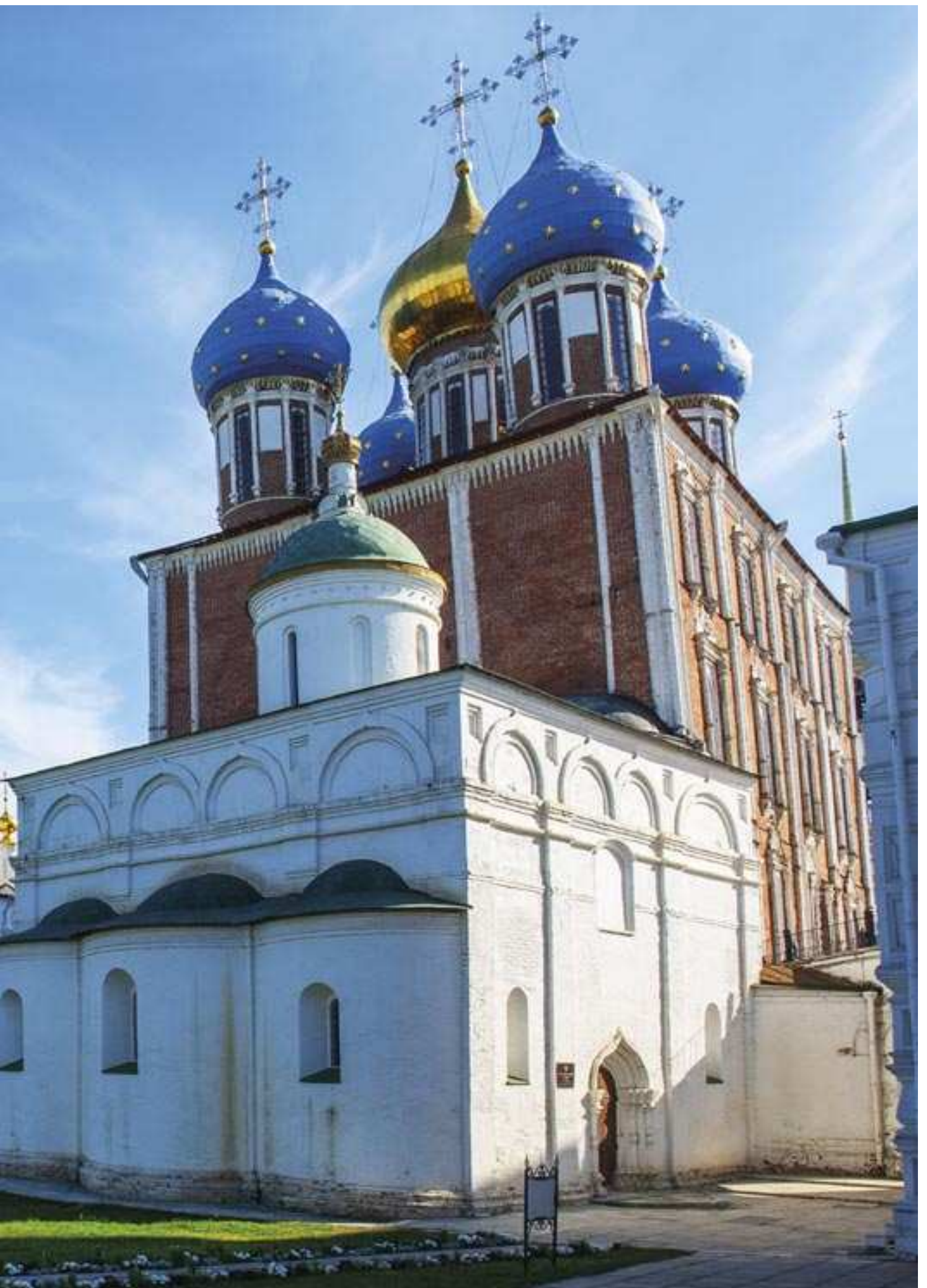
Но чуть-чуть, перышком, попробуем подвинуть приколоченные к шпалам рельсы вместе с локомотивами и составами к более простым, понятным и привычным направлениям, во всяком случае, больше говорящим о жизни в те времена, чем классовая борьба, синьоритеты и баналитеты.

Великий государь патриарх Филарет по возвращении из Польши помимо прочих дел озаботился таким пустяком, как изготовление и рассылка по городам и уездам образцовой государевой окованной осьмины под гребло (1624 г.). Похожая мера была уже предпринята ещё Иоанном IV (1550 г.), но с той поры много воды утекло, решили восстановить норму. Осьмина – дубовый бочонок, в который входит три пуда ржи (раньше, вероятно, была осьмина на два пуда – в Смуту мерили меньшими мерами от нужды), полуцентнером

оперировать в торговле сподручнее, один человек ещё может поднять, и меньше возни с количеством мест при больших объёмах торговли. Оковка по верху бочки железом много говорит о нравах, особенно в сочетании с греблом. Подчёркивалось, что гребло железное, а не деревянное. Нравы у купцов не меняются столетиями (не исключено, что тысячелетиями). Греблом смахивают верхний излишек после насыпания зерна в бочку (в нормативных документах особо подчёркивалось – «без утруски» или «с оной»); если природа, быстрый ум или время придали греблю некоторую кривизну с обеих сторон, почти незаметную глазу, сделав его чуточку дугоподобным, то прежде чем сгрести, надо задаться вопросом: «А мы продаём или покупаем?» Если продаём, то мгновенным движением руки дугу надо повернуть вниз, чуть уменьшив количество насыпанного (а на сотой мере уже появится сама собой новая, лишняя осьмина), а если покупаем, не грех себе и с горкой отмерить – та же сотня, а дома-то зерна откуда ни возьмись – больше на бочку. И мерную бочку если взять неокованную – то на третьей сотне измерений от нажима греблом она станет пониже, на полгорсти зерна – да поменьше. Такая классовая

борьба в виде мелкого жульничества может считаться и великим торговым мастерством, умением творить барыши из воздуха; в данном случае почему-то простая математическая операция округления всегда ведёт к увеличению длины окружности. Упорядочивание и облегчение торговых операций – это, конечно, проявление классовой борьбы, но и чего-то ещё, в результате чего Ростов или Ярославль во второй половине века становятся архитектурными садами, наполненными окаменевшими цветами, чарующими взоры десятков поколений и сотен языков, – их строили торговые люди, которые конечно, точно, наверняка, стопроцентно знали об этих (и сотнях других) ухватках и применяли их; но след в истории купцы оставили не злонравием и корыстолюбием, а Спасом на Сенях и Николой Мокрым, Иоанном Златоустом и Иоанном Предтечей.

Страшно вымолвить: укрепление феодального землевладения, очень сильное закрепощение крестьян, подавление бунтов и даже казнь Степана Разина отлично выглядят внутри марксистских и ленинских построений. И пусть там и остаются. Построения безупречны, верны и точны, с ними не поспоришь. Но искать понимание истории XVII века можно не только там.

Взлёт древнерусской архитектуры описывается целиком одним словом: ликование.

К примеру, в исследованиях того же А.А. Новосельского про вотчинное хозяйство (публикация 1929 г., М.–Л.) московский двор стольника А.И. Безобразова, состоявший из двух–трёх десятков душ, получал со своих деревень в разных уездах столько съестного в месяц, что после всех раздач, уплат, продаж, засолки на хранение, подарков и случайных утрат для внутреннего потребления вместе с хозяевами оставалось каждый осенний месяц несколько пудов, например, баранины (а ещё говядина, рыба, куры снулые и живые, яйца сотнями, свиные половинки и уже солёные окорока, грибы, ягоды, словом, всё, что ныне составляет рекомендуемый рацион здорового питания, с балансом по жирам, белкам и углеводам). Пусть у стольника был хлебосольный гостеприимный дом, в котором всегда рады любому количеству гостей – задача каждый день извести в хозяйстве три–четыре–пять килограммов мяса – не всякому повару по плечу. Две пары сапог на ноги одновременно не натянешь, что-то должно было доставаться и дворовым людям. Может, и не жировали, но и не бедовали. Не стоящий от голода на ногах конюх никому не нужен, здоровый работник наработает больше, чем горький пьяница и лентяй.

А.И. Безобразов оказывается личностью исключительно типической, как говорили в классическом литературоведении: не очень богатый, но и не бедняк, не родовит, но и не босяк, в родственниках ходит сам дьяк Василий Семенов, глава Разрядного приказа, от службы не бегают, но и пупа на ней не рвёт, любимейшее местечко – имение Тельчье в Калужском уезде с дивно устроенными рыбными ловлями в выкопанном и благоустроенном пруду. Карьера оборвалась трагически от упорного нежелания ехать на службу на Терек – связался с ворожеями, чтобы отвести эту напасть, а беда оттуда-то и пришла, за связь с ними и казнили, а архив через эту опалу уцелел, для следствия сохранили.

Черты характера по переписке определить трудно, но кое о чём судить можно. Ясно, что грамотой владел, раз переписывался собственноручно. Но в нём обнаруживаются и такие качества, которые нельзя было предположить в замшелом вотчиннике с замашками Обломова.

Вот письмо из 1680 года.

В сложном и долгом процессе изготовления пива есть операция сушки солода (пророщенных семян) перед приготовлением напитка. В белёвской вот-

чине приказчик со старостой решили использовать нижние помещения хозяйского дома, да и сожгли его, очень огорчив стольника. После сообщения о печальной новости, в ответном письме стольник, излив накопившее и припомнив в отчаянии нелестные характеристики родителей неосмотрительных приказчиков и крестьян, далее высказывает не только недюжинные знания процесса строительства, но и навык пространственного и проектного мышления, делающего честь любому и каждому архитектору и инженеру-строителю. Ни-

Царские врата нового Успенского собора.

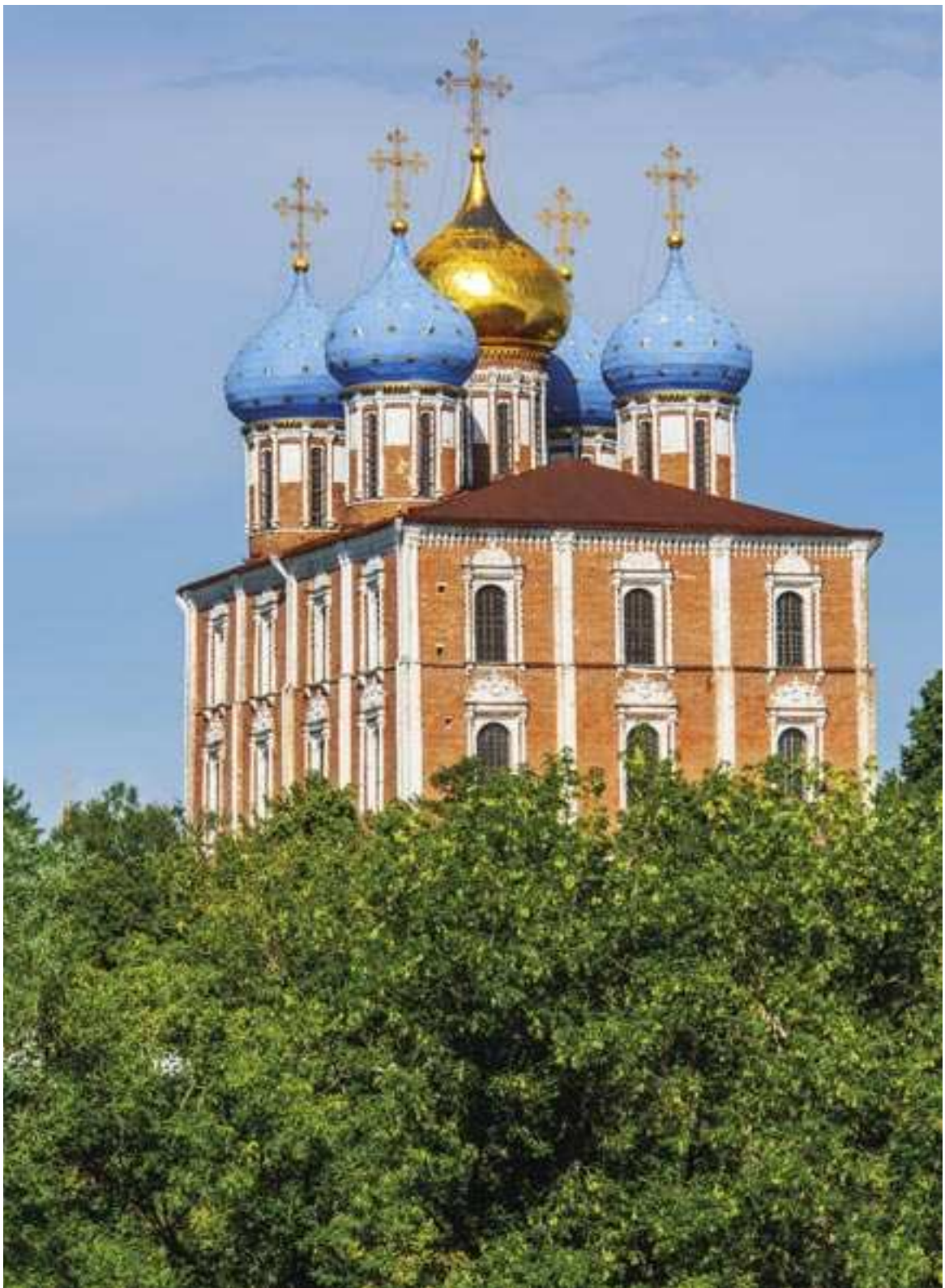

какой «автокад» или подобные программы проектирования не помогут проложить дорогу от измышленной формы к номенклатуре и сортаменту деталей деревянных хором, поскольку форму-то он не нарисовал никаким наброском, эскизом, чертежом. Всё, для чего понадобились тёс, доски, брусья, брёвна, дубовые (!) и сосновые, от четырёхметровых до одиннадцатиметровых, и прочего добра, держалось в голове в момент написания письма. То есть столыничник видел, глядя умственным взором в окошко или в стену, будущие хоромы, и записывал, сколько, какого и чего именно понадобится на стройке. Таких прорабов днём с огнём не сыскать в любую эпоху в любой местности, а в письме его нет никаких признаков гордости по поводу уникального знания и умения, и, надо полагать, получив письмо, приказчик и крестьяне, засучив рукава, высекли в лесу 120 одиннадцатиметровых дубовых брёвен. Начиная от 60 тонн сырым общим весом. Да девятиметровых 110 штук, да восьмиметровых 90, и ещё одиннадцатиметровых дубовых понадобилось 70 и потом сосновых опять 120. Тут уже тонны пошли сотнями. И под конец, чуть не забыл, две сотни сосновых по 11 метров, и 120 штук по тринадцать метров. Ну, по мелочи, десяток колод на двери и десяток на окна, лавки всякие, на чердаки что надобно. Ладно, он – гений, уместивший проект в несколько десятков строк, но и они-то ведь его поняли, и, надо думать, принялись за дело, одним строительным сезоном хотя бы материал заготовили, привезли, положили правильным образом эти тонны сушить, или сразу сырое срубили под усадку с запасом на окнах и дверях.

Пусть крепостное право страшно усилилось, пусть его кодифицировали в Соборном уложении в 1649 году и отменили «урочные лета», сделав сыск бег-

Северная часть гульбища нового Успенского собора.

лых бессрочным, пусть восстания под гнётом эксплуататоров были неизбежны, часты и жестоко подавляемы. Всё же люди, умеющие понять и воспринять это письмо как руководство к действию, и «исполнить предначертанное» – это «какие-то особенные люди, какие-то не такие, как все», они способны оперировать полутонным бревном десятиметровой длины

Масштаб в изображениях обеих церквей не соблюден, но соответствует значению.

без экскаватора и подъёмного крана, античные герои, ловкие и высокоразвитые, как воспитанники Платона, вернувшиеся со стадиона, они не могут быть описаны в терминах крепостного права, угнетения и феодализма, это просто другие люди. Они очень хорошо знают, что такое барщина и оброк, они платят подати и выполняют обязанности крепостных, но их жизнь больше, чем эти тенеты, сложнее, глубже, интереснее, ярче. Словом, в рамки крепостного состояния помещается больше, чем принято считать.

189-г(о) [1680] году декабря в 1 де(нь). Роспис(ь), что высечь на Тельчи кокова лесу и вывозить прикащику и крестьянам против старых хором, что сожгли вы воры, блядины дети. На потклеты б высечь дубовава лесу хорошева и не тонкова и не кривово петисаженнова 120 бревен. Да четырехсаженнова с лохтем 110 бревен дубовых. Да на потолки в потклеты 100 пластин вытесат(ь) четырех сажен с полусажен(ь)ю дубовых, а чтоб

пластины б были не кривые и не узкие б, чтобы пластины были широкие и премые. Да на подсен(ь)я дубова лесу надобна четырехсаженнова 90 бревен. Да на подсен(ь)я же надобна дубова лесу петисаженнова 70 бревен. Да на подсен(ь)я же надобна дубова лесу трехсаженнова 80 бревен. Да на сени на мосты надобна 50 пластин дубовых четырех сажен, а будет старые пластины сенные целы, ина пластин на сени не рубит(ь), разве малая что нарубит(ь). Да на сени жа надобна 25 пластин дубовых полчетверть сажени. Да на сени жа надобна 25 пластин трех сажен с лохтем. Да на горницы сосновава лесу высечь петисаженнова 120 бревен, четырехсаженнова с лохтем 110 бревен. Да в хоромы на потолочки сосновых 100 пластин вытесат(ь) четырех сажен с полусаженье. Да на сени надобна 100 бревен сосновых четырех сажен. Да трехсаженнова 100 бревен сосновых. Да на сени жа надобна сосновава лесу 60 бревен пятисаженнова. В хоромы на десетеры двери колоды высечь сосновые, чтобы сучка не было и красны бы были и широки, таковы б были, что саж[г]ли. Да на десет(ь) окан красных колоды же высечь сосновые, чтобы были глаткие ж, сучка ж бы не было. Да на десе[те]ры двери да на десетеры окан красных досок же б натесят(ь) сосновых широких длиною по полутары сажени, надобна 50 досок. Да на чердаки высечь лесу соснова сто дватцат(ь) бревен штисаженнова с лохтем. Да на чердаки ж соснова лесу надобно двести бревен пети сажени. Да 100 досок натесят(ь) сосновых в чердаки четырех сажен с лохтем, а чтоб доски были хороши и глатки и не уски б были. Велет(ь) сосновава брус(ь)я натесат(ь) полупеты сажени 40 брусков хороших широких, что[бы] были широки, а не добре б толсты, толшиною б были вершков в шесть или в семь. Да сосновава же брус(ь)я велет(ь) натесат(ь) шти сажени 40 брусков.

А как крестьяня станут плосье дубовое колот(ь) и сосновое, и им то плосье велет(ь) правит(ь) на лесу для това, что легче им возит(ь) будет.

Лавок высеч(ь) сосновых 10 лавок полупеты сажени да 10 лавок четырех сажен да 10 лавок трех сажен да 10 лавок двух сажен.

120 пятисаженных брёвен. Во-первых, это не всякий трейлер увезёт, нужен длинномерный прицепной лесовоз. Во-вторых, сажень = 216 см. Пять – 10 м 80 см. Положим (только предположим), стена высотой 3 м, по 0,3 м средним диаметром (на самом деле гораздо больше, до 0,5) – десяток брёвен. Как ни крути, куда ни поворачивай – а выходит или две комнаты по 60 м², или четыре по 30. Считая длину стен лавками, получаем 10 десятиметровых лавок, 10 девятиметровых, и ещё шестиметровые и четырёхметровые. Маленькие – ладно, как-нибудь раскидаем, а куда пристроить 20 лавок чуть меньше и чуть больше десяти метров? Их ведь по диагонали не поставишь – ходить неловко. Стало быть, где-то нашлось двадцать стен по десять метров с (технологическими) перерубами (или это в двух этажах?). И столько же на горницы (второй этаж – уже гора, а ещё чердаки), и про подсенье не забыть, про десять дверей и

Южный портал Архангельского собора.

Беглый, невнимательный, нестроительский взгляд легко замечает следы многих переделок, которые сообщили собору несвойственную ему изначально кубоватость и массивность: главное – отсутствующие закомары, заменённые намёком на них, очень маленькими кокошниками под плоской крышей, число и конфигурация их не продиктована никакими эстетическими намерениями, просто «так вышло»; второе – чудо бесцеремонности и диспропорциональности: большой собор венчает ничтожная главка с мандаринными дольками в основании, как пимпочка на детской шерстяной шапке, – а это не шапка, это шлемоподобная кожаная кепка вместо нормальной луковицы, окончательно убивающая, укорачивающая высотную составляющую; портал, окна четверика, высота апсид просят стройности, безнадежно утраченной в оплывшем без закомар силуэте, ведь пропорции портала безупречны и должны быть конгруэнтны абрису, апсиды не зря так поднимали, окна не вдруг сделали «прорезанными». Несохранившаяся форма и принципиальная деликатность реставраторов не позволила им безжалостно отнестись к трудам поновителей XVII–XIX веков, но результатом стал нынешний облик храма, загадочный и некрасноречивый, заставляющий пожалеть, что ни виден первоначальный замысел формы.

столько же окон. Никакая дизайнерская изворотливость не позволит сто метров лавок воткнуть в помещения площадью меньше четырёхсот метров. При высоте дубовых стен в 3 м (или больше) периметр (без перегородок) составит около 259 м в первом этаже. Перерубы, соединение «в лапу» несколько метров съедят легко, но всё равно остаётся 230–240. Примерно. Принимая за рабочий модуль помещение в 50 м² (длина 10, ширина 5 м), площадь первого этажа поместится в 300–500 квадратных метров. Вместе с сенями, горницами, чердаками – далеко за тысячу. Чтобы протопить зимой, потребуется несколько печей, больше трёх, запасы дров – десятки возов.

Соборное уложение – недооценённый из-за общественно-ведческих пристрастий документ. Это далеко не только фиксирующий новое юридическое состояние крепостного права свиток, вместе с Новоуказными статьями это конституция России на полторы (если не две) сотни лет – до Полного собрания законов Российской империи XIX века. Прекраснодушная попытка Екатерины II (Наказ Уложенной комиссии) осталась литературным фактом, как и вдохновивший императрицу «Дух законов» Ш.Л. де Монтескье.

На этот конституирующий характер Соборного уложения давно обратили внимание, так же давно заметили, что после

него Земские соборы как явление внутренней политической жизни быстро угасли и уже в петровскую эпоху нельзя себе вообразить даже тень мысли о каком-либо представительстве и судоговорении. Между тем в связке «соборы и Уложение» много возможностей отойти в сторону от проложенных путей, буквально переменить точку зрения, чтобы увидеть то, что раньше, при другой точке зрения, было сокрыто, только из-за точки зрения. Упорные поиски черт схожести между западным парламентаризмом и хоть каким-нибудь представительством чего-нибудь в России породили миф о сословно-представительной монархии как этапе, предшествовавшем абсолютизму. Теоретическая зыбкость самого понятия «абсолютизм» бросила тень недоверия и на сословно-представительную монархию. Абсолютизм находится в ряду таких слов, как деспотизм, тирания, тоталитаризм, авторитаризм, самодержавие, самовластье и собственным содержанием не обладает, поскольку имеется в виду просто сильная, крепкая, устойчивая власть; если монарх хорошо учился и начитан, возможны варианты, похожие на просвещённый деспотизм, наличие или отсутствие развитой или недоразвитой бюрократии факультативно, не в ней дело. Абсолютизм просто придуман как стадия сильной власти, чтобы объяснить развитие того, что не было сословно-представительной монархией, но какие-то перемены были, причём именно в сторону ужесточения, закрепления и затягивания устоев, гаек и узлов, вплоть до смыкания самовластья с самоуправством. В конце XVI – начале XVII века власть была какой угодно, только не сильной, даже во времена Федора Иоанновича и Б. Годунова, до них уязвлённая великим горем мощь сына Елены Глинской разметала институты государства вместе с государством так яростно, что периоды просто покоя воспринимались как благо господне, наконец поданное свыше. Между прочим, Б. Годунов – из тех немногих, именем которых описывают архитектурные стили; при том, что сам он для архитектуры был только потребителем, что-то в его правлении (до и после воцарения) было такое, что составило целое время.

Даже его трагическая фигура лишь подтверждает мысль о том, что за полвека до 1613 года словно громадный бешеный пёс вцепился в Россию и терзал её и так, и сяк в надежде потешиться свежей убоиной, а она всё никак и никак, не помирает, и всё тут.

Именно в эти полвека появились земские соборы (аналог вселенских соборов чуть ли не от античных времён) и патриаршество как институт власти не только духовной. Степень деструкции власти была такой, что самыми крепкими оказались символы и слова. Первый царь при рождении был ещё Великим князем, хотя деда его уже иногда именовали Рех, второму досталось всего 14 лет, новые династии посыпались чехардой, покуда добрались до Романовых, только символ и остался. В Кремле не было ни одного целого каменного здания, где бы мог переночевать новоизбранный М.Ф. Романов. Власть, пусть и по праву, и по закону, и по избранию «Собора всей земли» подобрал царь Михаил, но именно подобрал, с пола, отряхнул и понёс. Едва ли не главное обвинение Земским соборам («отчего они не парламенты?») состоит в отсутствии законной процедуры и норм избрания и представительства, и это совершенно полноправная инвектива, не было и мысли о правильной периодичности избрания, о функциях, о ещё не придуманном разделении властей, о бюджете и ответственном правительстве, словом, ни одного признака живого нормального парламента в земских соборах нет, как ни ищи. Зато есть полное совпадение с

другим институтом, от дряхлых бед и нехватки сил расконцентрированном, размазанном по времени и по задачам, всегда не имеющим никакой законной процедуры, потому что он является источником законности процедур вообще: этот институт – Генеральные штаты, Конституанта, Учредительное собрание, потом полномочное парламентское большинство (хотя это, конечно, не совсем то, что нужно). Нигде и никогда, начиная от вечерней проверки первобытного племени, не существовало законной процедуры создания первого органа власти, избрания вождя, назначения правительства, избрания судьи, принятия решения о военном походе и т. д. Всё придумывалось, создавалось людьми и утверждалось временем – или устоялось, или заменилось по тысяче причин. Чтобы появилась фраза «как наши отчичи и дедичи делали» – надо, чтобы отчичи и дедичи придумали и начали, создали и утвердили, тогда уж можно и сослаться, было бы на что. А как они придумали, где они собирались, – в зале для игры в мяч или где пришлось – дело десятое.

Кроме того, как забыть о фразе «Нет власти на земле, аще от Бога». Это так удобно, что грех отказываться. Слово всегда помогало символам, иногда и становилось символом, как со словами патриархов Иова и Гермогена – их молитвами собрали воинскую силу для отпора полякам и самозванцам, их землеустроительная роль в истории не меньше, а больше мирского закона и мирских слов, и только через это, через память митрополитов Петра, Феогноста, Алексия, Филиппа и четырёх первых патриархов можно вернее понять роль первых соборов – им разрешили и повелели устраивать жизнь в меру их скромных сил, советом и рассуждением, а вовсе не ограничением власти государя, никакой «обратной связи» от низов как реакции на управительные интенции власти не было и в помине, соборы учреждали и спасали иерархию, подпирая её своим авторитетом, санкционируя её, как правило, уже запланированные теньевыми или дневными кабинетами действия. Представительство здесь – только формула созыва тех, на кого можно опереться, чтобы сказать: «Это – законно», потому что мы так решили. Кто «мы» – неважно. Мир. Все. Земля.

Учредив государство своими писаными актами, земские соборы в 1649 году приняли Конституционный акт и постепенно сошли на нет. Они не стали пар-

ламентом – потому что и не собирались им становиться, на такие мелочи соборы не разменивались, они решали более важные задачи.

Для «обратной связи» был другой проверенный инструмент, куда более тонкий и позволяющий настраивание на самые разные, любой сложности задачи. Это система приказов и система челобитных. Челобитные как явление вообще бессмертны, во времени меняется только формуляр, в который вписываются пожелания и мольбы о пожаловании милости по великой доброте руки дающего, не устающей... и так далее вплоть до грантов как системы подачек надоедливим просителям денег и прочих благ, ими явно незаслуженных, но так и быть.., лишь бы отстали от деньгоподателя, уже давно утомлённого своей щедростью.

Система же приказов – институт управления, которому суждено великое будущее, потому что им присуща двоичность, дихотомия, разделённость на противоположное, как источник жизненного напряжения и преобразования нынешнего способа организации несовершенства в будущее. Всякое управление колеблется между двумя полюсами: сосредоточить главные силы на понимании территории и на понимании процессов, то есть создавать территориальные инструменты управления или отраслевые. Сибирь пришла под государеву руку в XVI веке – надо создать Сибирский приказ, чтобы собирать, получать, учитывать, распределять ясак. Но одно дело Сибирь сразу за Камнем, и совсем другое – Даурия и Приморье: между ними расстояние преодолевается хорошо если за год. С пушниной ясно сразу, а вот нельзя ли где ржи посеять для прокорма? Или рудознатцев направить? Или рыбы наловить побольше невиданной да заморозить? И ведь Посольский приказ не поручишь тем, кто всю жизнь татей да воров ловил, за мостами, пьяницами да погорельцами следил. И книги печатать не первый встречный станет, дело не простое. Казна опять же своей бухгалтерии требует.

Приказ как учреждение может быть и министерством для отрасли, и отделом для территории, в нём может быть пять сотрудников и двести, он и школа, и университет, и пенсионный фонд, кузница кадров и пожарный департамент для неожиданных положений. Он гибок структурно и функционально, потому что создан не по плану развития государственности, а от нужды, для решения задач, имеющих конечный срок. Нет нужды производить во множестве накопники для стрел, когда в ходу уже у всех пищали.

Глядя издали, хорошо вооружённым прищуренным глазом, страна, государство и его строй-структура выглядят классическим треугольником. Широкое миллионное основание крестьян, посадских людей, чуть повыше и поуже купечество, тут же духовенство, потом чиновничество и вообще начальство, воеводы в городах и уездах, приказы, Боярская дума и наконец государь. Куда здесь вставить парламент, что заменить на? Земские соборы аккумулировали вековой опыт государственного строительства в Соборном уложении, с исполнением законов справляются Боярская дума и приказы, в случае чего вступает государь или коллективные челобитные. Депутатам тут заняться нечем, это было бы стадо бездельников, зря едящих свой хлеб. Нет такого количества ежедневных или ежегодных дел, с которым нельзя справиться в рабочем порядке, устоявшейся системой государственного управления.

Забавно, что Пётр Алексеевич, за полтора года отсутствия на родине ловко приметивший в Европе городские советы в Голландии и Германии, оценил их полезность в деле управления, и потащил образцы в Россию, чтобы скопировать. Получился курьёз: учреждение, не родившееся из местных условий, назвали ратушей, не довольно хорошо уловив разницу в языке между городским советом и зданием для совета – Stadtrat и Rathaus. Построить здание и заселить его людьми с поручениями – не так трудно, как выпестовать городское самоуправление. Во-первых, нужны века, во-вторых, события, история борьбы, геройство и жертвы. Вот из-за этого «не довольно хорошо» все беды: не совсем то, не там, не тогда, не так, не туда, не того качества. А так – ратуша как ратуша, стоит, хлеба не просит. И из Bürgermeister может вырасти только бурмистр. Это не просто другое звучание и произнесение, это другое существо, описать которое может только М.Е. Салтыков-Щедрин, поместив органчик прямо в череп городского головы поверх совершенно настоящего пуза, потому что пиво он поглощает только настоящее, чешское или немецкое, на что и расходуются все городские ресурсы. Ровно также тянется в Россию и то, что ей не приличествует, покуда само не вырастет – парламент. Если над ними ничего нет – то ничего и не рухнет, если кубик убрать, система управления не пострадает. Приказы возьмут на себя все те крохи полезности, которые, может быть, рождаются в пределах голов государственных думателей, зато ответственность за принятые решения неотвратима – она, как птичка, спархивает и улетает уже на третьем уровне передачи распоряжения или информации, а если их семь? Помощник Заместителя Секретаря Секции Подотдела Отдела Комиссии Комитета Думы Собрания Федерации?

Недостаточность, неуниверсальность привычной социологической схемы имеет много объяснений, к этому неопосредованному множеству можно добавить ещё одно. Между производительными силами и производственными отношениями, между настройками и фундаментами, формациями, стадиями, классами, стратами и прочими хорошими понятиями нет места для помещения счастья. Для ужасов, войн, борьбы, несчастий, хворей, мучений, преодолений и прочих причин героизма и подвигов – сколько угодно простора. А большинство людей, помнящих не только детство, без труда назовут много людей из ближнего и дальнего окружения, которые умудрились в самом, быть может, чудовищном государственном и общественном устройстве испытать истинное счастье, вдохновение самой высшей пробы, творческий взлёт невиданной никем высоты, иные временные состояния души, без которых описание истории эпохи неполно, недостаточно, даже ложно. Эти личные вершины никак не детерминированы, не обусловлены ни производительными силами, ни производственными отношениями, ни заботой надстройки, ни давлением её. И именно эти вершины, в целом и в частности, составляют описание сути эпохи, они передвигают состояние общества в новые сферы и эпохи. Чтобы понять эпоху, важнее не баланс сил и отношений, а постижение, как люди могли становиться и становились счастливыми. Как горевали и бедовали, мы более или менее уяснили, тут марксизм незаменим и полновластен, потому что верен. С другой, мгновенной историей, марксизм бессилен. Озарения не-

объяснимы и неуловимы, неуложимы в теорию и схему. Geistesgeschichte важнее и интереснее истории монет. «Все преходящее нам лишь мерещится», только к недостижимым целям стоит стремиться. Вот как раз марксизм – из области преходящего, а стремиться надо к большему, недостижимому и трудноопределимому, как у И.В. фон Гёте «Alles Vergängliche... das Unzulängliche... das Unbeschreibliche...»

Да, конечно, XVII век был и смутным, и мутным, и бунташным, и свирепым, и невыносимо тяжёлым со страшными страданиями и мучениями. Но если остановиться только на мучениях, дремучести, да пусть даже отсталости и замшелости в некоторых местах, то окажется, что такое вместилище пороков и изъянов пригодилось только Петру Алексеевичу в качестве причины реформ. Чтобы рассказать о нём правдиво, надо ухитриться рассказать, как люди умели становиться, быть или хоть какие-то мгновения быть счастливыми. Кто-то, построивший в XVII веке церковь во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи, закрыв южную или северную выходную дверь в готовом соборе и отойдя шагов на двести, оборотившись на дело рук своих, не мог не выдохнуть в ошеломлении: «Однако, изрядно вышло!» Он не мог ни сказать, ни даже подумать, но все потомки, видевшие живьём Предтеченский храм в Толчкове, знают наверняка: он – богоподобен, поскольку созданная, сотворённая им небывальщина совершенна, прекрасна, почти как то, над чем едва ли не целую неделю трудился Он. Хотя... Ещё пять лет назад тут такого не было. Ну да ладно, это не он и не своим умом, господь сподобил и надоумил.

Вот это, такое понимание истории никак не помещается за ненадобностью в любую обществоведческую схему. Да даже и не в этом дело, не в неполноте схемы. Хочется сказать «всё», но лучше выразиться аккуратнее, огромная часть достижений создана в состоянии восторга и вдохновения. Вдохновенно придумать лейденскую банку можно, а вдохновенно построить баррикады – нет, тут больше пригодится исступление и остервенение. Вот в этом, кажется, всё дело: страдательно-оборотительную сторону жизни и истории марксизм описывает очень убедительно, не поспоришь, а зачем в этих процессах нужна Элеуса или Дмитриевский собор во Владимире, или Всенощная С. Рахманинова – неясно. А ведь все они – не накипь на бульоне, а сам бульон. Сделанное Феофаном Греком или Дионисием с сыновьями нельзя сравнить с двигателем внутреннего сгорания или холодильником, а марксизм всё время норовит свернуть поближе к ДВС. Церковь Милославских в селе Подолец полнее описывает историю XVII века, чем медный бунт или восстание Степана Разина. Бунт – не более чем пример скудоумия финансовых властей, восстание – не более чем пример более всеобъемлющего скудоумия. А Троицкая церковь в селе Подолец – застывшая с неба упавшая модель жизни в XVII веке: если к обиходу старосветских помещиков Пульхерии Ивановны и Афанасия Никитича прибавить потёмкинской стати (стольника Петра Потёмкина) и увидеть их поднимающимися по лестнице на огромное каменное гульбище Рождественской церкви в Борисоглебском монастыре, и услышать их речи о повседневных заботах, исторический материализм вместе с диалектическим, а также политической экономией и ещё какой-то мутью про составные части чего-то превращаются в окаменевшую

вековую паутину на вечно закрытой двери в подцерковье. А настоящая жизнь – только в их речах и заботах.

*

Понять, даже постичь феномен старообрядчества или староверчества никак не удаётся, если пытаться это сделать, опираясь на привычный опыт, если почитать, кто что про это писал, полистать собственные сочинения старо- и новообрядцев, может быть, кто из иноземцев что-нибудь высмотрел и записал, и так далее. Увы, самое подробное, старательное прилежание и усердие дают плоды скорее унылые, чем насыщающие любопытство. Словно большая рыба ласково провела хвостом по рукам ловца и ушла опять в глубину. Исправление книг от накопившихся ошибок – важное дело; вокруг аналоя ходить при крещении и других таинствах против солнца, а не наоборот – тоже, третий палец превращает при крестном знамени двоеперстие в щепоть – ну и что в этом худого; Иисус, а не Исус – да хоть Иешуа, Степан или Ефим, какая разница! Что именно от каких нападков оборонял Аввакум, да так, что наказан был многолетним изгнанием и кончил дни в яме на Севере? Чем так мерзки были нововведения, что староверы десятками предпочитали смерть в огне – жизни по никоновским порядкам? Объяснения в виде обвинений в серости, узколобости, мракобесности и отсталости не годятся: тысячелетиями великовозрастные совсем малообразованные болваны никак не стремятся к самосожжению, а процветают на зависть умникам, и в ус не дуют.

Тут какое-то такое потребно объяснение, которое жило недолго только в их головах и никаких по себе следов не оставило. Это должно быть что-то ужасно важное, что лишение его было настолько болезненно, что жизнь становилась немила, и отступить от него – хуже, чем умереть. Найти объяснение, которое не оставило следов – невозможно; но причина была, потому что последствия очень уж заметные. А раз нельзя найти – можно попробовать придумать правдоподобно, чтобы известные последствия не противоречили придумкам. У такого способа много достоинств (фантазия границ не знает, думай, как хочешь) и недостатков (сказки да побасенки, всё враньё), но есть и одна привлекательная особенность: придуманное нельзя доказать – но нельзя и опровергнуть, сказанное будет жить, пока кто-то не придумает лучше, логичнее, краше.

Не считая страданий, мучений и болезней, есть только Одно (более широкой, старшей категории придумать не получается, поэтому оставим без определения, просто с прописной буквы – Одно), утрата чего может лишить воли к жизни. Это Воля. Не только как свобода и толчок к деятельности, борьбе и т. д. Воля больше свободы, потому что легко соглашается с ограничениями, сохраняя себя внутри несвободы, больше пружин и торсионов любопытства, голода, влечений, позывов и прочих причин падений в бездны и взлётов к звёздам. Рядом с Волей полноправно стоит только творчество, это две ноги, без которых ни туловище, ни руки, ни голова, что бы под ними ни подразумевалось в таких сопоставлениях, далеко не ушагают. Но созидание того, чего не

было раньше, – удел немногих (в связи с воздействием множества причин, большая часть которых относятся к достоинствам самого произведения как итога творческого процесса), а вот волю можно проявить даже в ослином хождении вокруг ворота, годами поднимающего воду или руду. Но всё-таки воля к созиданию – конечная причина едва не всего, созданного после Творца.

Не тут ли собака, которую кто-то всё время зарывает?

Не воли ли лишали новообрядцы во главе с Никоном староверов, ведомых когда-то Аввакумом?

Ведь если припомнить, что уже Филарета именовали Великим государем, наравне с Михаилом Фёдоровичем, что Никон и Алексей Михайлович тоже были и великими, и государями, что Никон почти закончил формирование второго государственного аппарата при собственной персоне, почти повторявшего кесарев двор с приказами, казней, судом и прочими институциями, выглядевшими вполне «взросло» и вовсе не бездельничавшими, то обязательно надо попробовать взглянуть на это не только с точки зрения их взаимоотношений и долгих борений, вплоть до полуторадесятилетней ссылки Никона в Ферапонтов и Кириллов монастыри, но и с точки зрения «простых» староверов, с земли, снизу: при Иване, Феодоре, Борисе и даже Василии власть была хоть и страшная порой, но одна, а тут, при Никоне, вдруг выросла вторая, ещё одна, да похлеще первой, с таким «ндравом» и деловой хваткой, что «бедному крестьянину и совсем уж некуда стало податься» – урочные лета касались только тех, кто «в крепости», да и тех после смерти хозяина отпускали на волю, а эти до всех православных готовы добраться, и до черносошных, и до беглых, и до поморов, нигде спасения нет, мало ли что Писание запрещает брать процент – со второго года пятую часть прибавь к долгу монастырю, и не горюй, а с третьего года процент на процент. Вот тут-то так Лазаря запоешь, что и отпевать не надо, пепел сразу уходит в землю, первым дождём.

Если талант и страсть Аввакума попробовать описать несколькими словами, и, хоть это и неверно, применить математический термин «по модулю», то есть сняв вообще всю тематику «верю» – «не верю», без щепоти, без посолонь и противосолонь и т. д., то, пожалуй, можно будет сказать, что он «высисил голос» в защиту справедливости, понимаемой как сплав права и правды с жизнеустройством от первого до последнего дня.

Когда несправедливо – тогда нет воли, нет созидания, нет жизни, есть костёр или ледяная яма. Вероятно, староверы в преобразованиях Никона видели отнятие воли, что приравнивалось к слову справедливого жизнеустройства, их истинная Вера предполагала только своё, самостоятельное и потому справедливое жизнеустройство. Для них Вера = Справедливость = Самостоятельность, у этого организма три сердца, одинаково необходимых и незаменимых, вынул одно – погибли все.

В ряду Никон – Иоаким – Софья – Пётр – Екатерина – Ильич со товарищи все звенья цепи равно ненавидели и не понимали Самостоятельность, потому что с Верой хорошо справлялось Просвещение, что такое Справедливость – сильно зависит от того, кто объясняет, что это такое; а вот Самостоятельность – «пакостнее и придумать ничего нельзя», потому что разговорами об этом трудноопределимом предмете, по мнению причастных к процессу спе-

циалистов, население просто отвлекают от приятной и полезной уплаты налогов, такие размышления вредят бюджетированию как бизнесу.

Вот с таким прочтением староверчества трудности понимания XVII века уменьшаются: отдельно друг от друга ни светская, ни духовная истории не уловимы, не противопоставив старую веру светской, в частности, власти, не удаётся уловить качество, так сказать, светской власти, отсутствие или зародышевый возраст третьего сословия, парламентаризм как блестящая игрушка, отчего-то совершенно неинтересная населению, и не от неведения, а от воплощения принципа Стива Джобса за триста лет до него – «Думай иначе», то есть не как голландцы, англичане и прочие немцы, а точно так же, как они, «Делай, как я, это значит – не надо за мной». Собрать полтысячи душ в одном месте, чтобы поговорить, и убедить себя, что эти полтысячи могут и вправду что-то решать за других! Да это задача, нерешаемая в пределах одной деревни. Иерархия, выстроенная любым способом, с применением рассудка и традиции, в сочетании с действующим механизмом получения сведений о неисправностях и нуждах (=челобитные для решения всех вопросов, в том числе служебных, при возникновении необходимости потока информации снизу вверх), с работающей системой приказов, выполнявших и судебные обязанности, – и парламенты нужны, только если есть застарелая вредная привычка к ним, от которой так же трудно избавиться, как бросить курить, перестать пить спиртное по утрам или отучиться сквернословить.

Больше того, духовное к светскому и наоборот, светское к духовному подходят как ключик к замочку: те задачи, для решения которых после просветителей парламенты начали триумфальное шествие по Земле, решались в России в XVII веке институтом, придуманным на полторы тысячи лет раньше. Главное в мироустройстве – не справедливое общественное и политическое устройство, а Вера большей части населения в то, что жизнь устроена честно и справедливо. Верная вера – чуть ли не перевод «православия», западное наименование – ортодоксальная церковь, старая, та, что была до великой схизмы, а раньше единое, общее христианство заботилось о том, на что позже замахнулись говорильни едва ли не во всех странах. И намёки на эту роль церкви не надо специально искать, во многих местах написано вполне отчётливо: «Царь иудейский», «Царь славы», «Иисус в силах», формулировка официального обвинения – посягновение на власть Кесаря и Храма.

Церкви и религии где-то всегда рядом с властью, то поближе, то подальше, а уж уговаривать умеют так, что власти и не снилось, особенно когда дело касается веры в справедливость, в честность, во всё то, о чём в течение всей избирательной кампании говорит каждый будущий парламентарий.

То есть Никон попытался придать институциональный характер главной христианской интенции, ему воспротивился Алексей, из вполне «шкурных» соображений («А я?»). В этой революционной затее самого Никона после поражения отправили в «Горки ферапонтовские», но дело его не погибло.

Социология – может быть, и не враг истории, но точно помеха. Схемы, измышленные обществоведами, подобны рельсам, на которые трудно взгромоздить только первый трамвай, потом составы сами покатятся, надо только первый толкнуть. Лейбниц, Вольф, Монтескьё, потом Екатерина и декабристы

с Герценом, чуть попозже всевозможные демократы и вольнодумцы, недалеко уж и до уродённого, как известно, в России ленинизма, – каждому достались свои километры, и никто не видел общего пути, в итоге – что получилось, то и получилось. Как ни старайся себя убедить, что можно сохранить свободу и силу мысли даже пребывая в одеждах «верного искровца», рельсы всё же важнее вагоновожатого, они ведут туда, куда надо тем, кто прокладывал рельсы. Теперь, когда так очевидна связь между никонианством, старообрядчеством, отсутствующим парламентаризмом, общей замшелостью и каким-то «особым» путём России, когда путаница распутывается и появляется понимание, что к чему, можно и задать вопрос: как же так, почему за двести лет историографии никто не нащупал этот путь, почему историки и мыслители, которые не нам чета, не соединили земские соборы в конституционное собрание, челобитные в систему обратной связи в разы лучше парламентаризма, приказы и думу в институционально гибкую иерархию?

Ответов на этот вопрос, вероятно, много, надо не забыть два первых:

– слом общественного устройства Петром I сопровождался пропагандой, нацеленной больше на будущее, чем на современность. Нерукотворный памятник Петру – не то, что он оставил потомкам, а он сам, его светлый образ просвещённого преобразователя всего, доброго брадобрея и нежного зубодёра;

– двести лет движения по социологическим рельсам (считая от Радищева примерно) даром не проходят, глаза сами привычно фокусируются на страданиях, войнах, гонениях, подвигах, нечестивой отмене крепостного права, а потом и вообще строительство «Боярки» для закалки стали навсегда, и церковь, изгнанная Петром из общественной жизни на две с лишним сотни лет, – ну никак не может быть фактором, отменяющим парламентаризм напрочь. Этой дихотомии, этого противостояния, этого целезамещения и ролевых изменений не может быть, они в плоскостях, которые не пересекаются нигде, даже у Лобачевского, этого «нет, потому что нет никогда», рассудок не может смириться с тем, что и око уже видит, и на зуб можно попробовать.

Алексей Михайлович был на 24 года моложе патриарха Никона. Только по предусмотрительной снисходительности последнего они как два Великих государя могли стать «собинными друзьями». В первые годы правления не юный, но молодой Алексей Михайлович, конечно, смотрел на перешагнувшего сорокалетний рубеж патриарха снизу вверх, и где-нибудь в проходных покоях Теремного дворца легко вообразить краткий разговор двух придворных на бегу: «Царя не видал? – Да где-то тут был только что, вон у патриаршего слуги спроси». В конце сороковых–пятидесятых годов Никон при молодой супруге Алексея Марии Ильинишне, искреннее озабоченной производством наследника, вольно и невольно должен был усвоить роль наставника, старшего товарища, мягкого, но всё-таки регента при царе, хоть и вошедшем уже в возраст, но всё ещё подверженном не только царским забавам и увлечениям.

Алексей Михайлович очень любил Саввин Сторожевский монастырь под Звенигородом, построил в этой мужской обители не очень просторное жильё (двухэтажный поначалу дворец) для себя и напротив за Рождественским собором уютные и приветливые покои для царицы, крыльцо прибавил к собору с зимним переходом в свои помещения. В Кремле как-то руки у Алексея Михайловича не дошли заняться строительством, да и неловко как-то: патриарх так размахнулся, что и не угнаться, мало того, что по всей стране несколько монастырей начал строить, включая (шутка сказать!) Новый Иерусалим под Истрой, так ещё и рядом с Успенским собором в Кремле поднялись Патриаршие палаты с Мироваренной палатой и церковью Дванадцати апостолов. Палаты очень ладные и стройные, от гульбища только один обрывочек проковылял больше трёх веков, а большая часть здания уцелела, чтобы выставить на всеобщее обозрение самую заметную особенность, которую не так уж часто замечают. На главах у православных крестов не восемь окончаний (считая от нижнего), а семь, верхнего вертикального кусочка нет как нет. Это Кийский крест, парочка таких же из кипариса Никон заказал в старом Иерусалиме, один и поныне в Москве (в Крапивниках), другой как будто на Кий-острове.

Необычность крестов требует какого-то объяснения. Отсутствие верхней вертикали делает вершиной короткую верхнюю перекладину, где-то в том месте по высоте, где помещалась глава Иисуса, и вот тут-то и собралась вся никоновская задумка. Нет одной вершины, есть две, как два Великих государя, царь и патриарх, они оба вершины иерархии, равноправные и равновеликие, и каждый занят своим делом. Только время от времени царю приходится получать благословение у патриарха, а наоборот – никак нет, патриарх перед царём шапки не ломает, хоть иногда, хоть ненадолго, а священство всё-таки превыше царства.

Идея настолько чудная, что трудно поверить.

Есть подтверждение, с которым трудно спорить: слева и справа от вертикальной оси в крест встроены несколько десятков частиц мощей, разделённых на две группы, одна – по происхождению от лиц духовного звания, другая – от светского (речь, конечно, о Кийских кипарисовых крестах, в тех, что наверху, на главах, никаких частиц нет). Добро бы вперемешку, через одного, но нет, эти – здесь, те – там.

В этой его задумке собралась вся суть, всё понимание и объяснение такого далёкого и трудноуловимого XVII века, нить, струна, сеть с крючьями и поплавами.

Целеполагание непостижимо человеком, сколько может – устраивает царь со всеми своими структурами и конструктами, а когда уже не сможет – есть тот, кто лучше разумеет цели, кто поближе к целеполагателю, так, вдвоём, они, помогая друг другу и поправляя, с подданными и паствой свои пути и пройдут, обладая сопоставимой силой, инструментами, держа людей за разные верёвочки и балансируя без гнева и пристрастия. Этот блаженный идеализм не лучше и не хуже всех иных проповедей, от античных демократий и первых христиан до парламентаризма и социализма, но Никон зашёл в своих мечтаниях дальше прочих, дальше первых мучеников и страстотерпцев, дальше

гуманистов и вольнодумцев, даже разных депутатов, делегатов и большевиков с пятилетками. Не ломая светскую старую власть и не руша её, не беря за образец и не развивая ничьи теории, мысли, достижения и свершения, патриарх делом строил новую параллельную структуру власти или иерархии, тратя на это немалые ресурсы, вызывая непонимание, недоумение и ярость противников, веривших не в его, а в свои силы, умения, старания, опыт и дела предков, «как у дедичей и отчичей было».

Итог обычен и привычен: Алексей Михайлович вошёл в силу, мысли и дела Никона забрал себе, его самого сослал в Ферапонтов монастырь, так и не получив от него благословения. Знамя, выпавшее из рук Никона, подобрали не только Алексей Михайлович, но и те, кто уловил суть: для дела нужна структура, своя иерархия, власть состоит из институтов, которые с неба не падают, молитва помогает, когда руки дело знают.

Строительство параллельных, вытесняющих старые структур – вряд ли изобретение Никона, оно тысячи раз повторено до и после, только у Никона есть доказательства правоты, которым могут позавидовать если не все, то многие преобразователи вселенных. Фёдор Алексеевич, славившийся и тонким умом, и, не в пример младшему брату, образованностью, поняв задумку ссыльного патриарха лучше батюшки, вернул его из Кириллова монастыря. В планах у государя было учреждение в России двенадцати равночестных, без иерархии одной над другой, патриархий, что просто и автоматически решало вопрос об отношениях светской и несветской власти: Царь – один, Патриархов – дюжина, столько же светских наместников, и хорошо, что они за населением приглядывают и его жизнь устраивают, в такой-то обширной стране.

Первым, правда, по старинке, без титула патриарха, был Иона Сысоевич, митрополит Ростовский и Ярославский, поставленный в середине века ещё Никоном. Возвращавшийся водным путём из Кириллова немощный патриарх кончил дни в Ярославле, на притоке Волги Которосли (истоки её верстах в 20 северо-восточнее Ростова, ближе к Гаврилову Яму). Войти в Которосль он мог в 1681 году только с Волги, с севера, и недалеко продвинулся до Никольской церкви в Тропинской слободе, в устье, на стрелке не мог не видеть построенный в 1654 году храм Иоанна Златоуста с Владимирской церковью (возведённой через полтора десятка лет).

Антиминсы для обоих храмов выдавали с позволения митрополита Ионы. Они не виделись много лет. В самом Ярославле, проплывая внизу под высоким берегом, он вряд ли, глядя направо, мог видеть результаты строительной деятельности Ионы, да и на левом берегу Толгский монастырь за лесом почти не разглядеть, но уж главы Иоанна взором не минуешь. Таких церквей во всём свете не россыпью набросано, одно окошко в центральной апсиде чего стоит.

Такой прощальный поклон (вместе со строителями братьями Неждановскими) отдал Иона своему благодетелю. Почти сорок лет митрополит потратил на претворение в жизнь в своей епархии того, что не удалось Никону во всей стране. Все видимые нами архитектурные чудеса в Угличе, Улейме, Борисоглебском, Ростове, Романове, Ярославле и других местах появились на свет не только при жизни, но и при прямом руководстве и попечении митрополита Ионы. Необъятная по широте епархия хранит плоды его трудов, что

кажется чудом. Первые 100–150 лет храмы стояли, потому что были крепко поставлены, потом понадобились реставраторы, но они к тому времени ещё не поняли, что они – отдельный род деятельности, и профессии такой не появилось. Из «жалетелей старины» в XIX веке самые известные – Николай I и Н.В. Гоголь. Но ни полновластие, ни власть над умами не берегли древности достаточно хорошо: в середине века весь ростовский кремль, где построенный, где перестроенный Ионой, с палатами, со звонницей, со Спасом на сених, с крыльцом Успенского собора, с надвратными церквями, со стенами и прочим, едва продали с молотка на слом, на кирпич, за двадцать шесть тысяч рублей. Сумму не собрали.

Иона остался бы в истории как уникальный созидатель, если бы за почти сорок лет инвеституры возвёл один ростовский Архиерейский дом (Дом больше, чем кремль). Но то, что в Ростове – меньше того, что за Ростовом. Почему? Потому что он внял Никону, он строил не дома, а институции, и у него достало сил на всё, потому что равной его власти в течение десятков лет в епархии не было. Назначенный царём, Думой или приказом, воевода сидел в своих хоромах весь срок, мог его продлить не раз, могли и жители попросить продлить, а потом всё равно вместе с чадами, с мебелью, со своими дровами и сеном уезжал к себе в имение. А срок-то был – год, до следующей челобитной в приказ, с объяснением-отчётом, куда и почему его хорошо бы назначить на следующий год. И как ему тягаться в митрополитом, который десятки лет сидит на своём месте? Кто посмеет ему перечить? Были и Судный приказ (остатки его всё ещё есть в Доме), и Красные палаты, которым может позавидовать любое присутственное место, и, главное, желание формировать пространство общества, села, города и епархии не прямо, не в лоб, приказами и указами, а более эффективно, исподволь, создавая те рельсы, по которым и не хочешь – а покатишься, создавая среду. Без криков, революций и металлических памятников.

Духовенства много, разных видов, чёрное, белое, низшее, среднее и высшее, в приходах и монастырях, кое-кто в миру, в клобуках, камилавках и тюбетейках. И никаких попыток церковной демократии, никакого самоуправления, выборных, палат для обсуждения и принятия законов. Есть только собрания раз в несколько лет, одобряющие деятельность начальства, и строжайшая иерархия подчинения и соподчинения, которой армейские могут только позавидовать как недостижимому светлому идеалу. Почему так?

Потому что дело нешуточное.

Как только всерьёз, народовластие побоку, единоначалие не просто эффективнее, оно только одно и возможно.

Успешный опыт Ионы Сысоевича мог быть и не единичным. Рязанский архиерейский дом не так огромен, как Ростовский, но всё же...

✱

Строительный нагель (игла по-немецки) – круглая деревяшка лиственных пород для прочного соединения деревянных строительных деталей. Для понимания исторического исследования, связывания и прочности деталей он

очень полезен; из источников его не выстругать, как ни пыжься. Долгое про-
дление или длительная продолжительность, часто практикуемые для подоб-
ных задач во Франции и не только, тоже не помогают, потому что *la longue*
durée теряет эффект «укорачивания истории». Ярче многих об этом писали
пушкиноведы и знатоки истории первой половины XIX века (про количество
рукопожатий до Лунина). Состарившиеся вожжи короче только что соткан-
ных – сели и усохли после многих стирок, дождями, потом и снегами. Зато
стали крепче, задубели. Только с этим укорачиванием можно попробовать по-
нять, как связана матушка Ивана IV Васильевича и возрождение страны после
Смуты. Что такого она сделала, начала – что помогло через сто лет?

Тут даже и источники есть, но чтобы их понять, проинтерпретировать,
нужен нагель, ибо это общая беда источников XVII века: чёртова уйма, но все
3954 страницы однообразны, меняются только имена, то Ивашка, то Сенка
привез окольничему ноября в восьмой день 36 снулых кур индейских да пять
рыбин живых стерлядок – и что?

Самый глубокомысленный вывод из почерпнутой информации: есть веро-
ятность, что питались среди прочего индюшатиной и рыбой, служившей ис-
точником не только белка, но и полиненасыщенных кислот, незаменимых в
небогатой общей структуризации медианной алиментарной нутриции всех без
исключения страт населения, не говоря уж об имущих (bzw неимущих) клас-
сах, принимая во внимание то немаловажное обстоятельство, что с углево-
дами дело обстояло не так трагично, что, в свою очередь, не может не
свидетельствовать о чём-то ещё, не менее, а гораздо более существенном.

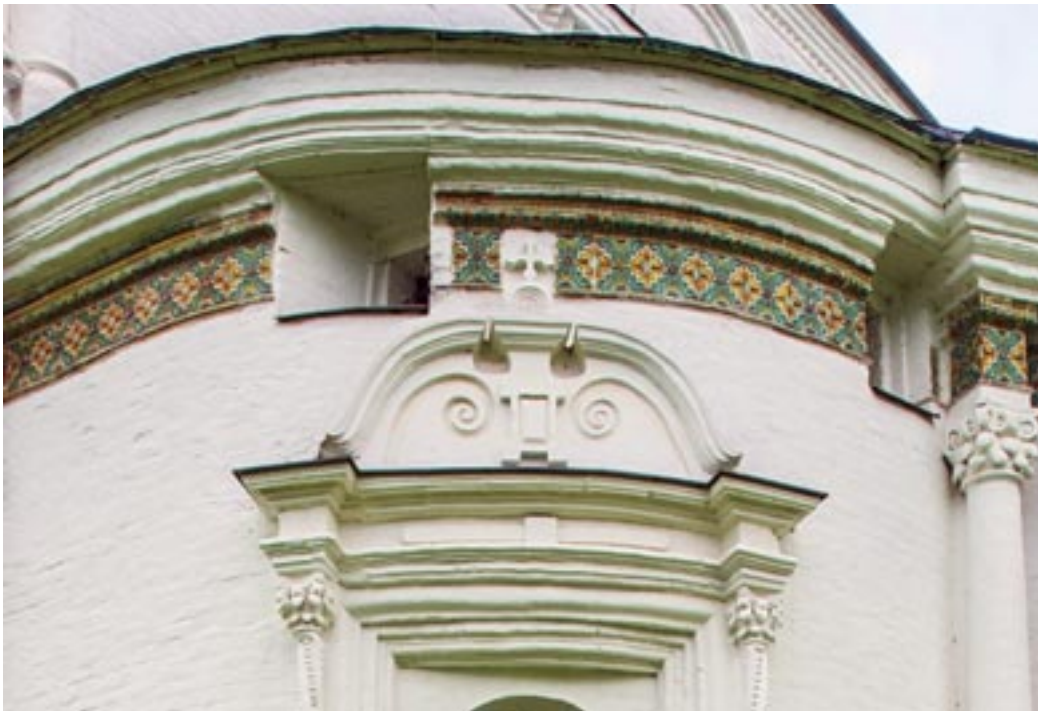
После Смуты в переславскую губную избу были переданы сохранённые на
стороне сшитые тетради с описями поместных дач здешним служилым людям,
числом ровно столько же, сколько прошло лет после учреждения губных изб
правительством Елены Глинской в структуре местного земского самоуправ-
ления. Губная изба – это отдел полиции с надзором за состоянием дорог, за-
став и мостов. Зачем губному старосте понадобились поместные дачи
служилых людей? Просто для регистрации, что чьё? Как БТИ? Пока сказать
трудно, но ясно, что дело было настолько важное, что без начатых при Елене
Глинской тетрадей дело восстановления порядка после Смуты не пошло, а
ведь целый век минул.

Без вот этого нагеля – ну никак! Никак не соединить супругу Василия III
и расцвет XVII века, и выудить из источника с заунывной описью документов
приказной избы Переславля хотя бы попытку понимания причин и взаимо-
связей короткой длинной истории трёх веков (XVI, XVII, XVIII) никак не уда-
ётся без воображения, фантазии, реконструкции, без выдумывания новой
линии объяснения известных событий XVII века, которая могла бы обнять и
то, что известно наверняка и давно, и то, что выдумано прямо из головы, без
ссылки на источники, потому что их нет. Как у Д.И. Менделеева: из понимания
Периодической таблицы вытекает, что на этом месте должен быть элемент.
Его нет, но он есть. То есть он есть, но его пока нет. Будет, когда откроют,
даже через двести лет. Или триста.

Белый камень, вырубленный и отёсанный в конце XIV века,
в Рождественском соборе рязанского кремля
(во время реставрации)

Всё очень просто, привычно, обычно и временами глаз скользит по этим закруглениям, не вникая даже на поверхностном уровне в то, что видится. Вот просто часть апсиды, южная, стало быть дьяконник (сосудохранительница). Изразцовые коврики под окном и под карнизом хорошо вычинены и промыты, кронштейны под подоконником наличника целые, фигуристые, на месте, столбики наличника с развивающимися в разные стороны спиралями выпуклых бусин, капители сильно коринфские, суриком крашенная дверь слева снизу до пола не достаёт, так может, она и не должна доставать, для чего-то же её тут прорубили, и сводик кирпичный сверху выложили. Всё как всегда, не за что и глазу зацепиться.

Но если всё-таки споткнуться и притормозить, хоть на пару минут, и пошевелить не только глазом, но и мозгом, к уважительному поклонению придётся добавить восторг перед изящной изобретательностью строителей. И изящество – не случайно получившееся, а нарочитое. Даже худшая половина человечества знает, что горизонтальные полосы в платье не помогают стройности, наоборот. А здесь очелье наличника собрано так, что к глубокому, очень глубокому окошку с оконницей (не для того, чтобы убрать деревянное обрамление стекол или слюды подальше от снега и дождя – для этого лучше годится ныне пропавшая ставенька) дать сущую корону из мелко нарезанных растущих кнаружи полосок, потом карнизик, и потом то, что сейчас выглядит как шапка из-за жестяного крашеного обрамления. Две прорези вверху устроены не для того, чтобы пустить воду и снег в две капельки, а чтобы сделать пьедестал для креста чуть повыше, уже внутри изразцового пояса, и тогда окно ставится законченным, правильным. И треуголка наполеоновская сгнула. Сказано не в укор тем, кто накрывал, – им лишь бы укрыть, спасти, но и за красотой тоже надо послеживать по возможности, ведь ради неё при строительстве пожертвовали целостностью изразцового пояса, и получилось наоборот – хорошо, смело, подчеркнули и общую высоту, и завершение. Высоко, глубоко, широко, стройно, а перспектива какая! А всего-то окошко.

За строителями надо признать и наличие ещё одного знания или умения. Они знали, что взор не будет оскорблён наличием трёх дыр

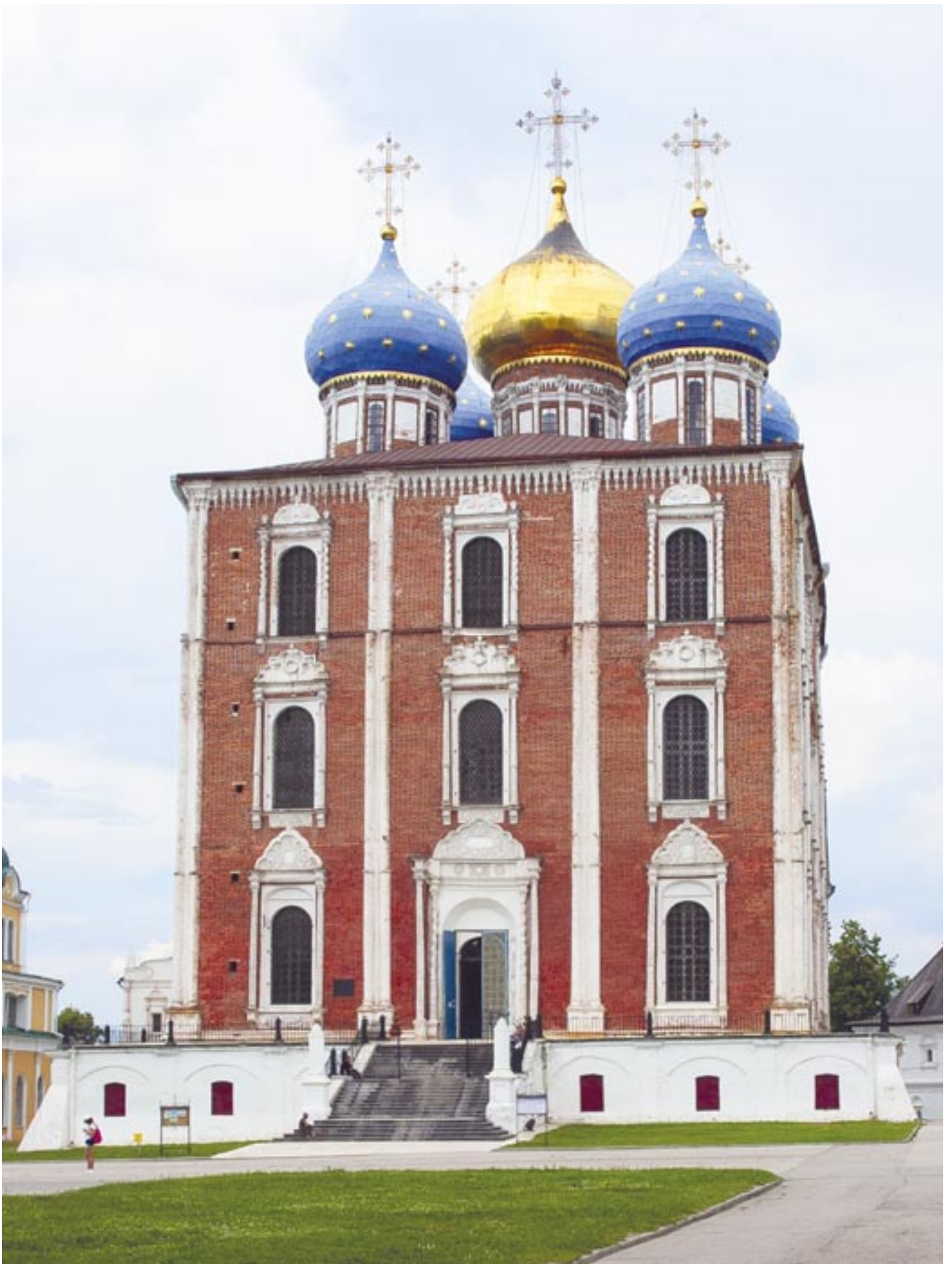

в поясе. Одна – для креста, ещё две – для света. Голова сама продолжит отсутствующие в ряду квадраты, логически подставит их на нужные места, и изъясн окажется неважен. В изъясне, и в том, и в другом надо присмотреться к углу. Левая дыра под окно проделана не перпендикулярно внешней изогнутой

поверхности, а повёрнута внутрь круто направо. При такой глубине стены, с таким поворотом, с такой высоты, с таким наклоном – летнее солнце в нужный час включало прожектор, лучом светивший в потребное место и без электричества, и без свечей, и без лучин. Хитрость подстать древнеегипетской

Новый Успенский собор.

храмовой, да ещё двойная, не только светло, но время указано, когда пора. И правая дыра включала часы-прожектор пораньше, к своему часу, хоть и в эдаком неудобье, почти в углу, за столбиком. Вот тебе и проектанты, и архитекторы, и инженеры с дизайнерами, вот тебе тут и автокад, и рисунок, и чертёж с электричеством.

Конечно, не Софийский собор в Царьграде, но всё же Успенский собор Якова Бухвостова в Рязани размерами заметен – это огромная толстая книга на крепкой подставке, страницы которой перелистывать надо с усилием, они тяжелые и большие, очень разнообразные. Поначалу, издавдалека, на подходе, вся церковь кажется удручающе малоинтересной – вытянутый вверх кирпичный кубик с башенками и куполами на крыше, большой, ровный и скучный, силуэт отсутствует, рисунка, живописности нет, есть одна геометрия и высота, которую хочется скорее назвать длиной вверх. Чуть поближе становится уже интереснее – эту махину ещё и приподняли над землёй здоровенным фундаментом, у которого к обычной функции прибавили вторую, он и основание, и открытое гульбище. Другое такое есть в Троице, тоже открытое, и там тоже ширина перекрытия измеряется в метрах двузначным числом. Гульбище, которое начинается после высокой лестницы – вторая ступень возвышения человека, дальше дверь, порог, трапезная, потом солея, куда доступ не всем, алтарная преграда, Царские врата, престол и Горнее место. Долгий путь, как античный круг знаний, чем больше узнаёшь, тем лучше понимаешь. Так и Успенский собор – чем больше читаешь книгу, тем больше удивления, уважения,

любопытства, переходящего понемногу в восторг, и уже на выходе – облегчение и отдых от работы. И чем тише впечатление на входе, тем громче получается на выходе, и каденция как избавление. Никакая простота у Якова Бухвостова не проста.

Шахматисту положено думать на несколько шагов вперёд. По сравнению с архитектором, то есть подмастерьем каменных дел, чемпион мира – не более чем предивный головастик. В его руках всего-то несколько пешек и фигур на поле, а архитектор свою крышу должен увидеть задолго до первого камня в основании, и фигур в руках – несколько тысяч, не считая пешек.

Формально вот эти белые палочки на кирпичном фоне – белокаменные колонны наличников на кронштейнах. Что же центральные так криво прилепили к апсиде? Наклон градусов пять, когда не семь.

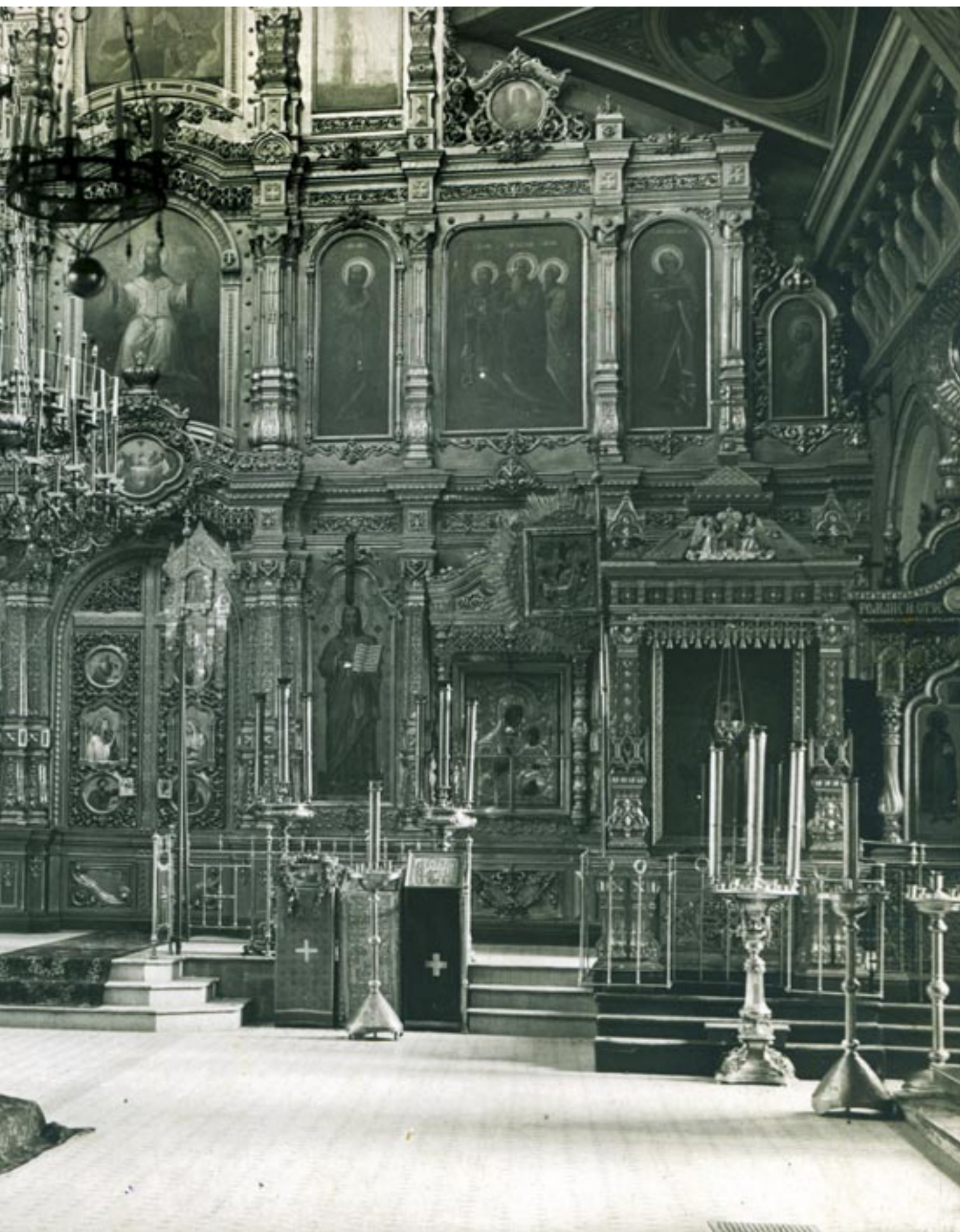
Недолгое размышление заставляет припомнить, что особенность проекта – тонкие стены, не стоящие сами по себе, своей толщиной и тяжестью, как бы-валыча, метра по два–три, а висящие на конструктивных связях разного рода на чудовищных столпах внутри здания. Внутри-то висят, а в апсидах? Они ведь высотой в половину с основным кубом. Утилитарно там хватило бы метров четыре–пять с нормальными окнами и такими же наличниками. И такая высота понадобилась автору только по эстетическим соображениям, таков был образ; центральная апсида стала контрфорсом, а наклон можно заметить только если показать пальцем. Теперь, со стороны глядя, проникнув собственным высокоумием в замысел автора, легко анализировать и делать выводы. А когда

Надпись на фронто́не (фото 1914 г.):
«Дому Твоему подобает святыня, Господи, в долготу дней» (Пс 92:5).

Алтарная преграда Христорожественского собора.

стоит один фундамент, вокруг ямы с известью и сотни возов со свежим кирпичом, железо на связи нужной марки, строевого леса тысячи кубических сажень (как они их считали?), бесчисленные строители разных специальностей, которых надо накормить, уложить спать, дать передохнуть и заставить работать, дослеживая, чтобы уклон как был, так и оставался бы те самые шесть градусов на всю высоту – как тут за всем уследить и умом охватить? И строит-то крестьянин, ни Альберти, ни Скамоцци не читывал и не видывал.

Высота гульбища, то есть приподнятость всего здания, создают ещё один эффект, который не должен ускользнуть от внимания – эффект ширмы или стены, усиленный более поздними постройками. Успенский собор благодаря низким, а местами отсутствующим валам почти закрывает и скрывает всю более раннюю начинку Архиерейского дома, и гражданские строения, и церкви XVI и начала XVII века. Образ Кремля, формирующийся на входе и укрепляющийся при последнем прощальном взгляде, состоит из Великокуба, заурядной колокольни в духе И.Ф. Мичурина и Д.В. Ухтомского, а также жёлтого западного фасада, который напоминает фанерные ярмарочные балаганы конца XIX века в Нижнем – «шикарно, но прилично». Причём высота колокольни не пересиливает массивности стены, обойти собор нетрудно, но функции загородки он выполняет, замыкая собой собрание драгоценностей внутри. Эта приписываемая Якову Бухвостову прозорливость так же недоказуема, как и важна: что спорить, хотел или не хотел, получилось – так. Три света по горизонтали, три прясла по вертикали – ритмы тоже превращают вытянутое в высоту здание в растянутое и по ширине сооружение, гульбище расширяет, высота устрояет.

Уж наверное, Яков Бухвостов не хуже нашего знал про закомары, бочки, бегунцы, про купола, повторяющие округлости каменных покрытий под ними, и прочие стилистические особенности древней архитектуры. А всё же ничего такого делать не стал, но храм не выбивается из ряда старых церквей! Прimitивный кубический геометризм (или наоборот), некстати приводящий на память конструктивизм, авангардизм и торжество негнущихся линий в постройках инженеров, позабывших позвать архитектора, – возмущает разум, закипающий в попытке понять, откуда взялась в этой церкви стилистика, она ведь есть!

Простая наблюдательность не открывает секрета. Западный фасад без лазерной рулетки не измеришь, но и так видно: почти ровный квадрат. Про визуальные искажения, перспективы, парфеноны и наклоны уже младенцы впитывают с молоком матери, дальше меньше, ближе больше, чтобы стоять ровно, надо научиться вечно падать ещё при строительстве. Хитрость не ах какая, но работает который век: окна третьего света самые низкие, а количество висящих над ними сталагмитов, оканчивающихся крестиками на кирпиче, разное между полуколоннами, по краям по восемнадцать штук, а в середине – девятнадцать. Неважно, что там исказилось, толщина крестиков, прогалы между ними или наклонность полуколонн – с боков меньше, посередине больше, и вертикальность правой и левой граней всей фасадной стены не вызывает сомнений. Бросим взгляд за угол, чтобы убедиться, что и там стена стоит вертикально. Но нет. Вертикальность вертикальности рознь. Тут, чтобы

Алтарь собора.
Фото А.И. Петухова, 1985 г.
(из архива И.В. Ильенко).

стена стояла ровно, надо её погнуть, она и загнулась внутрь разными способами, то карниз отступил внутрь, то столбик, то кирпичик, глядишь, стена ушла где на локоть, а где и на два. Вот где проявился зодческий шик, удаль Я. Бухвостова.

Кирпичная стена такой высоты сама собой стоять не будет, если её не делать толщиной, сопоставимой с высотой, целиковой, не полой. То есть в данном случае метров тридцать-то, да будет, да ещё купола сверху давят. Кирпич на известковом растворе – не напряжённый железобетон, один к четырём, ну хотя бы к пяти, толщину надо дать. Выходит, стена в пять-семь метров толщиной? Это где ж такое видано? А окна? Трубочками в точку должны светить раз в день? Чушь какая-то. Подпереть снаружи, как во всём свете делают? Контрфорсами с ухищрениями? Рёбра жёсткости, конечно, добавляют, но когда торчат наружу – красоту убавляют, как ни хитри, даже аркбутаны. И изнутри не поставишь – места жалко. А вот наклонить можно, если есть на что опереть. Отсюда в соборе чудовищной толщины столпы – на них через потолок опираются, даже висят на них стены. Трудно судить о новизне решения, но получилось убедительно, а главное – просто. И сила, и красота собора снаружи видна и ясна только тому, кто даст себе труд поразмыслить: а как, собственно, это здание вообще стоит? И не опасно ли по этому гульбищу ходить – вдруг именно ты окажешься той соломинкой, которая наконец переломила хребет верблюду, и вся махина осыпется горкой вниз, погребая под собою всё и всех?

Изощрённость и ухищрённость имеют что-то общее, что-то связанное с хитростью, и сами по себе знака не

имеют, ни хорошо, ни плохо, но вот в формообразовании если хитрость не соединяется с простотой, добра не жди. Озарительное решение, сошедшее с небес, с воздетыми руками, с интонациями «Ай да Пушкин! Ай да...!» всегда где-то в основе имеет простой смысл, даже пользу, легко и всеми улавливаемую; и наоборот, когда витиеватость и сильная красивость позабывает о простых и внятных смыслах, вся изобретательность становится унылой, эпигонской и неуместной, даже когда безмерная одарённость автора прямо брызжет со стен, золотыми потоками обрушиваясь на прохожего, ближайший пример – жёлтый дом к северу от Успенского собора. Никто в XIX веке не сказал передельщикам собора: «Аркадий, не говори красиво», а они так хотели, чтобы было красиво... И обязательно, чтобы ещё была лепота. И получилось то, что получилось, диво дивное, один раз увидишь – придётся лечиться от нервного расстройства и пупырьев на коже. А ведь хотели как лучше, по мере разумения. В том-то и дело, что с разумением вышла незадача – эта неуловимая субстанция легко в руки не даётся, и от хитроумия бежит первой.

Христорождественский собор – кафедральный. В нём кафедра Архиепископа. И никого не беспокоит, что он на редкость зрительно обиден. Иногда во избежание нареканий невнятную и бесстильную коллекцию неталантливостей нарекают эклектизмом, и этот клёкот прекрасно выполняет задачу – лезущая в глаза нищета духа покорно укладывается в научно обозначенную классификацию, якобы законно занимая своё место. Синее и красное, плохое и хорошее меняются местами, и дурное приобретает право на жизнь вместо того, чтобы быть исправлено на хорошее. Это вообще центральная непонятность реставрационного дела.

Чтобы объяснить эту непонятность, надо изобрести новое слово, амальгаму, соединяющую «Что?» и «Как?» следует спасти. «Качто, Чтак?» На какое время? Древность почтенна, но ветха, порой это просто воспоминание, рисунок на иконе или фреске. То, что есть – отражает ум, чувство и талант пополам с благосостоянием недавних поновителей, набравшихся отчаянной смелости поправить не только предков, но само время, именно так распорядившееся с памятником. Старое ухватить не за что, а новое – отражает уровень эпохи и само является памятником (как правило, памятником недостаточной компетентности). Сторонники сбережения последнего и предпоследнего, потому что нет следов первого, тихо соглашаются с корневым родством слов Древнее–Дряхлое–Дрянное–Dreck. Вот что есть – за то и надо держаться. Редко-редко у кого хватает отваги не только задать себе вопрос, но и ответить: «Кто талантливее – тот, кто изготовил каменный топор, или тот, кто сочинил карьерный экскаватор? Тот, кто написал Элеусу, или Чёрный квадрат?» Ответ на первый взгляд прост: спасай всё, в чём есть след таланта. Вот тут-то беда и притаилась. Их как было мало, так и осталось. Чтобы усмотреть талант, надо иметь талант, желательно не равный тому, про который принимается решение, а ещё и огромное. И чтобы реставратор, получивший пять камушков, мог сначала вообразить, а потом доказать, а потом и в натуре показать, что стена могла быть такой и только такой, и логику стены восстановить, оказывается, можно, понять по пяти камням и, проявив деликатное упорство, проникнуть в голову тех, кто строил пятьсот лет назад, понять и ло-

гику, и людей, смириться с тем, что и они могли где-то схалтурить, потому что следили за главным – но для этого надо понять, в чём оно, главное. Поэтому реставратор – это дважды художник: за себя и за того парня, с ответственностью на века – как ты понял, таким тот парень и предстанет перед потомками, они же не очень обязаны поголовно разбираться в Венецианской хартии.

Так и никаких талантов не напасёшься. Вот за неимением гербовой – пишем на той, что придётся, причём особенно успешно – последние три века, XVIII, XIX и XX.

Публика с глазами идёт в Христорожественский собор и посредством посредственности становится посредственностью; человек не может ничего испытать и пережить, увидев собор, он может только заставить себя смириться с разочарованием – ну что ж, какой есть, такой есть, и это те, которые увидят, а ведь гораздо больше тех, которые ничего в голове не отметят, а импринтинг состоится, образ отпечатлется и раз за разом будет ломать психику и логику. Симметричный ритм, часто после XVII века восторгающий наблюдателей, свидетельствует только о виртуозном владении линейкой с одинаковыми делениями. Сам по себе ритм не хорош и не плох, в нём ещё нет эстетики. Расчёска красива лишь тогда, когда она – гребень, когда есть что-то ещё, кроме ровных или неровных зубьев. Для чего стоят колонны в портале Христорожественского собора? Какое пространство они создают или ограждают, что поддерживают, для какой нужды трехчастный фронто́н с чертежом вертикального разреза куполов взгромоздился на эти подпорки? Как можно чудовищных размеров юрту с окнами наверху увенчать вишенкой на торте? Это не глава, не купол, не маковка, не луковица, не завершение даже, это – шишак, смешной и неуместный. Весь предмет, рождённый совместными усилиями архитекторов XVIII и XIX веков, прячет в себе собор XIV века.

XIV.

Самую малость позже Дмитрия Донского. В Америку ещё пока плавали только норманны, папа Колумба ещё не начал ухаживать за его мамой, а Успенский тогда собор уже стоял. Не очень давно обнаружили сохранившиеся каменные блоки в алтаре. Не за что хвататься, чтобы восстановить.

В барабане церкви Спаса на Ильине Феофан Грек написал образ Авеля. В барабане – значит ни для кого, кроме себя и редких рабочих, которые изнутри с лесов или снаружи с крыши увидят фреску раз в 50 или 150 лет. Поэтому Пантократора или Столпников ещё видели и помнят, а про Авеля и помина нет, его знают по плохим изображениям в книгах, только. А разница не пустячная. На фотографии начала XXI века изображён капризный бездельник со склонностью к полноте, на фото 30-х годов XX века – юноша, уже много тысяч лет спрашивающий: «За что?».

Это не разное качество фотографий, это разные люди и разворот всей истории. За убийство левого Каину не надо было бы раскаиваться, чуть ли не наоборот. А струна правого, тронутая вскоре после сотворения мира, звучит по сей час. Ровно то же получилось и в Успенском, ныне Христорожественском соборе. За шесть столетий из скорбного торжества успения не вышло Торжества Рождения, вышла... эклектика, только поименованная так.

И всё же, несмотря ни на что, получается только по входной молитве: «Молитвами святых отец...» Полтысячелетия люди старались, бились, разбирали, собирали, надкладывали и подстраивали, и тоже думали, что вот они-то именно правильно и понимают, что к чему, что только в их головах собралась вся истина. Святость – не святость, но, как умели, люди старались, помогали, украшали, не для выпячивания себя (хотя и такое бывало), а для увеличения количества гуманности в мире, как бы она, гуманность ни именовалась, какие бы обличья ни принимала. Вот это и подлежит спасению, эта мотивация, это движение и старание ума, его надо беречь как зыбкую и хрупкую субстанцию. И в XVIII, XIX и XX веках жили не одни только двуногие недоразвитые крокодилы. Alltrotzdem создавалось то, из чего состоит всё.

Поэтому – Париж стоит мессы, и в эклектике стоит разобраться, хотя бы чтобы понять, неужели и тут проявился талант, где же он притаился. Кроме того, просто интересно, как можно Успенский собор превратить в эклектику, как это делается и из чего она состоит.

Лучше всех в этом разобралась архитектор-реставратор Е.Г. Одинец, Записка которой ниже и приведена.

О Христорождественском соборе

Христорождественский собор (б. Успенский) – старейший памятник архитектуры на территории Рязанского кремля.

Сооружение в Переяславле Рязанском (так называлась Рязань до 1778 года) первого белокаменного Успенского собора относится ко времени правления знаменитого Рязанского князя Олега, современника Дмитрия Донского. Сама идея постройки в городе, тогда уже являвшемся столицей Рязанского княжества, собора в честь Успения Богородицы возникла у Олега Рязанского и его сына Фёдора, женатого на дочери Дмитрия Донского Софье, возможно, вскоре после примирения Рязани с Москвой в 1386 году и в подражание Москве, в которой тогда уже существовал каменный Успенский собор.

Время построения Успенского собора в Рязанском кремле точно неизвестно. Но, очевидно, что к 1402 году, дате смерти князя Олега, собор еще не был окончательно построен, т.к. Олег был погребён в Солотчинском монастыре.

При сыне князя Олега Фёдоре, а также при епископе Рязанском и Муромском Сергии (Азакове) собор был достроен и освящён. Об этом свидетельствует и то, что помимо главного алтаря в нем был устроен придел в честь Фёдора Тирона, небесного покровителя великого князя Рязанского Фёдора Ольговича.

В 1427 году умирает сын князя Олега Федор и его хоронят в уже существующем новом соборе. Итак, самый конец XIV века и начало XV века – вот временные границы, когда строился собор.

Этот собор просуществовал до конца XVI века, продолжая служить усыпальницей Рязанских князей.

Кроме пяти великих князей, погребённых после князя Фёдора, в соборе покоятся три княжны: супруга Фёдора Ольговича, Софья Дмитриевна – дочь Дмитрия Донского, Анна Васильевна – дочь Василия Тёмного и Анны. Все эти женщины оставили заметный след в истории.

В 1564 г. Рязанский кремль становится резиденцией Рязанского архиепископа, и уже в конце XVI века была задумана перестройка Успенского собора, не устраивавшего церковные власти своими небольшими размерами.

Вернее, это была не перестройка. Древний небольшой белокаменный одноглавый собор разобрали и на его месте возвели новый более просторный пятиглавый.

Строительство было осуществлено в период с 1598 по 1606 год, о чем известно из описи Григория Вельяминова, составленной в 1598 году, в которой сказано: «Перед Епископли ворота церковь Соборная во имя Успения Пресвятыя Богородицы каменная новая», сооружает её архиепископ Митрофан с приделом Фёдора Тирона.

В 1609 году в собор были перенесены мощи Святителя Василия из церкви Бориса и Глеба. По описи 1638 года этот Успенский собор представляется в следующем виде: «Церковь Успения Пречистыя Богородицы каменная, о пяти верхах, крыта немецким железом; кровля ветха; кресты обложены белым немецким железом; над дверьми в сводах образа с переди и с полудни и с севера писаны стенным письмом, над ними киоты крыты немецким железом. Перед троими дверьми три рундука о пяти ступенях без папертей, церковные трои двери железныя. Придел Фёдора Тирона. У правого столпа место Архиепископле каменное; за столпом пять гробниц каменных, почивают Великие Князья Рязанские... по стороне северных дверей гробница каменная, а в ней почивает епископ Василий... на левом клиросе столп же каменный, да за столпом три гробницы Великих Княгинь».

В Сборнике сведений о Рязанской епархии, составленном в 1863 году архимандритом Макарием, есть данные о дальнейших переделках и перестройках собора:

«В 1651 г. Успенская Соборная церковь крыта Московскими плотниками, опаяваны кресты красною медью и позолочены. При Преосвященном Иларионе в 1668 г. замечено, что в Соборной церкви длиннику и поперечнику по шести сажений. Прошло 70 лет со времени построения Успенскаго Собора, построеннаго Преосвященным Митрофаном и Феодотом, и в нем оказались ветхости. Митрополит Иосиф в 1677 г. доносил Царю Алексею Михайловичу не только о ветхостях, но и малопоместительности его: «Соборная церковь обветшала и мала, от городской

стены к Трубежу в трех саженьях. В ней лежат мощи первого Рязанского Епископа Василия и восемь гробниц Княжеских. А между столпами и гробницами проходу только в аршин, а в дому Пречистыя Богородицы деньгами скудно». Прося Царя о построении новой Соборной церкви, Митрополит писал: «чтобы повелено было старой Соборной снять половину, и над гробницами Княжескими свести своды и построить теплую церковь». Из записей 1683 и 1692 годов видно, что в Соборной церкви производились поделки, были укрепляемы стены со стороны р. Трубежа, берега коего подмывала вода, и подводились быки к притвору от Трубежа. В 1692 г., по указу Преосвященного Митрополита Авраамия, на старой Соборной церкви, сверх прежних сводов, стены подняты и построена глава на церкви. В смете, учинённой в 1727 году при Преосвященном Гаврииле сказано: «на старом Успенском Соборе на кровлю тёсу 700, гвоздей одностёсных 1400, двоетёсных 2800». В 1753 г. Преосвященный Димитрий Сеченов каменные столбы разобрал, окна прибавил, на место каменных Княжеских гробниц поставил деревянные, сделал трапезу с накатным потолком и переименовал его во имя Рождества Христова».

Собор был переименован по причине того, что рядом с ним уже стоял новый Успенский собор, построенный знаменитым зодчим Яковом Бухвостовым в 1693–1699 годах.

В ведомости о ветхостях Соборных церквей, составленной около 1756 года при Преосвященном Димитрии, есть запись о Рождественском соборе следующего содержания:

«При оной же Соборной Рождественской церкви, в каменном здании ветхостей в алтаре, в сводах, в двух странах и в трёх окнах, да в горнем месте седины [трещины], во алтаре и в церкви в полу лещадь ветха, также три рундука каменные ветхи, и кругом оной церкви расселины и водомоины, во многих местах надлежит, пробрав, заделать, вновь подмазать и облить. В иной же Соборной церкви в алтаре и трапезе в одиннадцати окнах оконницы ветхи, вместо которых надлежит вновь сделать мерою каждая в вышину по два аршина с четвертью, в ширину по полтора аршина. На оной же Соборной Рождественской церкви в трапезе и алтаре деревянная кровля ветха, надлежит вновь накрыть». Для исправления прописанных ветхостей исчислено 874 руб. 58 коп. Нет сомнения, что при Преосвященном Палладии, бывшем на Епархии 20 лет, означенные ветхости Собора исправлены. При нем же в настоящем храме обрушились своды, и деревянные гробницы Княжеския разрушены; оне более уже не возобновлялись. Но Собор по падении весь возобновлён при Преосвященном Паладии, как сказано в донесении Кафедрального Протоиерея с братиею, поданном Преосвященному Симону 31 июня, 1778 года, вскоре по прибытии его на Епархию. По случаю перестройки покоев Архиерейских, Преосвященный Симон в 1780 году вознамерился состоящую в Архиерейском доме церковь Предтечи и Крестителя Иоанна перенести в теплую Рождества Господа Соборную церковь. По сему, согласно составленному г. Архитектором Волковым плану и фасаду, он устроил в 1781 г. в трапезе приделы: один во имя Рождества Предтечи, а другой во Всех Святых, пристроил палатки для сторожей. Из предложения Преосвященного Консистории ноября 3 дня, 1781 г. с распоряжением о надзоре за целостностью Рождественского Собора, видно, что возобновление его приводилось к окончанию, украшение его было отлично, стены его были расписаны малеванными картинами, устроен вызолоченный иконостас; он существует доселе».

Через пятьдесят лет Рождественский собор опять обветшал внутри и снаружи. И это стало поводом для очередной его переделки.

Как писал Преосвященный Филарет (Амфитеатров) в распоряжении о возобновлении собора от 30 декабря 1825 года, «Всякому из благочестивых граждан известно, что тёплый Рождественский Собор, по внутреннему и внешнему устройению, приходит уже в ветхость, стенное писание все облиняло, крыша и потолки становятся ветхи, сам же по себе он очень низок, тёмн и стеснён приделами; от чего в торжественные дни иные из граждан, по причине тесноты, не бывают впускаемы в настоящий Собор, а другие, стоя за приделами, не могут слышать отправления Богослужения». Преосвященный Филарет, Епископ Рязанский, и Ст. Совет. Гавриил Васильевич Рюмин, «желая, чтобы каждый сын Церкви мог видеть

и слышать Священнослужение, положили, с Божьего благословения, возобновить оный Собор на сумму, от доброхотных дателей собираемую, для удобнейшаго помещения народа, и лучшим и полезными находили вынуть приделы, возвысить стены, поднять пол, распространить окна и дать храму сему вид, соответствующий наименованию Собора». Согласно с сим предположением составлен план Архитектором Стефенгагеном.

Итак, в 1826 году архитектор Стефенгаген кардинально переделывает собор в модном тогда стиле ампир. Стены были подняты надстройкой на два с половиной аршина. Тяжёлое каменное пятиглавие было разобрано и заменено на деревянный глухой барабан с куполом в виде ротонды. Расширена на запад трапезная.

У входов появились портики с колоннами. При растёске окон уничтожены наличники 1753 года, в результате чего окна получили полуциркульные завершения. В интерьере храма были разобраны два придела, затесняющие его. По причине возвышения стен верхняя часть иконостаса была прибавлена.

Как выглядел Христорождественский собор 1826 года, можно увидеть на архивных фотографиях.

В архиве РГИА г. С.-Петербурга найдены чертежи северного фасада, плана и разрезов Христорождественского собора архитектора Стефенгагена, составленные архитектурным помощником И. Стопычевым по натурному состоянию собора в 1873 году.

Архитектура Христорождественского собора времени 1826 года дошла к 1863 году без изменений. У архимандрита Макария в его описаниях собора сказано: «Рождественский собор остаётся в том же виде, как он возобновлён в 1826 году». На странице 119 этого же источника производятся данные о размерах собора и его внешнем виде:

«В длину от западных дверей до восточной стены алтаря 51½ аршин, ширина храма 21 арш., а алтарь в ширину имеет от 18 до 20 арш., так как восточная стена кругловодная; в высоту 10 арш. 12 вершк., потолок поддерживается 12 колоннами, стены храма толщиною три аршина. Вверху храма купол деревянный, обитый железом, и одна глава, обитая также железом. В храме три входа с рундуками или крыльцами. С западной стороны пристроены две комнаты для сторожей и поклажи.»

Относительно интерьера собора сказано, что «только в 1840 году устроены железные решётки около солеи, а в 1860 году возобновлена живопись и Царские врата».

По прошествии почти пятидесяти лет интерьер собора перестал удовлетворять амбиции рязанских Архиереев. Будучи кафедральным, собор имел иконостас меньших размеров, по сравнению с рядом стоящим Новым Успенским собором. Четверик собора был низок и недостаточно освещён, деревянная глухая ротонда сильно обветшала. Эти обстоятельства и послужили к началу последней крупной перестройки Христорождественского собора.

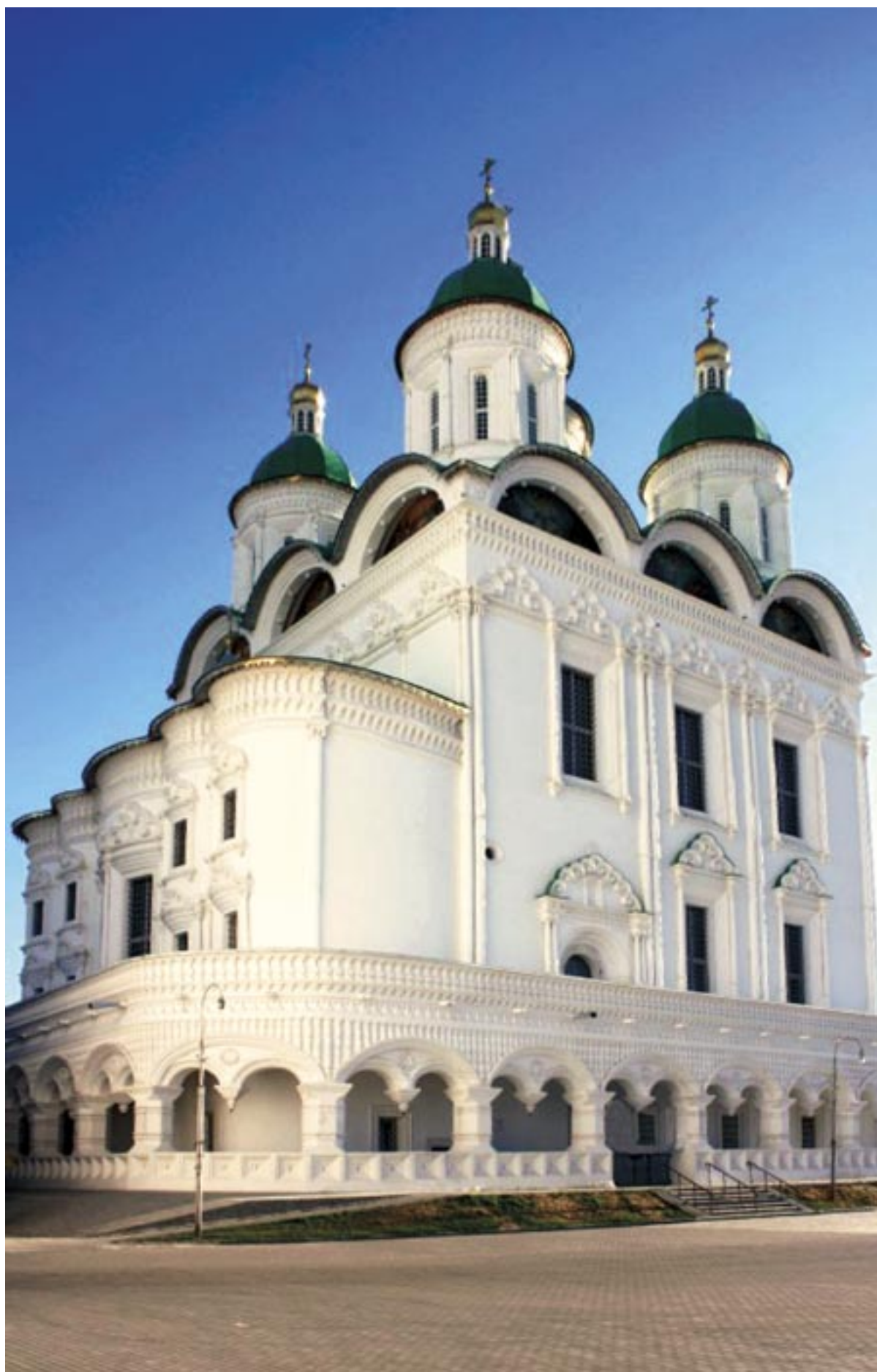
В 1873 году был разработан проект на замену деревянной глухой ротонды на новый восьмигранный также деревянный купол с восьмигранным деревянным барабаном, прорезанным шестнадцатью окнами. Проект принадлежит архитектору Звенову. Чертежи проекта выполнены архитектурным помощником И. Стопычевым.

Проект подвергся резкой критике со стороны Технического Строительного Комитета Министерства внутренних дел. Комитет не возражал относительно замены старого купола на новый. Однако, что касается самого проекта, то Комитет нашёл его составленным неустойчиво, а потому на особом чертеже назначил другую конструкцию купола.

Деятельное участие в пересмотре Комитетом своего решения относительно конструкции купола принял известный художник, академик живописи, выпускник Академии Художеств С.-Петербурга Николай Васильевич Шумов. Шумов, бывший родом из-под Рязани и проживший в ней более сорока лет, успешно работал для Русской Православной Церкви как в Рязани, так и в других городах России.

В Рязани Н.В. Шумов имел художественно-живописную мастерскую по изготовлению иконостасов и церковной утвари. И естественно, что проект нового иконостаса для Христорождественского собора был заказан именно ему. В связи с

Успенский собор в Астрахани
и его гульбище.

Узор № 1-1
высота 25 см.

Рис. 1-1

II

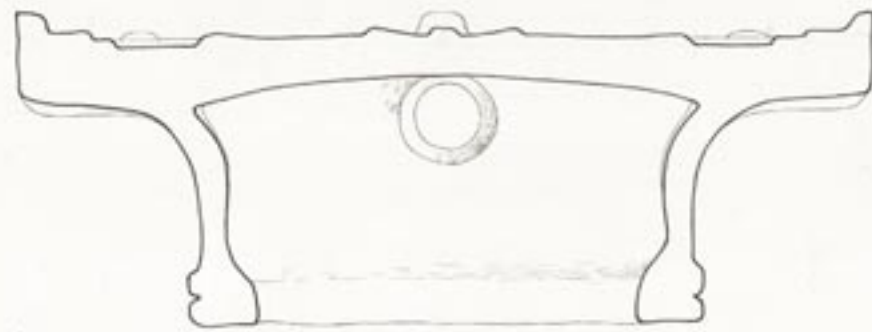
I

275

II

рис. 1-1

275

Музей
1900

этим Шумов активно сотрудничал с архитекторами в разработке плана переделки собора, собственноручно выполнил проект нового иконостаса.

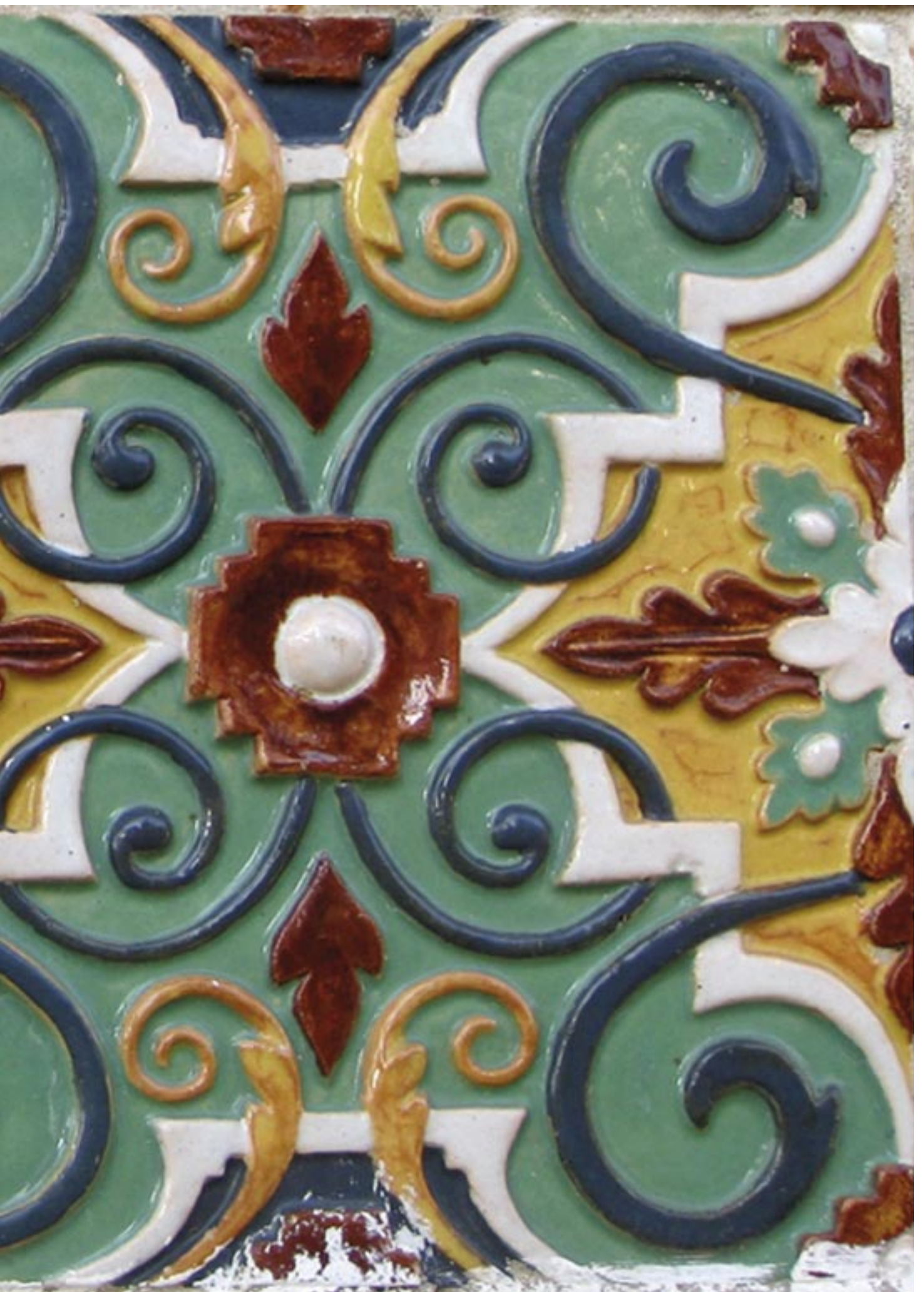
Когда проект переустройства купола подвергся жёсткой критике, Николай Васильевич Шумов поехал в С.-Петербург, использовал свои старые связи в правительственных кругах и сумел доказать специалистам полную осуществимость проекта, добился его одобрения и строительства.

По проекту 1873 года, кроме переделки завершения собора, были разобраны портики над южным и северным порталами. Разобранные колонны боковых портиков использовали для расширения западного портика, который увенчали новым деревянным фронтоном, в виде трех плоских кокошников. На северном и южном фасадах тра-

До реставрации 1957 г.

Студебеккер на севере, красивое на западе.
Постепенно убрали и то, и другое; дошла очередь и до главы.

Изразцы сами никогда не падают. Им помогают ценители ценного дела, то камнем, то пулей.

пезной, ближе к четверику заложили по одному окну 1826 года. Заложили боковые ниши, имитирующие окна с северной и южной сторон алтаря.

С постройкой нового купола в тяжёлых псевдовизантийских формах; западным портиком с коринфской колоннадой, увенчанной деревянным фронтоном в виде трёх кокошников; фасадами, сохранившими черты архитектуры ампира 1826 года, собор приобрёл вид эклектичного сооружения и некоего провинциального архитектурного курьёза.

Священник Иоанн Добролюбов, составитель «Историко-статистического описания церквей и монастырей Рязанской епархии» за 1884 год, характеризовал собор таким образом: «Многokrатно перестраиваемый собор этот совершенно утратил характер древности».

Представление об отделке интерьера собора могут дать обнаруженные в рязанском Архиве ГАРО чертежи, выполненные архитектором Звеновым в 1873–1874 гг. В отделке поверхностей стен широко использовался искусственный мрамор разного цвета. Например, колонны трапезной были зеленоватого цвета с позолоченными капителями. Панели стен более тёплого розоватого цвета. Карнизы и оконные проёмы богато декорированы сложной профилированной лепниной. Откосы окон, поверхности стен трапезной, четверика и восьмерика покрыты орнаментальной масляной росписью с тематической живописью в медальонах и отдельных композициях.

Потолок купола представлял из себя «звёздное небо».

Кроме иконостаса, Н.В. Шумовым были написаны основные живописные композиции собора.

К наиболее удачной художественной работе Шумова относится запрестольная икона воскресшего Господа, нарисованная на стекле, подсвеченная электрическим светом и производящая на молящихся неотразимое, чарующее впечатление.

Из Описи собора «по обновлении его в течение 1873–1874 годов» известно, что «... в алтаре одна дверь, три окна и одна печь». И далее: «... в окне, на Горнем месте, цельное, толстое матовое, весом 12 пудов, стекло, в золочёной раме, с изображением во весь рост Господа нашего Иисуса Христа, благославляющего десницею и шуйцею».

На архивных чертежах на месте центрального окна находилась большая запрестольная ниша. Очевидно, её превратили в окно, когда Н.В. Шумовым была задумана установка в этом месте иконы на стекле.

В Описи 1873–1874 гг. имеются также сведения о наружном и внутреннем виде собора: «Рязанский кафедральный Христорождественский собор есть каменное здание, имеющее форму продолговатого прямоугольного четырёхугольника, с деревянным изнутри и снаружи оштукатуренным куполом – снизу четырёхгранным, аверху осьмигранным, с алтарём, имеющим форму трёх соединённых между собой полуovalов, двумя при западных дверях его комнатами, разделёнными одна от другой коридором, и портиком при тех же дверях с 12 колоннами: 8-ю на запад, 4-мя на север и 4-мя на юг. Собор снаружи имеет высоты 16 саж. 2 арш., длины 18 саж. и ширины 8 саж. 1 арш., внутри же высота его 2 саж. 1 арш., длина 12 саж 2 арш. и ширина 6 саж. 1½ аршина. Высота алтаря снаружи 5 саж. 2 арш., ширина 7 саж. И глубина 3 саж. 2 арш.; совнутри высота 3 саж. 1 арш. Ширина 6 саж. И глубина 3 саж. Пристроенные к собору комнаты с коридором имеют снаружи высоты 3 саж. ½ арш., ширины 6 саж. 2 арш. и глубины 2 саж. 1 арш. Храм разделяется аркою на два отделения – первое составляет храм главный, а второе трапезный, в первом по стенам северной и южной протянуты карнизы, а в последнем потолок поддерживается 8 колоннами – 4-мя с северной стороны и 4-мя с южной. Во всём храме 20 окон и 3 дверей 6 западных, северных и южных. Печей – 2».

Изменения в архитектуре Христорождественского собора происходили и в последующие годы, но уже не столь значительные, как перестройка 1873–1874 гг.

В 1895 году к празднованию 800-летия основания Рязани в соборе были расширены окна в первом ярусе.

В 1910 году была составлена страховая оценка Рождественского собора.

О наружных стенах сказано, что они оштукатурены и окрашены масляной краской; крыша окрашена зелёной масляной краской [медянка].

Об окнах церкви (без алтаря и купола) сказано: «...всех окон церкви со сторожкой 12-ть, высот. по 5 ар; шир. по 3 арш; в 4-х из них оконные рамы 8 железные». Из этой цитаты делается ясным, что северный и южный порталы ещё не были превращены в окна, иначе окон было бы не 12, а 14 штук. Далее говорится, что только 4 окна имели железные рамы. Ими могли быть только окна четверика, по одному окну с каждой стороны порталов. Очевидно старые деревянные рамы собора пришли в негодность и их заменяли на железные двойные постепенно.

На фото 1910 года, выполненном С.М. Прокудиным-Горским, видно, что наружный декор собора имеет коричневато-бордовую раскраску. На западном фронтоне в кокошниках изображения святых, написанных маслом.

Эта раскраска фасадов также может быть отнесена нами ко времени празднования 800-летия основания Рязани в 1895 году. Рязанская епархия прибегала не раз стремилась придать Христорожественскому собору «благлепный вид» к особо торжественным датам. Так, например, к празднованию 300-летия Дома Романовых и к посещению Рязани Николаем II, кокошники западного фронтона были сплошь покрыты декоративной и тематической живописью, выполненной на холстах, прикреплённых гвоздями к фронтону. Во всю ширину портика появилась надпись назидательного содержания. Портал главного входа также был украшен масляной росписью.

У окон притвора по бокам портала кресты в рисунке металлических рам имели цветное остекление.

В 1913 году на полы собора была положена новая керамическая плитка. Тогда же у северного и южного порталов заложили нижние части, превратив их в окна.

В 1929 году Христорожественский собор был передан окружному архиву и обращён в архивохранилище документов по истории Рязанского края, вследствие чего регулярные Богослужения в нем были прекращены.

Архив (ГАРО) находился в помещениях собора чуть более 70 лет. Все эти годы собор не отапливался, кроме алтаря, где находилась дирекция. Отопление алтаря было печное.

В 1977 году проводились косметические реставрационные работы под руководством архитектора Ирины Валентиновны Ильенко (ЦНРПМ). На западном фронтоне под штукатуркой были найдены остатки росписей на холсте, относящихся к 1913 г.

В апреле 2002 года Христорожественский собор был освобождён от архива и передан в совместное использование Рязанскому историко-архитектурному музею-заповеднику и Рязанскому епархиальному Управлению, возглавляемому Митрополитом Рязанским и Касимовским Симоном.

В июле 2002 года Патриарх Русской Православной Церкви Алексей II освятил собор и провёл Торжественное Богослужение. Тогда же Христорожественскому собору был возвращён статус кафедрального собора г. Рязани.

Плоская, или, лучше сказать, скатная крыша очень мало служит к украшению Успенского собора. Конечно, при высоте в 13 сажень со ступеней, ведущих на гульбище, никакую крышу на верхотуре не различишь, но, говорят, собор в ясную погоду виден за полтора десятка километров, и уже при взгляде от колокольни крыша участвует в формировании образа, и что-нибудь округло-закомарно-кокошниковое, вторящее каплям глав выше, просится, как что-то уместное, само собой разумеющееся, естественно вырастающее над городками под карнизом, должно что-то быть ещё, это же не кубик, в самом деле.

Так было. Да не стало. В последнем году XVIII века опять решалась судьба собора – спасти или разобрать на кирпич. Кирпич-то годен. А собор – ещё неизвестно. В те поры катастрофы ощущались буднично, без трагедии, скорее привычно: несколько десятилетий спустя в Ростове Великом не собрали достаточно денег, а то бы и тамошний Архиерейский дом разобрали «по кир-

пичику». Смели же стены серпуховского кремля для метро в Москве, хотя камень и не пригодился. В Рязани тогда нашлись купцы, спасли от разборки, но крышу устроили, как смогли, или на что средств хватило, и спасибо на том. А то был бы... каток.

Но тогда неправильно говорить: «Памятник построил Яков Бухвостов». Это большой фрагмент. Вообразите, что у Венеры Каллипиги в результате невиданного злодеяния или случая сохранилась только поясная фигура. Изгиб локтя, особенности конструкции плечевого пояса, глаза и уши, даже затылок прекрасны, но бессмысленны. Так, некий фрагмент Венеры, хотя, конечно, памятник.

Но стенания по поводу завершения – это так, слёзы. Главная беда ниже.

Покровская церковь на восточной Нерли под Суздалем построена так, что её даже утрата гильбища не сильно испортила, его отсутствие не только не мешает, но и вовсе не портит вид, даже тем, кто знает: церковь стоит на возвышении, которое само играет роль гильбища или постамента, подвышение есть всегда и так. Гильбище как променада есть и в Троице, плоское, вокруг торжественного зального здания церкви; но там всё так затеснено, что что-нибудь пустое прямо-таки радуется (к слову сказать, изначально и там верх здания был иной, В.В. Кавельмахер, который бывал там на чердаках, нашёл остатки малых форм завершения фасадов). Гильбище сгнуло при Анне Орловой и в Острове, оставив только вид снизу и с воды. Но понять величие Преображенской церкви всё ещё можно (даже после колокольни М.Д. Быковского), как и у других церквей в Теряеве, и в Белопесочком, в Больших Вязёмах и Высоцком монастыре и в прочих местах без числа. Гильбище – это семантически не кружева на платье, а само платье, не коврик перед входом, а прихожая уже внутри. Оно процедурно, богослужебно и бытово так же необходимо, как северный и южный выходы после западного входа. Как без него прийти в церковь, не заходя в неё?

Не то дело в Рязани. Тут отсутствие гильбища криминально, невозможно, вопиюще. У церкви-королевы не только изменена корона, но и оборван подол платья вместе с кринолином, осталось одно исподнее. В 1728 году построенное Яковом Бухвостовым гильбище обрушилось, и его восстановили как смогли. Вообще, плохие были времена после Петра Алексеевича. Даже в Новом Иерусалиме рухнул каменный шатёр Воскресенского собора, недавно достроенный после смерти Никона Фёдором Алексеевичем. Бухвостов на несколько метров поднял над землёй пол гильбища, ему это было важно, ведь из того материала, что ушёл на этот подъём, можно ещё один собор выстроить. 13 саженой высоты собора – это от уровня гильбища, а от уровня земли все 15 получится. 12–15 процентов общей высоты, заполненных не прозрачным воздухом, а чем-то таким, какого мы никогда не увидим, можно только аналоги по очереди подставлять и прикидывать – подошло или не очень. Что ни приставь – всё будет лучше, чем ничего. Но в кирпичной стене нет ни следа от примыкания, ни намёка на свод. Что разрушилось в 1728 году?

Вот в Астрахани Успенский собор тоже огромной высоты и с обходом по периметру, конечно, там густо с восточными мотивами и орнаментами, но всё

же... Если отъять у него гульбище – досадное будет зрелище, хорошо и высоко, но не то, не то...

Спрятанное скатной крышей основание центрального барабана опирается на внутренние сектора столпов, и то, что на крыше выглядит как чудовищная громада, внизу, на полу собора между столпами смотрится как просто просторное помещение. Это ещё одно открытие Якова Бухвостова: «Высота заслоняет всё и побеждает всё». Оно не оценено из-за недалёких по времени технологических перемен, позволяющих перешагнуть 30-метровый рубеж высоты почти без усилий; а после 70-ти архитектура становится ненужной – всё равно никто не увидит, кроме редких птиц, но от них трудно дожидаться восторгов или порицаний. Надпись под куполом Ивана Великого не прочтёт даже тот, кто знает, что она там есть. После некоторого уровня высота не просто становится важнее протяжённости вдоль и поперёк, но и увлекательнее любого содержания, заполнения протяжения: окна, прясла, пилястры, карнизы, бегунцы и откосы, тектоника и резьба, фактура материала и качество обработки – всё неважно по сравнению с высотой. Разве кто-то черпал вдохновение в очертаньях очелья наличника на надстроенной при Б. Годунове колокольне Ивана Великого? А окна там вообще есть? Не взглянув, и не ответишь.

Так, всё началось с ордера, развивающегося по горизонтали, и угасло на ритме, малоинтересном после числа пять. 6 этажей в здании или 7 – для эстетики здания это безразлично, не говоря уж про 60 или 70.

Первое, что можно сказать об Успенском соборе, – он большой, высокий. Размер дарования Якова Бухвостова позволил к этой характеристике добавить другие, многожды описанные, тройное членение ввысь и вширь, каменная резьба, вписывание в местность, конструктивная новизна и пр. – всё вместе поставило точку в истории древнерусской архитектуры, открыв направления развития для появившихся позже технологий, но и поставив этому развитию пределы. Архитектура кончается на высоте нескольких десятков метров, дальше идут инженерно-строительная ловкость, дизайн, противопожарная изворотливость, когда в описаниях сооружений пропадает желание использовать слово «красота», что для огурца в Лондоне, что для челюсти в Москве, что для иглы в Питере – это не «Ах!» и не «Боже мой!», для опознания достаточно, и хватит. И в этом смысле Яков Бухвостов сказал не только последнее слово в древнерусской архитектуре, но и первое в недревней, закончив старое и намекнув на предбудущее, причём Врубель с модерном в этом направлении отсутствует, а Веснины с конструктивизмом присутствуют.

Не найдя «пяты свода промежуточной площадки лестницы крыльца», нельзя почти ничего понять, нет возможности уловить, да где же оно, мастерство реставраторов, в чём оно, где доказательства того, что ныне существующее крыльцо не выдумано, не взято с потолка (опираясь на сведения «о крыльцах вообще», некоторые из них приведены ниже), а прикреплено к невидимым остаткам преждебывшего крыльца. Скульпторы тоже работают с камнем, только они отсекают от глыбы лишнее, а всё остальное – их произвол, в замысле аромат образа уже бодрит ноздри автора, Венера уже видна, с руками и ногами, головой и причёской. Реставратору хуже: образа нет, из тысяч

составлявших предмет кусочков осталось четыре сломанных, восемнадцать надорванных, два десятка под землёй и мелкая россыпь в культурном слое. И образ будущего крыльца надо не увидеть, не вынюхать, не выдумать, а вырастить из того, что есть, чтобы детали, находившиеся на расстоянии шести метров, подошли друг другу, как детская формочка и мокрый песок, в ней сформованный, и никакого произвола, всё придётся доказать. Прежде всего надо уяснить, о чём идёт речь в четырёх родительных падежах: у крыльца есть какая-то промежуточная площадка лестницы (ну допустим, на то оно и крыльцо, для восхода), а вот где у площадки свод? Да ещё с пяткой?

Логически свод – это одно из возможных перекрытий над каким-то пространством (балка, плита, вообще всё, что ограничивает пространство сверху). Негоризонтальные, под уклоном марши лестницы надо укрыть от дождя и снега, а неизбежный наклон перекрытия при переменной нагрузке (снег то падает, то нет) заставит эту крышу сползать вниз, как её ни подпирай. Выход был найден ещё, вероятно, египтянами или ассирийцами, но из-за особой, прямо-таки нарочитой нелюбви и даже презрения здешних архитекторов к симметрии (она не была признаком красоты или благолепия), очень часто делали ползучие арки или своды. То есть нормальный архитектор внизу, у первой ступеньки поставил бы два столбика высотой до верхней ступеньки, положил горизонтальные двутавры, над всей лестницей устроил бы изящную ровную полукруглую арку, или вытянул равнобедренный треугольник строгого фронтона, и вышло бы просто на славу. Только вот ветер да снег зимой превратили бы лестницу в сугроб – уж очень входной портал просторный, из-за подъёма арки на входных столбах. Ползучая арка как нельзя лучше справляется с защитной задачей, соединяя в себе, казалось бы, несочетаемое: она и плавная, и крутая, в ней долгое сокращается, а высокое понижается, гнутое выправляется, а прямое извивается. Или арки переменной кривизны, когда ближе к опорам радиус закругления существенно меньше, чем в верхней точке, свод воспринимается тем, кто снизу, не как ровная гробовая доска, перекинутая с опоры на опору, а как небо, даже если макушка достаёт до кирпича несильно.хлопот с ней, разумеется, при строительстве больше, чем со столбами, полукружьями и треугольниками, но итог получается колдовской – так сложенные камни оживают, приглашают, ведут и заманивают, крыльцо функционально превращается в лицо: оно и смотрит, и видит, и приветствует, и приглашает, разве что словами не говорит.

Отличие от «нормального» архитектора у здешнего «подмастерья каменных дел» не только в напоминающем японский этикет преувеличенном самоуничижении («Да мы уж.., где уж.., нам уж.., мы же ж.., что же ж.., нам ли.., это вот они, а уж тем более Вы...»), привычном, но несправедливом, определить его и назвать нелегко, оно местами напоминает стихосложение: скупыми средствами, от любых причин скудными, вымолвить столько и так, что редкая монография на полтысячи страниц сможет, и до того ловко, что иначе теперь и не скажешь, только так и можно.

Крыльцо постепенно из архитектурного элемента, предназначенного для пущего удобства захода в помещение, превращается в сооружение, придающее архитектурную осмысленность всему зданию вообще. Если крыльца нет,

а просто двери, то фасад (однокоренное слово – лицо) обращает на себя внимание ртом, через который происходит engouffre внутрь; для зданий в два–три этажа (без Erdgeschoß) крыльцо и окна с наличниками создают облик всего здания, лопатки, тяги, антаблементы, поребрики и прочие украшения играют вторые скрипки в звучании оркестра; крыльцо, ступени, вход, портал, дверь – вот что видит входящий по мере приближения. Чего стоят Белая, Красная палаты, Спас на сенях, надвратная церковь Иоанна Богослова в Ростове Великом – без своих входов? Сказать «ничего» – значит ничего не сказать, без крылец каждое здание немо и слепо, просто некое вместилище для неизвестных нужд. Обширное, просторное крыльцо – это ещё и немножко гульбище, даже две ступени надо одолеть, стать выше, после лестничного марша – ещё выше, потом ещё порог, потом в церкви и солея, и Царские врата – весь путь только вверх.

Поставь на место дворца Олега Парфенон – выйдет смешно и глупо, и, главное, некрасиво, пусто, неуместно, холодно и ненужно. А Певческий корпус рядом – как младший брат, переговаривается и вторит. У «подмастерья» как-то выходит видеть главное и не обращать внимание на пустяки, образование той формы, за которую он от-

Западный фасад Певческого корпуса с пристроенным в XIX в. тамбуром на месте древнего крыльца.
Вид до 1958 г.

вечает, заранее, заведомо вставлено в ту более широкую форму, на которую он не может повлиять, которая ему дана природой, климатом, географией, населением, погодой, богатством или нищетой деньгоподателей; эту большую форму не стоит пересиливать, ломать, улучшать и совершенствовать по собственному разумению, лучше соответствовать ей, вписываться, слышать её, и своё слово в уже звучащую песню вставлять с деликатностью и правильной громкостью. Последнее очень зависит от ума и таланта, но эти субстанции не растут произвольно.

Хорошо услышанная реставраторами песня – первый шаг на пути к восстановлению каменной или деревянной (глинобитной) формы, и воссоздание её – это не только исправление ошибок и преступлений прошедшего времени, значение реставрационной деятельности далеко выходит за пределы восстановления правды: воссоздавая малую форму, каменную или деревянную, реставратор немного поправляет и большую, попутно исправляя ошибки времени и даже искупая преступления людей, оживляя ту мысль и красоту, которая когда-то была явлена *urbi et orbi*.

При наличии способности к воображению наслаждаться путешествием можно и наблюдая одну географическую карту достаточного разрешения. Конечно, Телецкое или Кенозеро бумагой не заменить, зато фантазия способна

Западный фасад Певческого корпуса в Рязанском Кремле. Вид после реставрации 1970-х г.г. (крыша еще не восстановлена), автор проекта реставрации арх. И.В. Ильенко.

Певческий корпус в Рязанском Кремле. Вид с юго-запада на крыльцо, возведенное в 1970-х г.г. арх. И.В.Ильенко. Фото 1984 г.

Вид западного фасада Певческого корпуса после воссоздания высокой тесовой кровли в 1979-80 г.г. Не восстановлены дымоходы и нет пик на полнице. У крыльца без согласования с арх. И.В.Ильенко пристроено нижнее ограждение лестницы с тумбой.

Фото 1980 г.

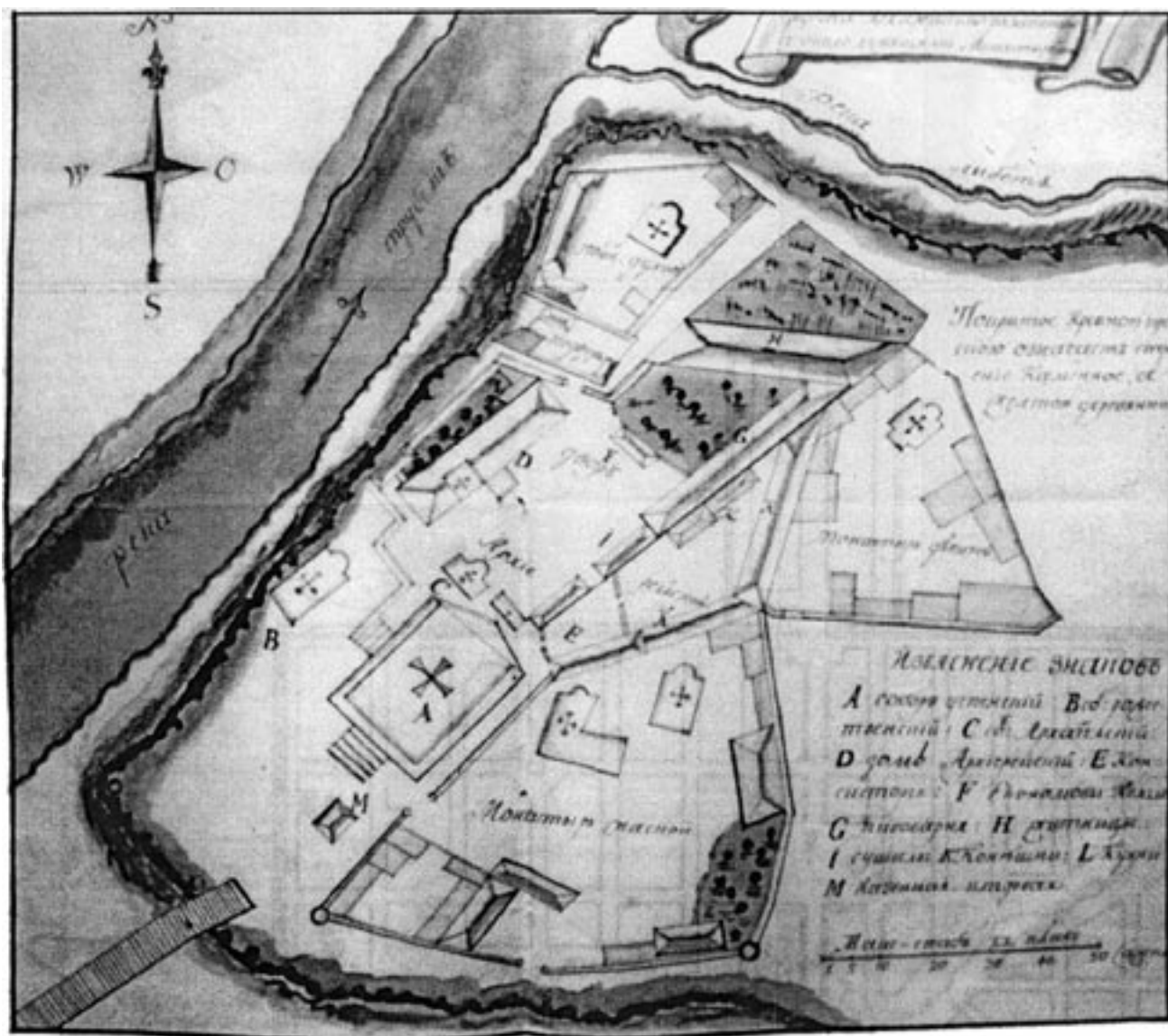
на большее, чем подробное тактильное изучение муравейника: простор нельзя объять, но можно себе представить. Так и внедрение в чертёж открывает бездны, которые не помещаются в голове.

Первое недоумение – ну у кого хватило терпения проделать этот адский труд по увидению (долгому увидыванию) всего, что начерчено. Второе – как это у них зрение оказалось ультразвуковым, сканирующим внутрь непрозрачных материалов на глубину то метр, то полметра. Третье – что должно накопиться в памяти, чтобы реставратор приобрёл право и умение экстраполировать. От свода общей массой 5 т остался ряд обломков кирпичей в стене на своём месте, общей массой 15 кг, и ничего больше. Если не представить себе крыльцо, то его и не построить, а оно всё – сплошная экстраполяция. Крыльцо – это не просто воссоздание, это ещё и модель, как у В. Высоцкого, «Делай, как я, Это значит – Не надо за мной». Каждое крыльцо неповторимо, как отпечаток пальца, даже когда они устроены в одно время у одного здания – меняется рельеф, меняется само здание, меняется этажность и вид на сооружение издали слева или вблизи справа. Два ближайших примера – Троица (чертоги с 14-метровым перекрытием) со стороны непарадной изнанки

План Кремля города Рязани. Чертеж втор. пол. XVIII в.
(Найдена арх. Одинец Е.Г. в архиве С-Петербурга.)

на втором этаже в ряду окон имеет вдруг проём, который иначе как дверной не опознаётся, в Саввино-Сторожевском монастыре дворец Алексея Михайловича со стороны, обращённой к центру, имеет (то есть не имеет, остались одни основания) три крыльца, одно из которых верхним переходом было соединено с собором. И в том, и в другом случае отсутствие крылец обескураживает; сам собой рождается вопрос: что лучше, без устали рассказывать под барабанный бой победивших рыцарей науки и правды, что здесь должны были бы быть бесподобные крыльца, или так же неутомимо объяснять, что крыльца восстановлены подмастерьями каменных дел начала XXI века так, как «зодчему мера и глаз указали», по подобию, да, вот тот самый «новодел»? Почему Дрезден, Токио и Сталинград с Петербургом и окрестностями можно восстановить, а крыльца нет?

Точнее, чем генерал Бурдун («День выборов радио») не сформулировать ничё: «Вот точно такой же, только немного другой». Не это, но такие

крыльца должны избавить дворец Алексея Михайловича от внешнего вида, напоминающего скорее общежитие уездной съезжей избы в руинированном после эсеровского мятежа состоянии, а Троицкие чертоги от соблазна шагнуть изнутри через дверной проём в бездну, не предполагая такой несурзацы – крыльцо быть должно, но его нет, всё недосуг, да и экстерьер с интересом никак не согласуются.

В самом недопустимом случае, даже когда и если все недостающие старые крыльца у церквей, монастырей и гражданских сооружений будет восполнены точно такими же, модельными, образцовыми крыльцами Дворца Олега – будет лучше, чем пустота. Даже стеклянный невидящий глаз на месте живого лучше отверстой раны или чёрной заплатки.

Но после трезвого размышления и эти ламентации надо отменить, выбросить, забыть и перестать горевать.

Нельзя отреставрировать историю.

Ну вот сколько осталось, столько осталось. Космический размер утрат можно описывать словами, но нельзя себе представить, образ несоздаваем, что есть, то есть. Утраты также неповторимы и неисправимы, как смерть. Даже полное клонирование – ложь, а полностью никому и никогда не удастся. Поэтому и существует реставрация как отдельный вид деятельности, только, строго и исключительно – если остались в стене остатки срубленного родного кирпича, если белый камень врос в культурный слой и так далее. Тем и фантастически ценна работа реставраторов. Оживить плоть нельзя, а сознание можно, потому что деятельность оставляет следы – и на холсте, и на бумаге, и на камне, и даже в людской памяти как фольклор, передаваемый из уст в уста. Гильгамеш окончательно умрёт только тогда, когда разобьются все таблички, сгнуты все книги, исчезнет вся память со всех носителей и уйдёт из жизни последний из поколений студентов, даже через полвека помнящих: «О зачем ты снимаешь дощечки...». Реставраторы не дважды равны творцам, а трижды: поняв мысль автора по остаткам, они оживили эту мысль в камне, не испортив её современными технологиями. А третья итерация – они создали новое правдивое знание, не поддавшись соблазну уподобления. Увы, статуи Будды, взорванные талибами, погибли, как сгнули неисчислимые памятники, которые могли и должны были бы не просто ласкать взор, а формировать мировоззрения лучше любых воспитателей. Подвиг честности – выше жалостного подражательного геройства, поверхностного потакания рыданиям демоса. Поэтому у настоящей реставрации всегда есть характеристика «Научности» без кавычек. Только физику, химику, историку и прочим надо ещё сообщить о своей работе научному миру через разные способы опубликования, а результат реставрации открыт всем ветрам и всем взорам, сразу после окончания.

И тут есть аспект, зря остающийся без внимания. Отчего-то у реставраторов нет учёных степеней. Искусствоведение и прочее – не то, никакой чистый искусствовед или историк, даже директор института и доктор наук, даже академик архитектуры не сможет отреставрировать недавно открытую чешую в Троице. Это другой комплекс знаний и навыков исследования, в котором каждое колебание мысли выглажено оселком научности, шаг влево-вправо при-

Архитектурный проект

ПРОЕКТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ
 И РЕСТАВРАЦИИ
 ПАМЯТНИКА

ПЛАН - ОБЩИЙ ВИД С ДВОРА

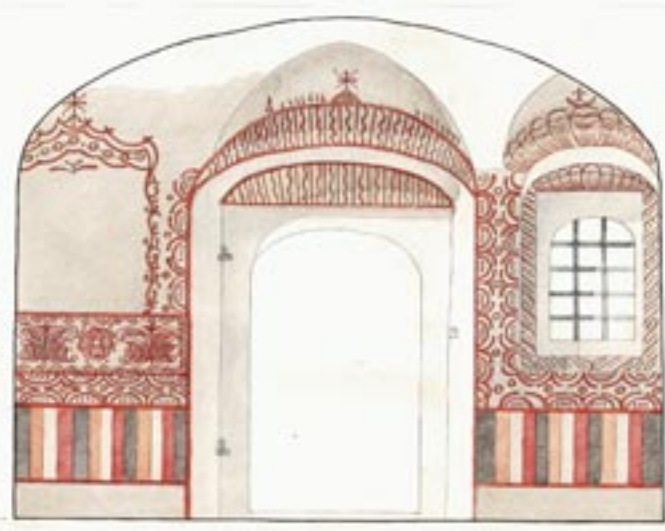
- ИЗЪЯТИЕ: 1. Кладовые в северной части участка
 2. Стены на фундаменте с остатками декора

3. Стены восточной части
 4. Стены южной части

	МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР ГОСУДАРСТВЕННОЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ РЕСТАВРАЦИОННОЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СОЮЗРЕСТАВРАЦИЯ»	ИЛЛ. ДИП. ПРОЕКТ АРХ. №	ИЛЛ. 1-01-25-П 11/1/1949
	НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПРОЕКТИРОВАТЕЛЬСКИЕ МАСТЕРСКИЕ	КАДР. РАБОТНИКА	1/1-25
ИМ. КИРОВА ИМ. КИРОВА ИМ. КИРОВА ИМ. КИРОВА ИМ. КИРОВА	Проект План Разрешение Согласование	1-01-25-П Проект реставрации памятника архитектуры	
РЕСТАВРАЦИЯ ПЛАНА			
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС		СТАДИИ 1 этап	АРХТ. 4
СОИЗДАТЕЛИ ПРОЕКТА: КОМПЛЕКС АРХ. И РЕСТАВРАЦИОННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СОЮЗРЕСТАВРАЦИЯ» (ИТЛ)		АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННОЕ МАСТЕРСКОЕ №1	

ИЛЛ. 1-01-25-П
 11/1/1949

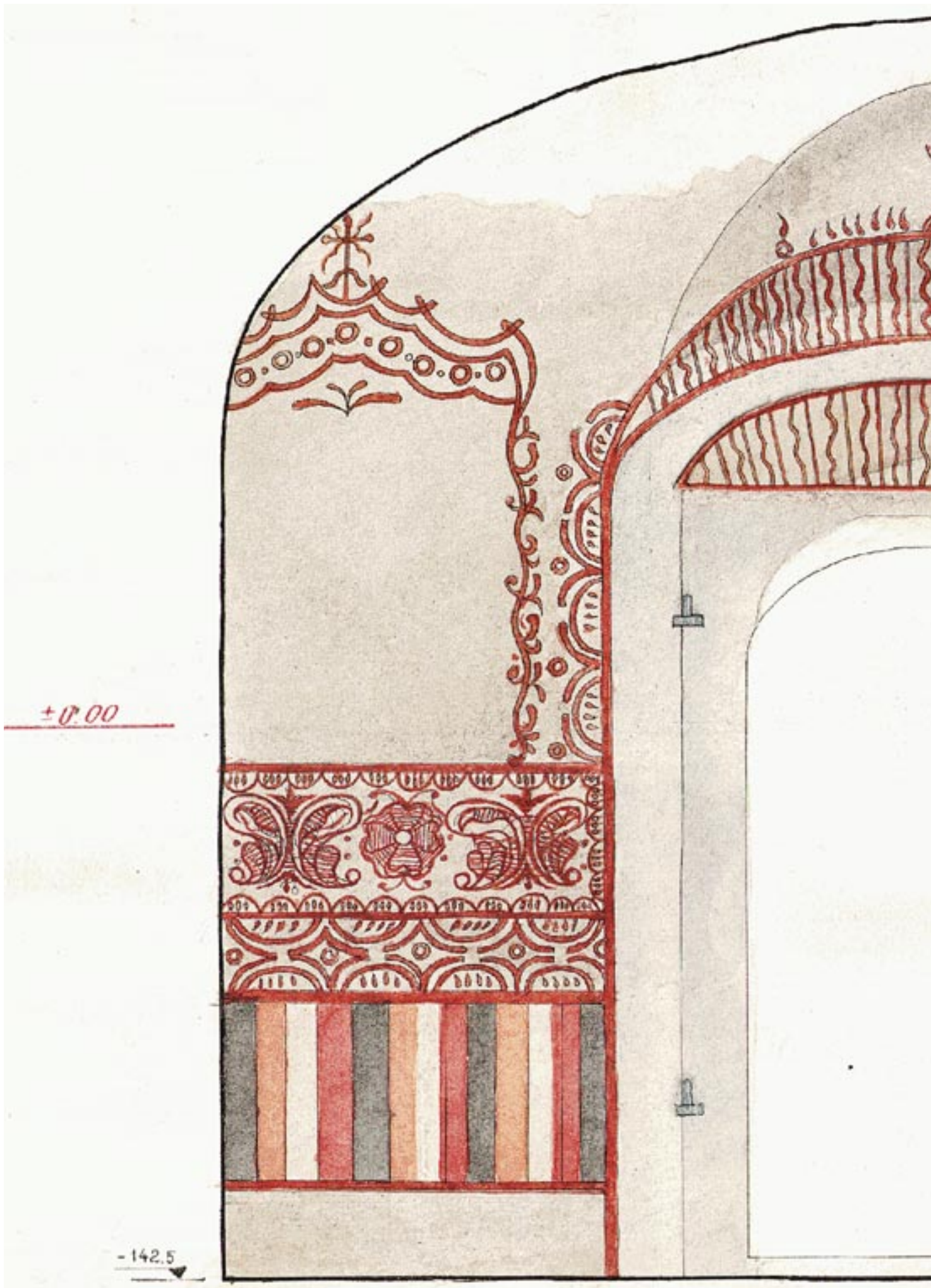

ПРОСЕК СЕВЕР (2-2)
1:20

ИЗЪЯВИЛЕНИЕ

1. Изъясняю, что представляю собой проект реставрации здания, указанного в названии, с целью сохранения его историко-художественных особенностей, а также его архитектурно-художественной ценности.
2. Изъясняю, что проект реставрации составлен в соответствии с требованиями действующего законодательства, а также с учетом особенностей объекта реставрации.
3. Объявляю, что проект реставрации составлен в соответствии с требованиями действующего законодательства, а также с учетом особенностей объекта реставрации.

	МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ РЕСТАВРАЦИОННО-ПРОЕКТАНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ «СОЮЗРЕСТАВРАЦИЯ»		ВЕС. АРХИТЕКТ. РАБОТ АРХ. № 21/305 ДАТА ВЫПУСКА	К. КОМП. РАБОТ КОМП. №
	НИПМ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТАНЫЕ МАСТЕРСКИЕ			
И. П. КОТОВ А. В. КОТОВ А. В. КОТОВ А. В. КОТОВ	КОМП. РАБОТ КОМП. №	1-03-21П БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКО-УКРАИНСКО-ЛИТОВСКО-ЛАТВИЙСКО-ЭСТОНСКО-ЛЮКСЕМБУРГСКО-НИДЕРЛАНДСКО-ПОЛЬСКО-ЧЕХОСЛОВАКСКАЯ РЕСТАВРАЦИОННО-ПРОЕКТАНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ		
БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКО-УКРАИНСКО-ЛИТОВСКО-ЛАТВИЙСКО-ЭСТОНСКО-ЛЮКСЕМБУРГСКО-НИДЕРЛАНДСКО-ПОЛЬСКО-ЧЕХОСЛОВАКСКАЯ РЕСТАВРАЦИОННО-ПРОЕКТАНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ		РЕСТАВРАЦИОННО-ПРОЕКТАНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ		
БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКО-УКРАИНСКО-ЛИТОВСКО-ЛАТВИЙСКО-ЭСТОНСКО-ЛЮКСЕМБУРГСКО-НИДЕРЛАНДСКО-ПОЛЬСКО-ЧЕХОСЛОВАКСКАЯ РЕСТАВРАЦИОННО-ПРОЕКТАНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ		КОМП. РАБОТ КОМП. № 3	АРХИТЕКТ. АРХИТЕКТ. № 7	АРХИТЕКТУРНО-ПРОЕКТАНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКО-УКРАИНСКО-ЛИТОВСКО-ЛАТВИЙСКО-ЭСТОНСКО-ЛЮКСЕМБУРГСКО-НИДЕРЛАНДСКО-ПОЛЬСКО-ЧЕХОСЛОВАКСКАЯ РЕСТАВРАЦИОННО-ПРОЕКТАНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

± 0.00

-142.5

равнивается к побегу. Попытка объяснения этого, вероятно, всегда или давно сводится к одному: нет возможности объяснить – не потому что объясняющий нехорош, а потому что нет возможности объяснить тому, кто... ЦНРПМ работает по лицензии. А лицензии выдают какие-то юнцы в правительстве, которые про веснушчатую Агриппину Саввишну слухом не слыхивали. А академия стала конгрегацией экспертов. Деспоты, сатрапы, кровопийцы, злодеи и дураки двести лет понимали, что на свете нет лучшего способа организации науки – а теперь годна стала только на экспертизу того, что взбредёт кому-то в голову. При советской власти за кандидатскую степень полагались лишние метры жилплощади, а после войны кандидат мог на свои купить «Победу». Но тут надежды мало. Чудо, что есть хотя бы то, что есть. Жаль, что про научность реставрации что-то понимают только сами реставраторы, им бы пригодилась поддержка научного сообщества. 20, 30, 40 иногда лет уходит на приобретение нужной для дела квалификации, а уж когда она появится, тратить время на скачки вокруг степеней кажется смешно, никакая диссертация не сравнится с обводами настоящей бочки около фасада или ползучей арки на входе под крышей.

И это при степени ответственности, чаще всего неведомой исследователям-историкам, причём такой ответственности, которая наступает почти моментально, через неделю или через минуту. Положим, к примеру, решили за 363 км отсюда пореставрировать церковь XVI века, скажем, пол углубить, освободив от культурного слоя, проверить фундамент столпов; зашурфились под левый, а он возьми и поплыви на водяной линзе, которая просто от шурфа ожила, стояла-стояла триста лет, а на волосок тронули – она и ожила. Подумаешь, столп, их там то четыре, то шесть, редко два, чай, остальные удержат! А если не чай? И не просто вниз пойдёт, а ещё и вбок, на стену или соседний столп? А своды наверху на чём порхать останутся? На крыльях? С одной, стороны, лопатой ковырнули. С другой стороны – последствия, как от бабочки миллион лет назад, вплоть до фашистской диктатуры.

Оборотная сторона ответственности реставратора – понимание, что уже через четверть века, через полвека не только технологический, но и научный инструментарий вырастет настолько, что нынешняя виртуозность потомкам будет казаться проявлением чудесной талантливости, а не досконального знания, основанного на тех научных дисциплинах, названия которых сегодня ещё даже не придуманы. Археологам-то хорошо – они просто Старую Рязань копают как можно ленивее, чтобы меньше успеть напортить, но у них товар не такой скоропортящийся, как у реставраторов: уж если семьсот лет пролежало, пусть ещё двести-триста полежит; а реставраторы не только воссоздают, они в первую очередь спасают от неминуемой гибели, как лекари от стремительной болезни, увечья или кончины.

Количество знаний, необходимых для начала осторожных раздумий, как подступиться к самым первым прикосновениям с целью реставрации, – бесконечно. Нижняя граница – пара-тройка сотен лет до строительства здания, верхней – нет. Даже в материалах, тысячу раз намозоливших глаза десяткам исследователей, можно обнаружить то, что не было усмотрено ранее. Об этом писал в своё время И.Э. Грабарь, который советовал ученикам исходить из

внимательного анализа самих зданий, рассматривая их въедливым, подробным, детальным, но и широким взглядом, сдерживая фантазию и умеряя смелость предположений, но и не забывая, что для того, чтобы умерять воображение, надо для начала его иметь. Хотя бы для того, чтобы представить себе, что если с благими намерениями из-под всячего фронтона выштробить весь ряд кирпичей, то фронтон может просто повалиться. Физико-геометрическое зрение воспитывается и опытом, и осторожностью, и всё-таки в основе фантазии и воображения лежит талант, неведомый толчок под локоть, стук по затылку, самоход карандаша, цистерна пролитого пота или минутный полёт падающего листа осенью.

Нынче эти чудесные углы выбелены, их фантазийность немного скрыта, но всё же и они, и сам собор ярко свидетельствуют об ускользании формообразования из умонастроений подмастерья каменных дел и при задумке храма, и уж тем более во время переделки храма в XIX веке, когда от пятиглавия осталась одна, когда появилась скатная крыша, лишившая смысла даже те намеки на кокошники, которые остались. Это могло иметь много причин, от экономики до личных предпочтений, но движение к примитивизации облика, к упрощению способов воздействия на зрителя от изошрённости к изворотливости, – всё говорит о том, что ликование на рубеже веков (построен в 1702 году) начинает сникать, всё-таки умение, ставшее навыком, что-то по дороге теряет, что-то становится ненужным, необязательным, инженерной ловкостью заменённым.

И ведь строится одновременно с Успенским новым, отсюда и комбинация белого камня и кирпича, бочки под перекачанными икроножными мышцами, напоминающими бутылки, а не амфоры, хотя форма близка к амфорам; их выводил в белом камне тот, кто смотрел на крыльца Архиерейского дома, хотя псевдозамковые камни ни конструктивно, ни эстетически не обусловлены, хотя белокаменные треугольники и подпирают массивные кирпичные полуколонны наверху, всё вместе поразительно антитектонично, когда бы кирпичи не были перевязаны со стеной, угол обязан был бы обрушиться, настолько всё сделано «ни к чему», «кое-как», это порождение фантазии неопита, недавно научившегося превращать возы кирпичей в стены и, «поелику возможно, даже делать красиво». Невеликую сноровку строителя подтверждает и то, что была допущена «детская» ошибка при проектировании: бутылочные ноги не нашли центра постамента, встали несколько правее, потому что так «исторически сложилось». Так же, с такой мотивацией, появились и окна, и наличники, и общий объём, и сомкнутый свод. Рисунок получился невыразительным, потому что выражать было нечего, несмотря на такое посвящение церкви, ни мысль, ни глаз ничего инженерам в XIX веке «не указали». Наглядевшись на виденные где-то «ценные» шедевры, мастер XVII века переоценил значение изразцовых полотенец под окнами, сам не додумался, и ему никто не подсказал, что декор, не участвующий в архитектонике, в формировании общей картины, теряется и требует дополнительных объяснений, подчёркиваний, надавливаний на него, он может только увеличить или уменьшить, подчеркнуть или затушевать, но не создать. Даже самые-распресамые образцы, арабские, индийские, камбожийские, китайские, японские орнаменты хороши

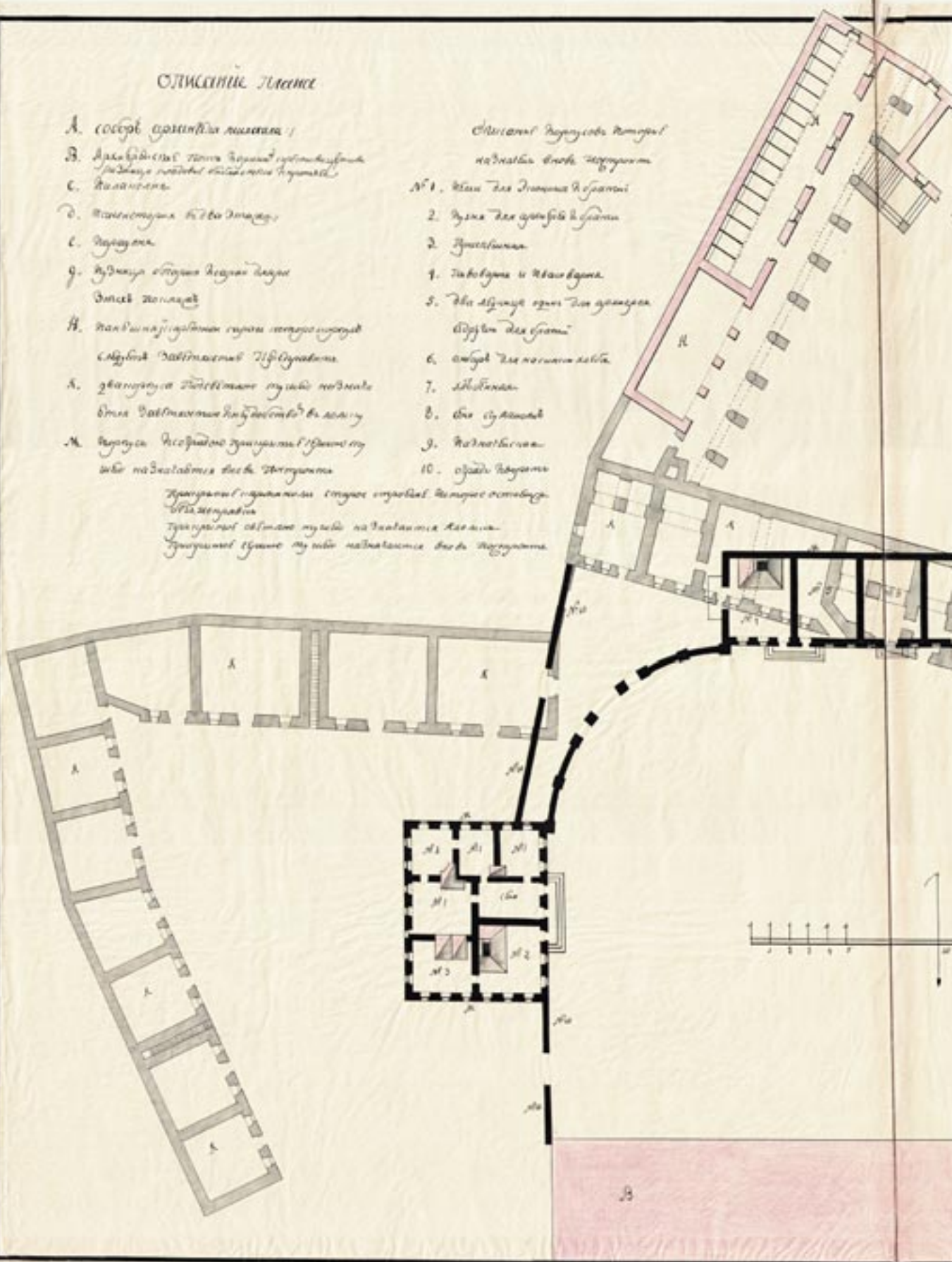
Описание плана

- А. соборъ святиица мученика;
- Б. Архидиаконъ Петра и Павла и священникъ Павла и святиица святиица мученика;
- В. Кладовые.
- Г. Кухня и кухня и кухня и кухня;
- Д. Кухня.
- Е. Кухня и кухня и кухня и кухня;
- Ж. Кухня и кухня и кухня и кухня;
- З. Кухня и кухня и кухня и кухня;
- И. Кухня и кухня и кухня и кухня;
- К. Кухня и кухня и кухня и кухня;
- Л. Кухня и кухня и кухня и кухня;

Кухня и кухня и кухня и кухня
 Кухня и кухня и кухня и кухня
 Кухня и кухня и кухня и кухня

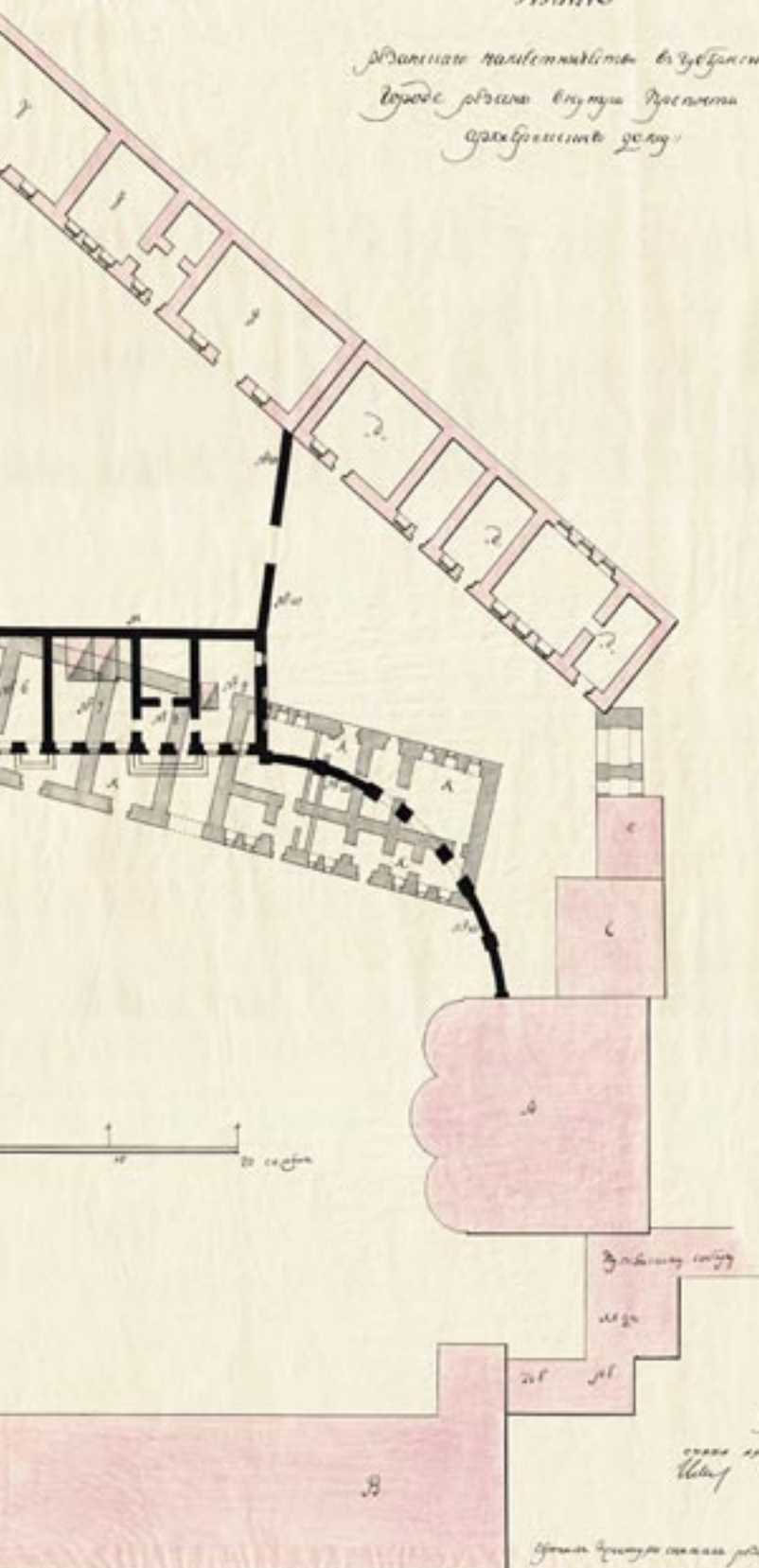
Описание помещений
 на плане святиица мученика

- № 1. Кухня и кухня и кухня и кухня
- 2. Кухня и кухня и кухня и кухня
- 2. Кухня и кухня и кухня и кухня
- 3. Кухня и кухня и кухня и кухня
- 5. Кухня и кухня и кухня и кухня
- 6. Кухня и кухня и кухня и кухня
- 7. Кухня и кухня и кухня и кухня
- 8. Кухня и кухня и кухня и кухня
- 9. Кухня и кухня и кухня и кухня
- 10. Кухня и кухня и кухня и кухня

ПЛАНЪ

Ръководство на инженерите в изграждането
 на водоснабдителната система
 в града на София

КОПИЯ
 от архива на К. В. Водоснабдителна
 Училище 11-12 1976 г.

Съставен от инженерите: [unreadable]

Име	Положение	Дата
Иван	Училище	1976
Петър	Училище	1976
Михаил	Училище	1976
Георги	Училище	1976

только там, где уместны. И в данном случае, в Преображенском соборе изразцы настолько хороши, что становятся ужасны, потому что они... единственное украшение церкви, и настолько заметное, что оно лишь подчеркивает невнятную незаметность того, к чему прикреплены. Если их укрепить на стене забора – будет ровно такое же впечатление; можно ещё окна дорисовать углём.

Собор к концу XIX века получился выдающимся по своей обычности, чтобы не сказать заурядности. Сомкнутый свод – есть, затейливые сандрики над наличниками – есть, изразцовые коврики под окнами подвешены, изящный кирпичный сарайчик на западном входе прилеплен, всё – есть, и хорошо. «Кузьмич, ты мужественный человек? – Ну, присутствует».

Он теперь неповторим тем, что был повторен тысячу, может быть, раз, только 999 повторов – пропали, а он спасся, он – такой, какой должен быть, вот он и они создают среду, которая воспроизводит людей, хотя бы они того, или нет, надёжнее, чем Уставы, Уложения, Установления и Конституции. Банально? Да, бесконечно. Почти уже пошло, надоело – конечно. Но перестать можно только тогда, когда те 95% будут восстановлены

Из устоявших под воздействием оптимизаторских стараний – сохранение одного (западного) входа и двух (северного и южного) выходов; главу снабдили нововведением, которое постепенно стали называть одним из двух признаков некоего «украинского барокко» (примитивный кубический силуэт должен быть увенчан главой на тонком горлышке, чем тоньше шейка, тем выше мастерство автора). Несуразность, несообразность этих стебельков скрадывается, когда их много (пять штук – уже лес), а в одноглавом исполнении они пугают зрителя так сильно, что он не в силах приметить нелепость силуэта: психологическая защита автоматически блокирует зрение и оно перестаёт участвовать в формировании образа: «Надувной шарик? – Странно, что не качается. Должен же качаться на ветру, так было бы красиво и живенько».

В Преображенском соборе эта особенность не так сильно лезет в глаза, как в соседней церкви, но порча всё-таки уже состоялась, и через четырёхскатную крышу, и через три «е» в слове «тонкошее».

Всё в совокупности свидетельствует о том, что реставраторам из Преображенского собора уходить рано.

Певческий корпус построен для казны. Казначей, живший тут, иногда пускал певчих в свои какие-то покои, чтобы не позорились сразу в церкви, а порепетировали заранее, в укромном месте, и скорее всего присутствовал при спевках, если ухо было настроено. Вряд ли он для исполнения обязанностей бухгалтера удалялся из дому в контору, чтобы там костяшками счётов стучать. А тут можно и послушать, и за порядком последить, глядишь, самому разумному из певчих можно поручить иной раз и страшную обедню сочинить к двенадцатому празднику. Самые важные ценности хранились в ризнице, а на текущие расходы мошна пряталась в сундук или ларь где-то прямо в этом жилом строении. Оно тем и интересно, что это самое обычное гражданское (в смысле, не военное, а нецерковное) строение, не сильно отличавшееся от одно- и двухэтажных деревянных сооружений.

И в дереве, и в камне крыльцо или всход принято было делать снаружи по понятным соображениям. Пользуешься им, то есть находишься на нём, от силы десять минут в день, всё-таки от дождя или снега перед дверью укрыться надо, да и подъём одолеть под крышей. Какая-никакая, но лестница нужна, и если её сделать изнутри, придётся топить помещение, по которому только бегаешь, и то недолго. Для здешнего климата внешнее крыльцо, особенно на второй этаж – это не блажь для благолепия, а сбережение дров. Именно из-за обычности дома для жилья, а не для прочих надобностей, плохо сохранились. Чего их беречь-то, когда они все такие же кругом стоят! Стояли-стояли, а потом махом и пропали, с переменной технологией и, главное, образа жизни. А теперь найти неиспорченный трёхсотпятидесятилетний дом – редкая удача, речь вряд ли идёт о тысячах, если не считать спрятанные фундаменты.

Изменения, произошедшие во внешнем облике и внутренних помещениях дома в XVIII и XIX веках, заставляют, не путаясь в оценках этических и профессиональных колебаний их авторов, описать их достижения как путь деградации архитектурной мысли в сторону примитивизации, проистекшей из лени, общественной растерянности и скудости разнообразных ментальных и материальных ресурсов.

Волны оскудения накатывались и позже, но ближе ко второй половине XX века привычный героизм реставраторов чаще стал теснить остывание интереса к важнейшим жизненным основаниям, начиная с И.В. Ильенко, а позже Е.Г. Одинец, И.Д. Любимовой, Г.Б. Меншиковой.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

I. Общие сведения

Проект реставрации фасадов Певческого корпуса (XVII – XIX в.в.) составлен на основании контракта № [...] от 24.10.2011 г., заключенного между ФГБУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник» (директор О.С. Кречетова) и ГУП ЦНРПМ МК РФ (директор В.Н. Фатин).

Данный проект выполнен с учетом современных требований к проектной документации и вносит корректировки в проект реставрации фасадов 1970-х гг., разработанный архитектором И.В. Ильенко.

Стена ограды конца XVIII – начала XIX вв. между Певческим корпусом и Архирейским домом также включена в данный проект реставрации.

По проекту архитектора И.В. Ильенко в середине 1970 гг., силами Рязанской ЦНРПМ были проведены реставрационные работы по фасадам и интерьерам. Восстановлен древний декор фасадов, внутренняя планировка, дверные и оконные проемы, а также двухъярусное кирпичное крыльцо с деревянным шатровым завершением на главном (западном) фасаде. Крыша на корпусе оставалась в формах XIX в. – низкая, покрытая железом, с поздними печными трубами, хотя по проекту архитектора И.В. Ильенко она должна была быть высокой, тесовой, с дымоходами.

Конструкции деревянной кровли были разработаны инженером А.И. Дьячковым под руководством Г.Н. Ровинского в 1978 г. (инж. отдел В/О «Союзреставрация», ныне ГУП ЦНРПМ МК РФ). Тогда же проект высокой деревянной кровли с дымоходами был согласован [с] Министерством культуры СССР.

Однако этот проект долгое время не осуществлялся из-за отсутствия финансирования, все эти годы на Певческом корпусе сохранялась металлическая кровля в редакции XIX в.

В 2004–2005 гг. по откорректированным инженерным чертежам проекта реставрации 1970 годов была восстановлена высокая тесовая кровля из осинового бруса. В 2010 г. над кровлей восстановили дымоходы в формах XVII в. Аналогией

для разработки рабочего чертежа на дымоходы послужили формы дымоходов Певческих палат XVII века Новодевичьего монастыря в Москве. Работы выполнялись по указаниям и чертежам авторского надзора.

[...]

Дымоходы восстановлены как рабочие. Их расположение связано с существующими печными каналами, идущими от восстановленных в интерьерах изразцовых печей XVII в.

Работы по кровле и дымоходам выполнялись ЗАО «Рязанское научно-реставрационное управление» (ген. директор В.В. Тюнин, начальник участка № 1 О.А. Карцев).

В настоящее время отделка фасадов обветшала и требует возобновления, имеются просадочные трещины, требуется замена столярки, подводка фундамента со стороны восточного и южного фасадов, вычинка белокаменного цоколя.

В 2010 г. по заданию ФГУК РИИМЗ специалистами-технологами ООО «Рестек» были выполнены исследования состояния фасадов, подтвердившие их крайне неудовлетворительное состояние, а также разработаны «Технологические рекомендации для проведения реставрационных работ на фасадах Певческого корпуса».

II. Краткая историческая записка

Певческий корпус в Рязанском Кремле построен в середине XVII в., предположительно в 1658 г. Автором его, возможно, был архитектор «каменных дел подмастерье» из Москвы «заягужской слободы теглец» Ю.К. Ершов.

Своё название Певческий корпус получил от проводимых здесь спевков певчих, в выделенной для них специальной палате. Основное же назначение здания было иное. В нём находились жилые помещения для архиерейских служителей – эконома и казначея. В юго-восточной палате 1-го этажа располагалась приёмная эконома.

Корпус представляет собой двухэтажное кирпичное здание гражданской архитектуры. В нём применена, можно сказать, «типовая» жилая секция XVII в., состоящая из холодных сеней и примыкающих к ним под прямым углом теплых сеней, как в первом, так и во втором этажах. Две двери из теплых сеней ведут в две изолированные палаты, расположенные рядом и имеющие окна, выходящие, в основном, на главный фасад. В противоположной главному входу стороне холодных сеней пристроена небольшая двухэтажная палатка-ретирада. В 1 этаже по другую сторону от жилья, со входом непосредственно из холодных сеней, располагалась небольшая кухня. Соседняя с кухней приемная эконома имела отдельный вход с улицы. В приёмной сохранились значительные фрагменты уникальных первоначальных настенных орнаментальных росписей.

В XVIII веке здание сильно обветшало и одно время даже намечалось к полной разборке; для эконома на другом месте в восточной части Архиерейского двора планировалось возведение нового корпуса — см. копию с чертежа рязанского губернского архитектора И. Сулакадзева 1792 г. Однако в конце XVIII века здание всё же было отремонтировано с изменением архитектуры фасадов в новом виде. Тогда же разобрали и 2-ярусное крыльцо западного фасада. Были переделаны все оконные и дверные проемы, кроме 3, которые сохранились почти полностью. Очевидно, тогда же между северным фасадом и Архиерейским домом появилась стена ограды с воротами и калиткой.

В XIX в. пристроена новая ретирада на месте древней и перестроена северо-восточная часть стены дворового (восточного) фасада, крыша была понижена и покрыта железом.

В конце XIX в. на месте основной части древнего двухэтажного крыльца был построен одноэтажный каменный тамбур, который был снесен в 1958 г. архитектором З.И. Васильевой. После сломки наружного крыльца в XIX в. в главных сенях была устроена внутренняя деревянная лестница, ведущая на 2 этаж, при этом первоначальный свод был частично сломан.

При реставрационных работах 1970-х гг. под руководством архитектора И.В. Ильенко на месте поздних окон на западном, южном и северном фасадах и южной части восточного фасада были восстановлены окна в формах XVII в., разобрана верхняя надстроенная часть венчающего карниза. По натурным следам

– фундаментам и следам примыкания на стене – восстановлено кирпичное крыльцо на западном фасаде. Тогда же по проекту инженера Н.А. Маколова производилась подводка фундамента.

В интерьере восстановлена древняя планировка палат XVII в. с учетом их приспособления как для выставок из фондов музея, так и для размещения сотрудников, ведущих научную работу.

По проекту арх. И.В. Ильенко были восстановлены изразцовые печи на своих исторических местах. В юго-восточной палате 1 этажа (бывшая приемная эконома) была обнаружена уникальная первоначальная роспись стен и частично – сводов. Такой росписи середины XVII в. в постройках гражданской архитектуры России почти не сохранилось.

Реставрацией росписи занимались художники-реставраторы высшей квалификации Георгий Евгеньевич Брягин и его дочь Татьяна Георгиевна Брягина.

III. Пояснения к проекту реставрации фасадов

Проектом реставрации предусмотрено сохранение декора фасадов, восстановленных в формах середины XVII в. по проекту архитектора И.В. Ильенко, выпущенному в 1970-х годов. Необходимо отреставрировать декор, имеющий утраты.

На восточном фасаде [...] окна сохраняются в редакции XIX в. Столярка в окнах заменяется и наружные рамы красятся в серый цвет. В окнах XIX в. 1 этажа кубчатые решетки, поставленные изнутри, заменяются на фигурные решетки по образцу XIX в.

У окон XIX в. необходимо выполнить окрытия подоконников.

У пристройки XIX в. места закладок поздних дверных проемов обозначить швом с подсечкой по контуру.

На крыше пристройки сделать разжелобку с выводом в водосточные трубы.

На южном фасаде изготовить наружную дверь в формах XVII в.

В данный проект включена примыкающая к северному фасаду стена XIX в. с воротами и калиткой. По воротам и калитке в дальнейшем будут разработаны рабочие чертежи на металлические навесные створки, если это потребуется для музея.

Проект реставрации учитывает современные технологические рекомендации для реставрационных работ по фасадам, разработанные в 2010 г. и переданные заказчику. В соответствии с указанными рекомендациями существующая шелушащаяся известковая побелка удаляется. Реставрируется обмазка фасадов с последующей покраской в белый цвет кремнийорганической вододисперсной краской «Amphisilan».

Белокаменный цоколь красится известью с добавлением алюмокалиевых квасцов с предварительной обработкой гидрофобизирующим составом. Решетки красятся в цвет тёмного графита.

Крыша на пристройке и окрытие дымоходов окрасить в цвет полуды (серебристо-серый). Окрытие контрфорса и примыкающей стены ограды между Певческим корпусом и Архиерейским домом окрасить в зелёный цвет (окись хрома).

Тесовая кровля не окрашивается. Прапоры на дымоходах и шатре крыльца вызолотить.

Пожарную лестницу и водосточные трубы у ризалита окрасить в белый цвет специальной долговечной краской по металлу.

Главный архитектор *Е.Г. Одинец*
проекта

Как и положено, здание Консistorии хорошо уворачивается от съёмки. Откуда ни глянь, оно неприметное, неважное, всегда что-нибудь более заметное перевешивает, а оно лишь краешком, уголочком, верхушкой, с краю и чуть-чуть.

Настоящий административный центр, доступ отовсюду, всё поблизости, рядом, но не в серединке, дворец Олега – рукой подать. «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!» – «Сей секунд!»

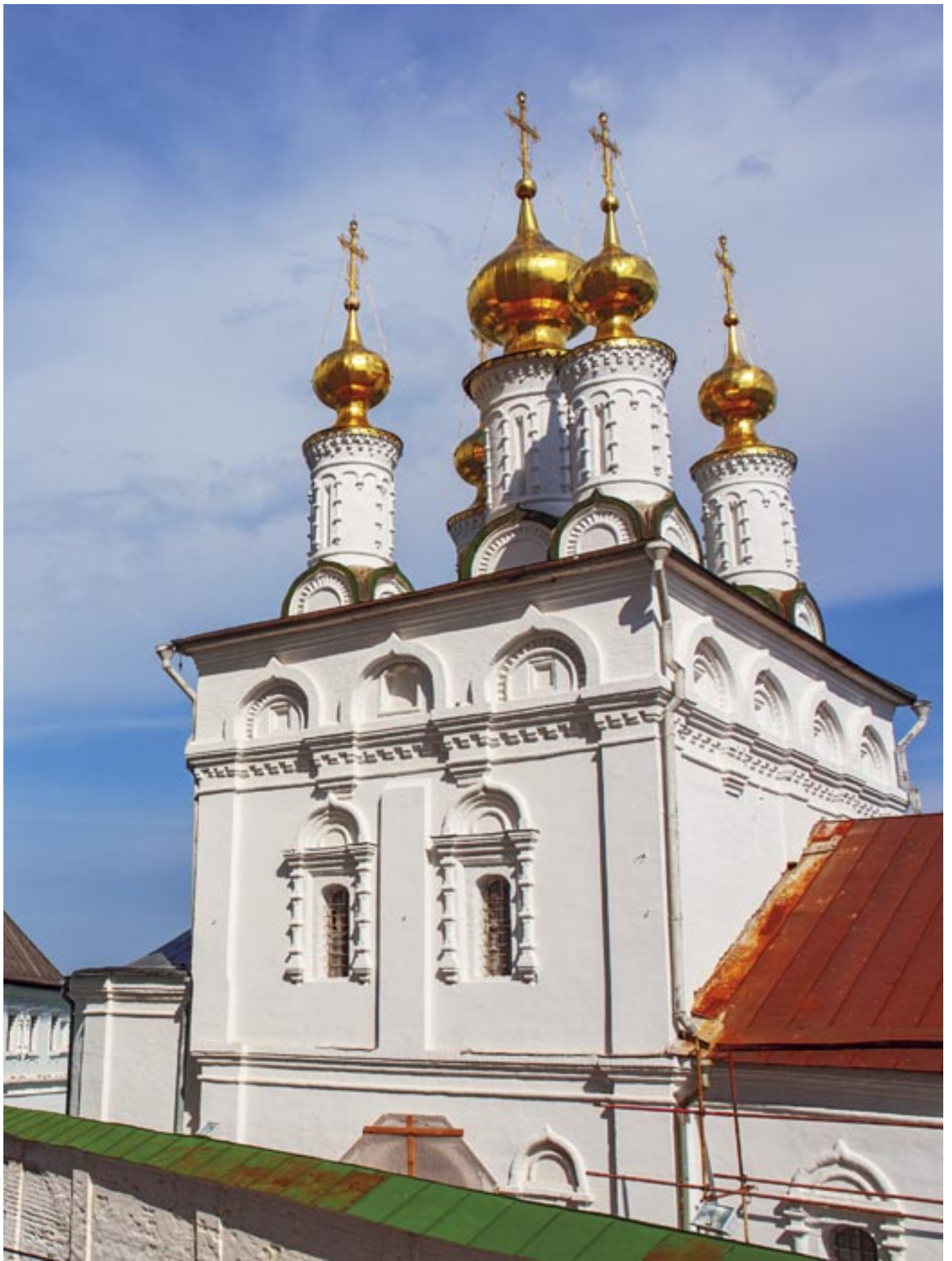
И то, что консистория похожа на жилое здание, особенно благодаря крыльцу, восстановленному тоже И.В. Ильенко, хорошо помогает прятаться. Когда здание строилось, оно как-то иначе именовалось, но это не очень важно, важно назначение, наличие жилых и нежилых покоев; что делали в жилых, в первом приближении понятно – вероятнее всего, там жили. А в нежилых – не жили. Отправляли какие-то управленческие обязанности, в Ростове так и говорили – Судный приказ, и не только в Ростове, и тоже внутри стен Архиерейского дома, и неподалёку от жилых покоев митрополита.

Жизнеустроительная функция церкви требовала своих институций, а те – своих зданий. Поэтому малозаметен, но неопровержим факт: огромное большинство жилого и нежилого гражданского зодчества сосредоточено в монастырях и архиерейских домах, которые от обычных монастырей отличаются не тем, что есть резиденция архиерея, а тем, что есть административные здания, приспособленные и специально построенные для исполнения управленческих функций.

Вот как надо управлять! И между прочим, без каких бы то ни было рассуждений о свободе и демократии. Это похоже на закономерность. Как только речь заходит о действительно необходимой иерархии, о начальниках и подчинённых, две сферы работают без ужимок и гримас – армия и церковь, болтовня про демократию не то что не приветствуется – её нет! Вовсе. И это нимало не тревожит, потому что только так и можно, если интересуется достижение цели, а не разговоры о ней.

«Все люди созданы равными», или равноправными. Какая разница! Неверно и то, и другое. У всех разные длина, цвет, вес, рогивица, отпечатки, спо-

собности, продолжительность, болезни, стартовые возможности, характеры и ещё 15 000 характеристик. Это так очевидно, что человечеству понадобилось много тысяч лет, чтобы сначала сформулировать, а потом привыкнуть к этой соблазнительно простой, но неверной, неправильной идее. Каждый неравен, нетождественен, даже неконгруэнтен никому, кроме себя, и неравноправен. А понадобилась эта простая идея для того, чтобы «оштучить», превратить во множество вещей «по модулю» большие и малые массы людей: играть в домино можно, только если все костяшки белые или чёрные, но одинаковые, имеющие равные рубашки, а вся индивидуальность, кто «дубль-шесть», а кто «пусто-пусто» – должно быть скрыто до поры; для игры и для управления они должны утратить индивидуальность, превратиться в «штуки людей». Для повсеместного утверждения этой мысли пришлось отделить несколько королевских голов от королевских же тел, «возвысить» низших до права избирать и быть избранными, «унизить» высших до костюмированной одинаковости со всеми и разговорами о праве демоса на кратию заморочить головы до того, что население и впрямь перестало замечать, что иерархия никогда, просто никогда не формируется с участием выборных процедур. Даже когда процедуры сложны, урегулированы избирательными законами, публичны, разыграны по нотам и освящены вековой традицией, отчего-то результаты их известны заранее, причём с точностью непревзойдённой – что на выборах вождя племени в Джибути, что на выборах в Нижнюю палату того, что имеет ещё и Верхнюю.

Иерархия совсем не зависит от настроений избирающих масс, сохраняется веками в лице представителей одних и тех же семей, принадлежность к ней передаётся от прапрадедов к праправнукам таинственнейшими путями, а влезающие в неё временами чужеродные выскочки уже в третьем поколении приобретают черты «наследственной аристократии», даже если прадедушка торговал окурками на улице, а правнук неустанно руководит банками. Герцог Мальборо всегда останется герцогом, даже если придётся менять партии, как перчатки по сезону и при нужде постреливать по аборигенам в колониях, что блистательно продемонстрировал не один только сэр Уинстон Черчилль, а у генерала контрразведки обязательно отыщется прадедушка из ЧеКа, на худой конец из МИ-6.

Парламентаризм давно стал ветхой ширмой в бродячем театре народо-властных политических устройств, где язык дан для сокрытия мыслей, а не для их обнародования, потому что даже если и когда мысль у парламентария есть, уж лучше её спрятать, чем ею размахивать, истово убеждая слушателей, читателей и зрителей в ничтожности порождений малого неопытного ума, мнящего себя вершителем судеб десятков, нет, лучше сотен тысяч и миллионов избирателей, окормляемых только его щедростью, душевной широтой и неподдельной правдивостью.

Все до единого собрания разговаривающих, от племенного совещания до конституанты, оформляют и утверждают то, что задумано, обдуманно, придумано и додуманно другими людьми задолго до того, как в зале зажгли свет, открыли двери, утвердили регламент и учредили многовековую традицию, связанную с производством вороха никому не нужных бумаг, даже уничто-

жать которые приходится с применением механических устройств с электродвигателем.

Консистория – собрание для совещаний. Главная заслуга патриарха Никона – попытка институционализировать разделение властей. Только не просвещенческое разделение, на законодательную, судебную и исполнительную, эта придуманная трихотомия хороша только как благородное пожелание, как попытка мысли, разбивающаяся в мелкие клочья тотчас после появления при наличии хоть каких-нибудь житейских опытов и знаний. Назначить себе зарплату депутат может, но кто её платит? Откуда привозили раньше мелко нарезанную бумагу, а теперь просто шлют цифры по проводам и оптоволокну? Оттуда, где они есть, где собираются налоги и хранится казна, из правительства. Признаться, и независимые судьи – точно так же. Неукоснительно. А разделение, балансировка и юстировка – для тех, кто увлечён яркостью, расцветкой, фасоном, моделью и разводом караулов, желательно конных.

Никон же тем так напугал своего младшего товарища Алексея Михайловича Романова, что в самом деле, всерьёз удумал не просто «окормлять паству», а участвовать в общественном и страновом жизнеустройстве. Не у него только одного, эти размышления заняли примерно полтысячелетия – от Ивана III Великого до восстановления патриаршества в начале XX века, и сейчас вряд ли окончены. В самом кратком виде дихотомия вот уже две тысячи лет выглядит так: «Богу – богово, а кесарю – кесарево». Как всегда, суть коренится в пустячном вопросе – «Как?» Как разделить тому того, а этому его? Самоуправление Елены Глинской, контрверзы между Иваном IV и митрополитом Филиппом, учреждение патриаршества при Борисе Годунове и уничтожение его при Петре Алексеевиче, два патриаршества Филарета и ссылка Никона в Ферапонтов монастырь – всё вокруг этого гадкого вопроса: как исполнить пастырский долг, не вмешиваясь в полномочия государя? Самый остроумный ответ – конечно за Филаретом, он не чинясь сам стал именоваться Великим государем, равным царю и распоряжался государскими делами как своими. Никон чуть попозже тоже попытался, но у Алексея Михайловича (а может быть, и у Марии Ильиничны, она была на пару лет старше) характер был не тот, бровь полезла вверх, да так там и застряла – двум медведям в одной берлоге не зимовать.

Никон совсем серьёзно располагался на соседнем троне, косвенно об этом свидетельствует его внимание к символам. Два кипарисовых креста Кийской модели, не здесь сработанные, а заказанные в Иерусалиме, не имеют восьмого (считая от нижнего) окончания, вертикальной верхушечки. Заметить это можно в московском Кремле, в церкви Двенадцати апостолов над Патриаршими палатами. А дворца Алексея Михайловича в Кремле нет, только в Саввино-Сторожевском, да и поскромнее. У Никона главная резиденция – аж Новый Иерусалим, в котором царит Царь славы, и в едином комплексе и купулия, и Воскресенский собор, и Константино-Еленинская церковь.

Конечно, Новоиерусалимский монастырь – это не про переопределение православия, исправление обряда и т.п., это про переназначение роли православия, здесь – центр не духовной власти, а центр всего вообще сущего, и помазанник божий – тут не первый, а равный. Поэтому Пётр так остервенело

боролся с патриаршеством, видел его мощь, его содержательную обязанность быть неизмеримо выше всех комбинаций однокоренных слов с основой «свет»: светлое светское просветительство и Просвещение опасается легко завязнуть в парадоксах своих озарений и просто обязано предъявить ветхому знанию и опыту обвинение в мракобесии и обскурантизме, только для того, чтобы опуская другое знание, возвысить своё. Новоиспечённая мудрость ещё не ушиблась о кровь, пролитую для её обороны, ещё не знает о милосердии и соглашается с царём Соломоном: «чем ближе познание подводит к мудрости, тем вернее гнев побеждает скорбь».

Частично воплотить в жизнь намерения Никона удалось его младшему единомышленнику митрополиту Ростовскому Ионе Сысоевичу на огромном пространстве, от Углича до Ярославля и дальше. Примерно сорок лет он устраивал жизнь в своей епархии как единственный, кроме Бога и Государя, хозяин. Он был хозяйственным цементом, скреплявшим подвластные земли. Других скоб, канатов и веревок, кроме языка и церкви, не было. Все до единого другие центры иерархии, власти – были неизмеримо меньше по полномочию, по территории и по времени. Воевод по городам сменяли раз в два года или чаще, уездные приказные люди, губные и прочие старосты смотрели на Митрополита как мышшь на слона, а он за почти сорок лет построил чуть ли не больше, чем Никон, соревновался с ним только Фёдор Алексеевич.

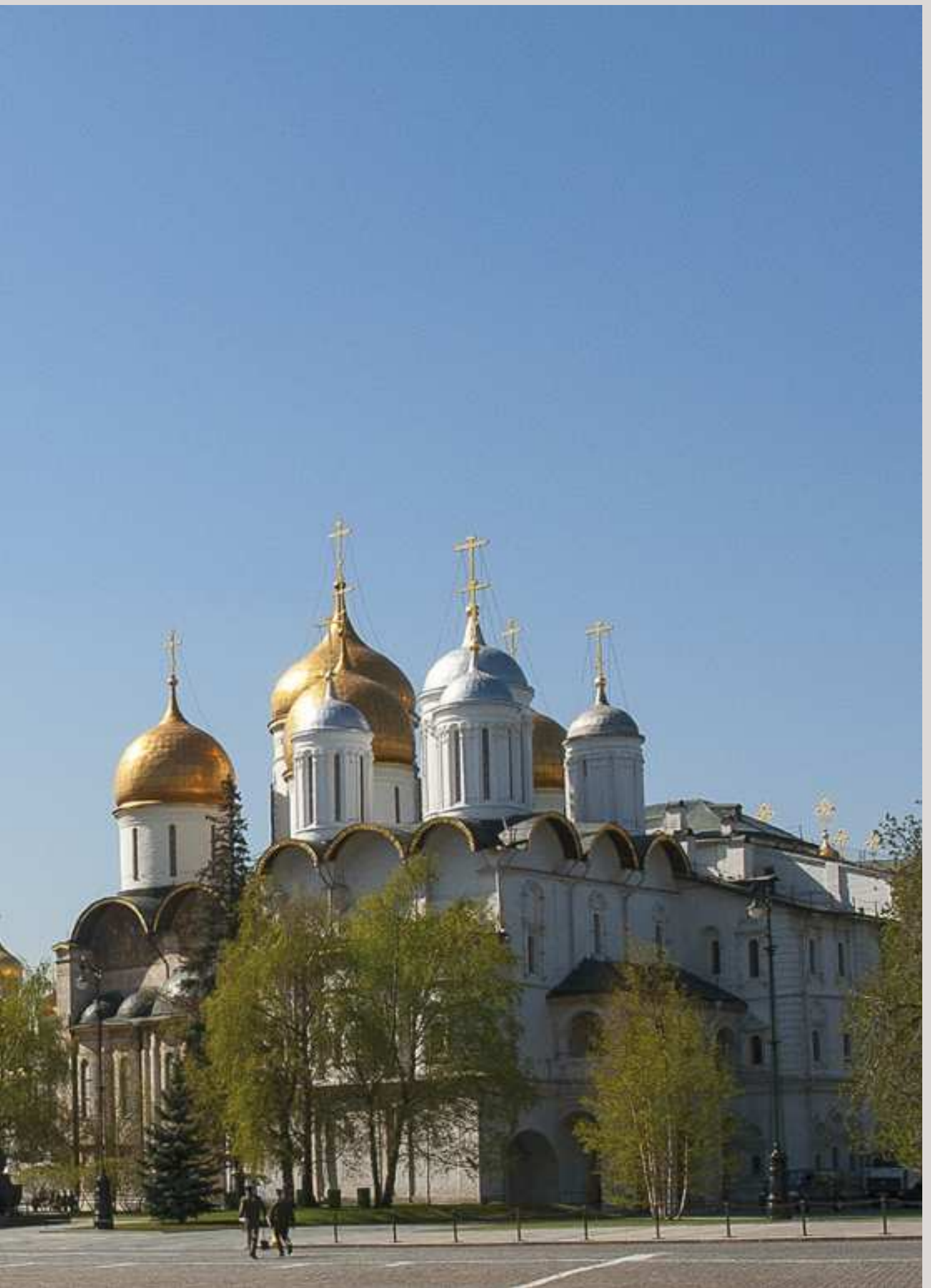
Архиерейский дом – не другое название кремля, а прежде всего центр власти и организующей силы, если у иерея хватает образования понять это. А консистория – его приказная палата, его администрация, правительство и суд. Чуждые и малопонятные слова, толпами приглашённые в Россию Петром Алексеевичем, оказались очень удобны для тех, кто умеет ими пользоваться. Инструменты социальной политики перестают быть вожжами общественного управления, если их так умно переименовать. И приказная изба митрополита оказывается куда более осанистой, если её отрекомендовать консисторией, тут уж шуточки как-то перестают быть уместны.

А уж если к ней пристроить правильное крыльцо, она и вовсе расцветает и прихорашивается, как невеста на выданьи.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

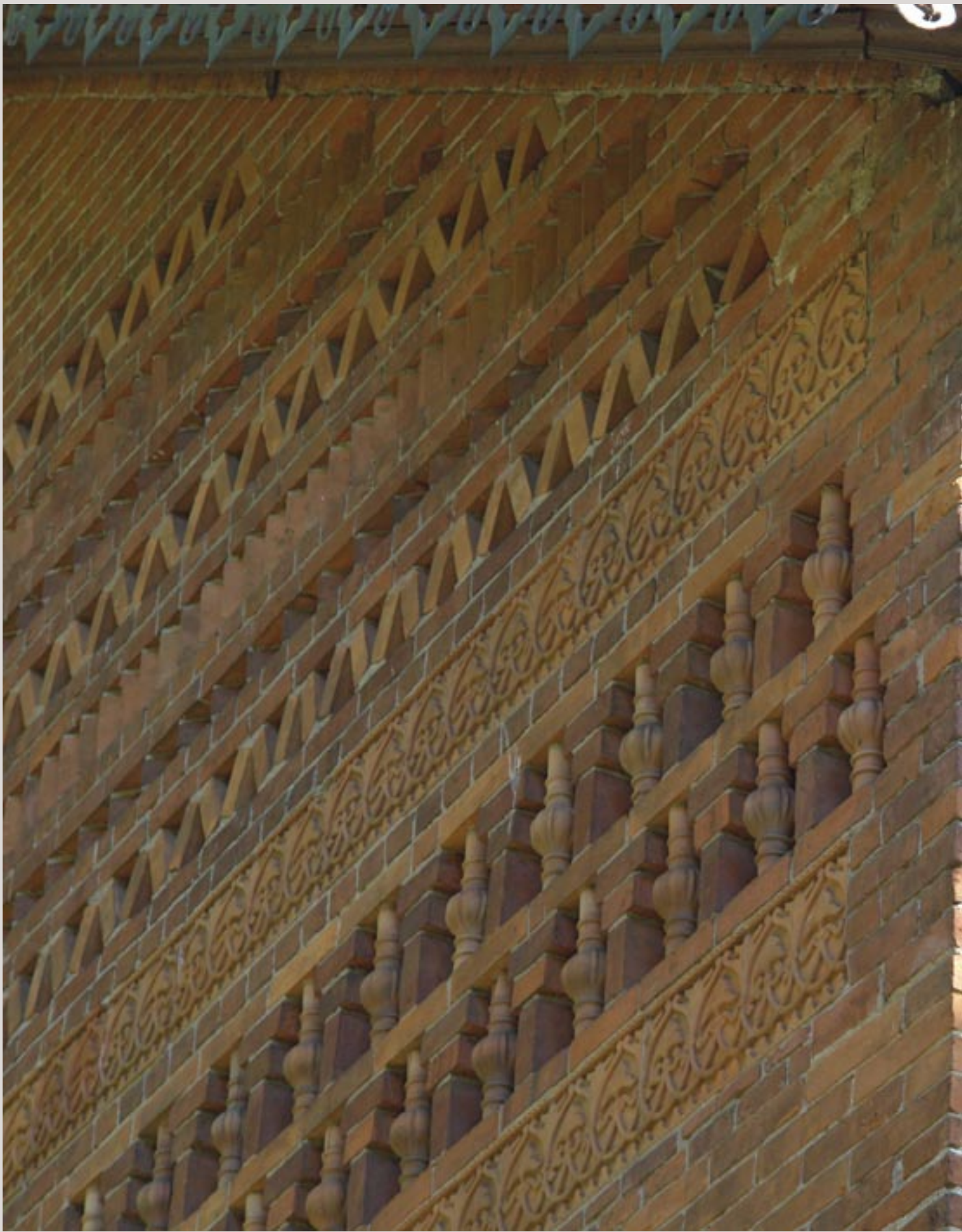

Звенигород. Саввино-Сторожевский монастырь. Рождественский собор. 1407 г.
Крыльцо на западе пристроено в XVII веке, верховой переход из палат
Алексея Михайловича разрушен позже, вместе с крыльцом самих палат.

Кремль. Грановитая палата (1486 г.) с фрагментом наличника XVII века, главы Верхоспасского собора (1635 г.), Ризоположенская церковь (1485 г.), фиксаторы металлических связей и начало аркатуры на углу Успенского собора (1479 г.).

Углич. Великокняжеская Престольная палата (1490 г.)
После Стояния на Угре прошло 10 лет.

Переславль-Залесский. Никитский монастырь. На переднем плане – надстроенный старый Никитский собор (1528 г.) – пример бережного отношения к недавнему архитектурному наследию со стороны царской администрации, в 1561 г. начавшей строительство нового Никитского собора со сбережением «вознесенского покрытия» под новыми кокошниками. Облик нового собора пока испорчен плоской крышей, гильотинировавшей, буквально «сожравшей» верхушки закомар. Что станет с Благовещенским собором (слева), если там состричь верхушки закомар и прихлопнуть их скатной крышей?

Старица. Успенский собор (1537 г.), Введенская церковь (1570 г.), колокольня с часовней-усыпальницей (1685 г.) первого патриарха московского Иова (1589–1607 гг.)

Преждебывшее окошко на входе в подцерковье Успенского собора с решёткой из одной полосы.

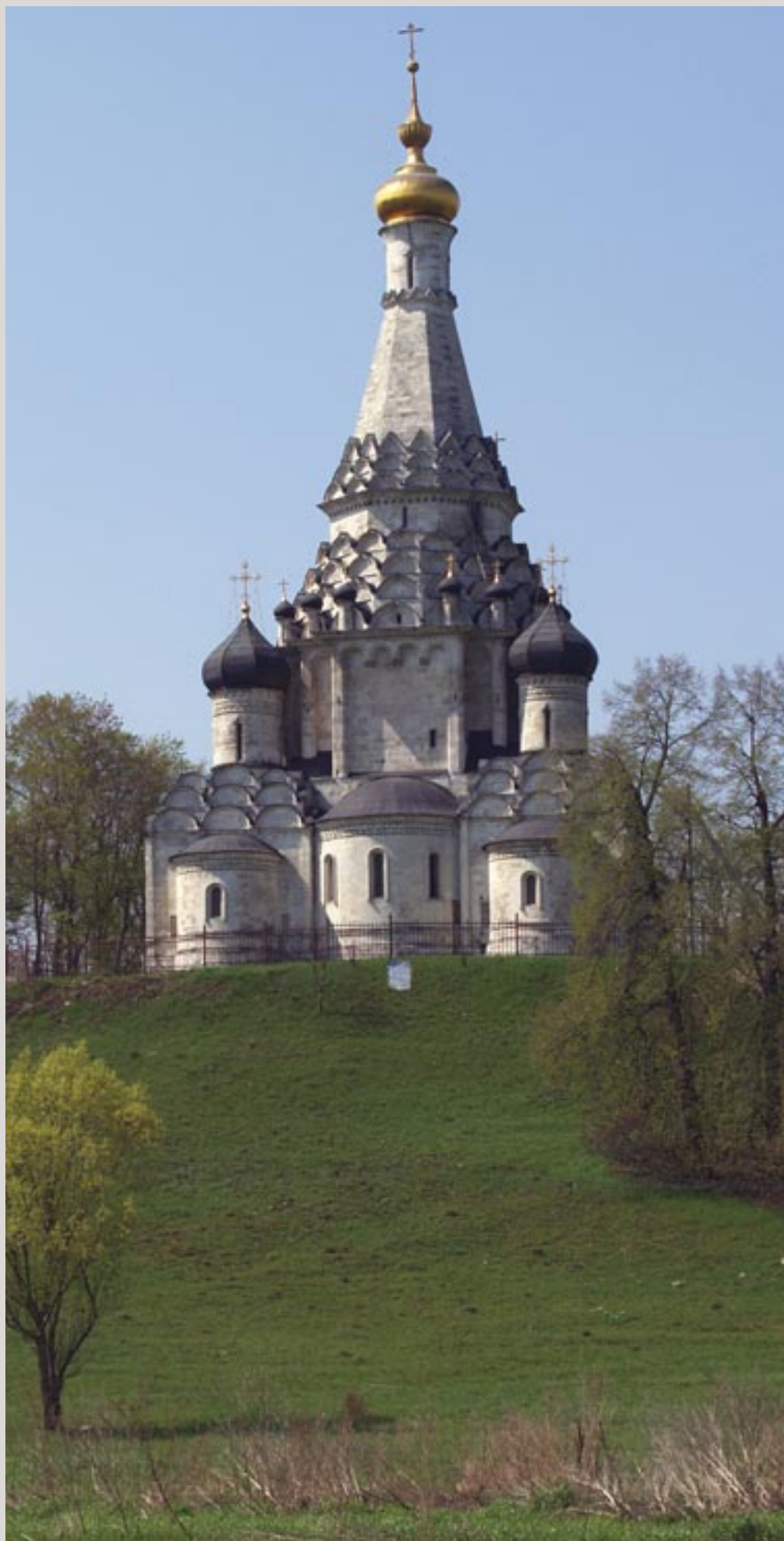

Крыльцо трапезной Введенской церкви (1563 г.)

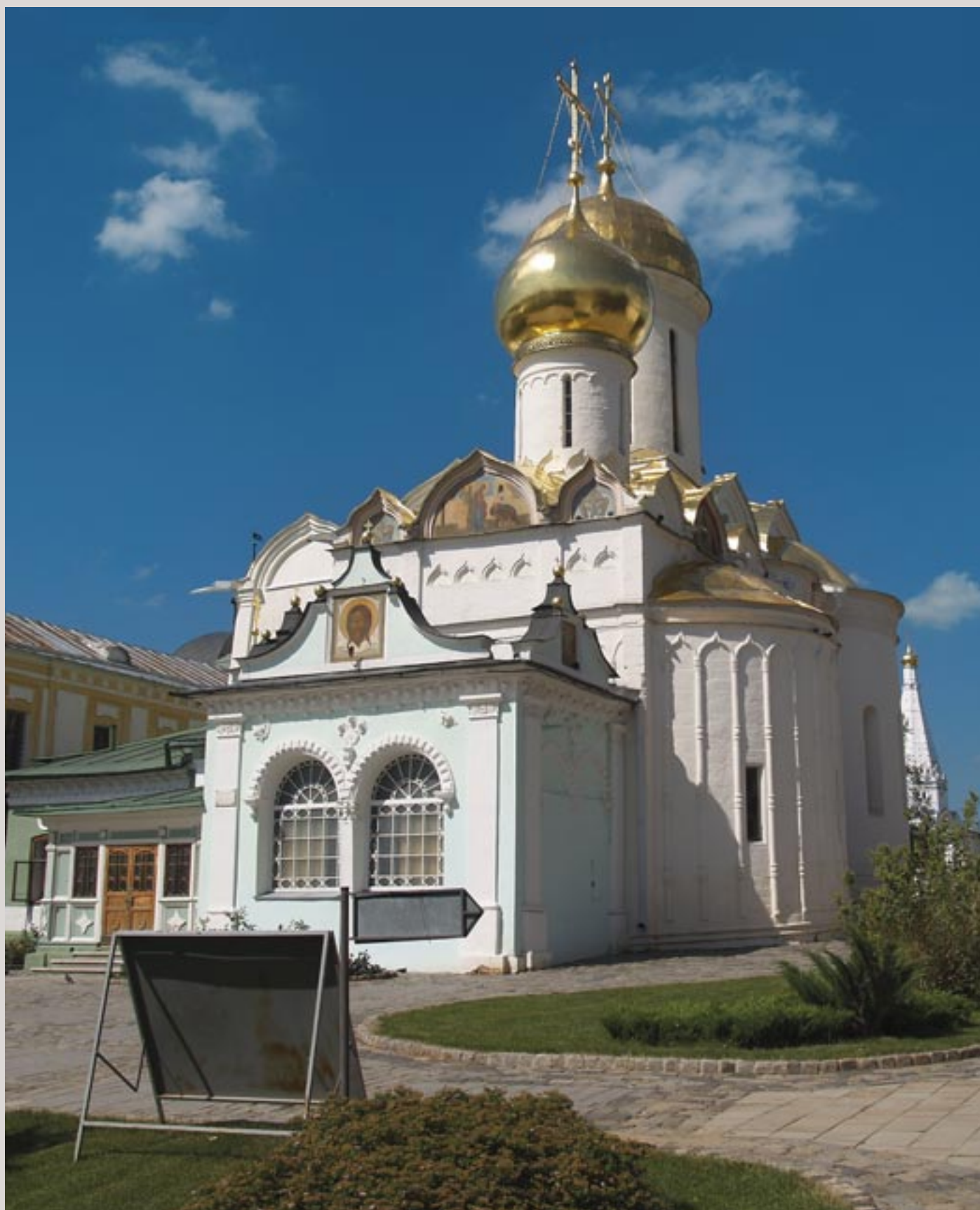

Остров. Церковь Преображения (≈1600 г.)

Никоновская церковь (1623 г.) у Троицкого собора в Троице, потом салатное нечто с голандскими фронтонами (взамен южного выхода), к нему ещё что-то зеленоватое на фоне чего-то совсем уж жёлтого; и сзади вдалеке шатёр Зосимо-Савватиевской церкви (1637 г.) прилепляется стилистически скорее к Троицкому собору, чем к соседней колокольне, вероятно, потому что нагромождение табуретов привлекает не красотой, а инженеризмом и строительным героизмом. Нелепость, недостойность, неуместность салатно-зелено-жёлтых наслоений прекрасно подчёркивает, усиливает и иллюстрирует изнанка металлического щита с информацией про что-то важное. Никоновская церковь почти на два века отстоит от Троицкой, но звучит как одна и та же нота через две октавы. Поневоле позавидуешь наблюдателям из какого-нибудь 1640 года, когда невнятное слабосильное бормотание салатно-зелёных пристроек ещё не прилепилось, ещё не испачкало звонкую праздничную нарядность Никоновской и Троицкой (1432 г.) церквей.

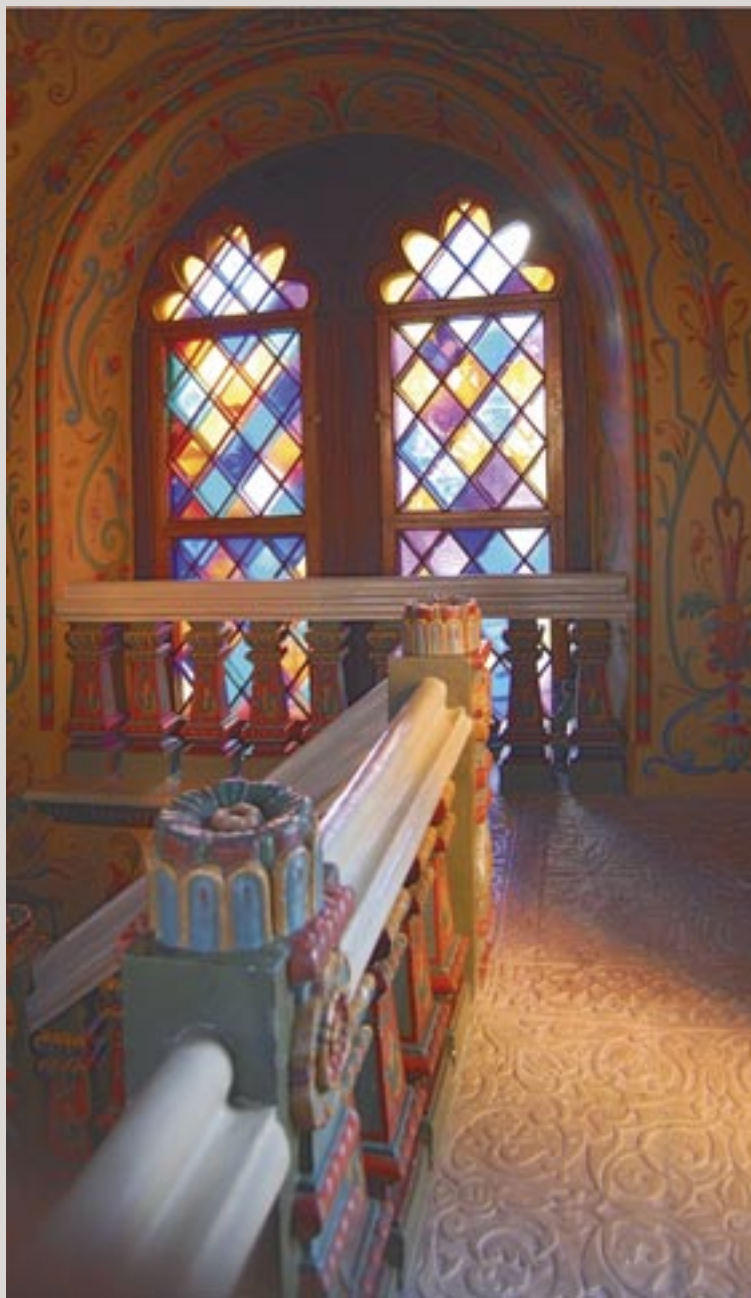
Крайне, трагически, бедственно неудачное сочетание сооружений и деталей. Отвлекаясь мысленно и временно от блистающего центра – видим четыре сгустка бесвкусицы, один другого сильнее угнетающие остатки навыка воспринимать ликование архитектуры: гладкие оконные стёкла гладкой пристройки к гладкому КДСу немного отражают цвет небес, золотая игла протыкает атмосферу над жёлтой витиеватостью, оранжерейная беседка деревенского богатея работает световым фонарём над крепким зданием, и, наконец, слева снизу удар могучей колотушкой в огромный барабан: оттиснутое в толстом слое цементного раствора изображение изогнутого ножа и молота со звездой под солнышком с лучами, озаряющими символы военного, крестьянского и промышленного труда, стали настолько привычными за целый почти век, что не позволяют заметить суть. Это примеры, ничем не отличные от первыбытных петроглифов, когда на стене пещеры или на камнях будущего моря наносили более или менее умело бытовые или охотничьи сценки, зверей, бегущую добычу или что-то для камланий, упражнений с бубном и заклинаний. Немая, бессловесная, невербализованная, почти мышечная радость от осознания связи между трудом и хоть каким благосостоянием выражена при помощи графического мычания и указания пальцем. Все четыре объекта объединяет одно качество – убожество, рождённое примитивной мыслью, вымученное бесталанными попытками «сделать красиво». Главы Верхоспасского собора (1636 г.) в середине – словно Ута, жена маркграфа Эккехарда в Наумбурге, отгораживаются плечом и воротником плаща от грубой лепки сумрачного скульптурного соседа, молча сообщая: «Я не тут, я не с ними со всеми, я сама по себе». Их и правда, не отколупнёшь, не свалишь, только одна мыслишка бьётся не переставая: «А зачем здесь? Почему не построить всё, что привиделось, поближе к Сызрани, в чистом поле?» Сохранение и сбережение петроглифов бесконечно ценно для иллюстрации тенденции, но велика опасность: если никто не разъясняет дистанцию, пропасть между Верхоспасским собором и более поздними проявлениями строительных талантов, то они безнадежно портят глаз, приучают к невзрачности, и рано или поздно она от объекта рассматривания сообщается субъекту рассматривания; bidonville – итог тиражирования, а не только нищеты, и относительно новенькие, свежотремонтированные, ухоженные здания рядом с Утой всё равно выглядят как трущобы, сколько самоварного золота в них ни сыпь.

Кремль. Златоверхий теремок (1637 г.)

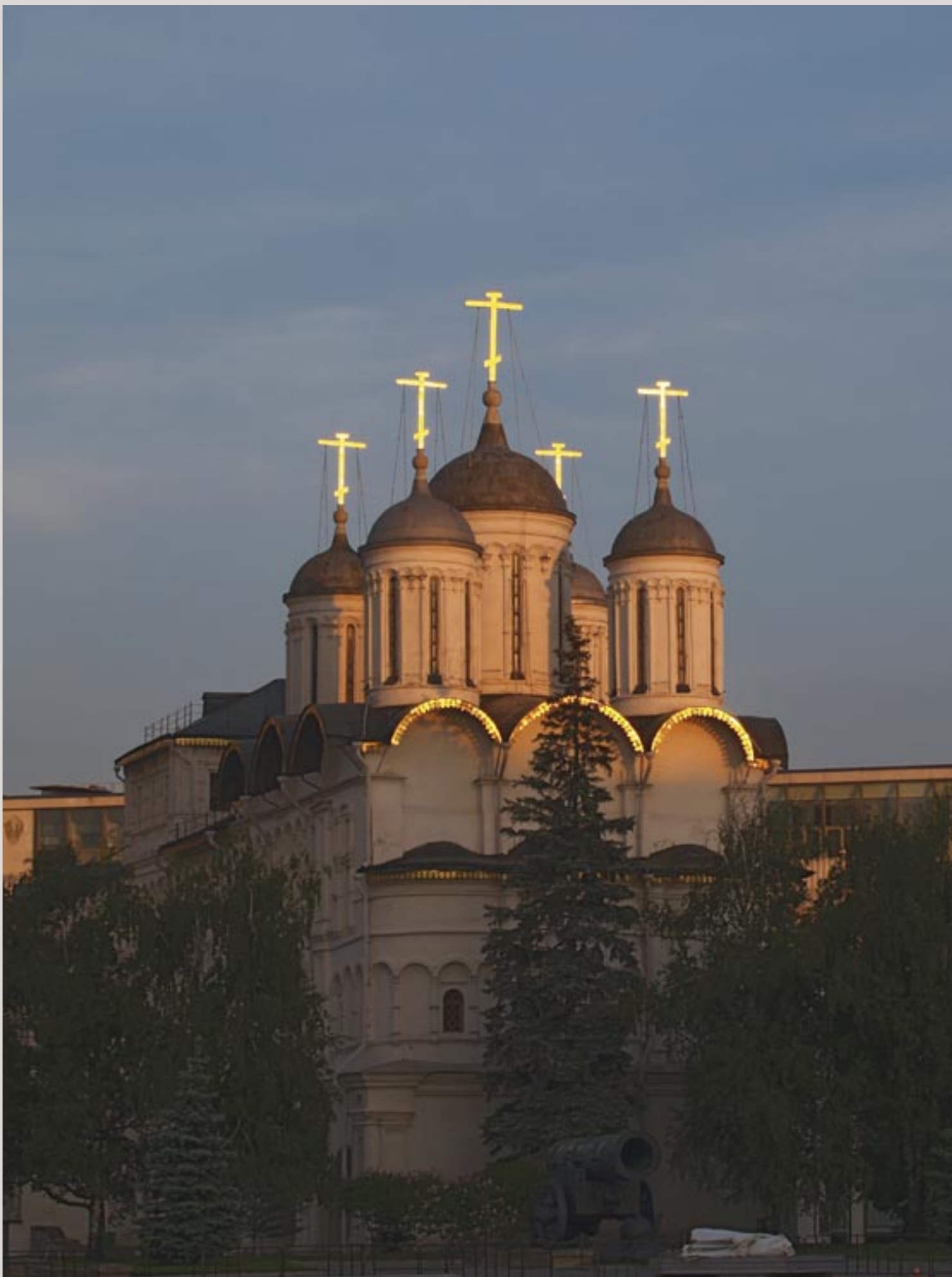

Сергиев Посад. Троице-Сергиева Лавра. Церковь Зосимы и Савватия Соловецких (1637 г.)

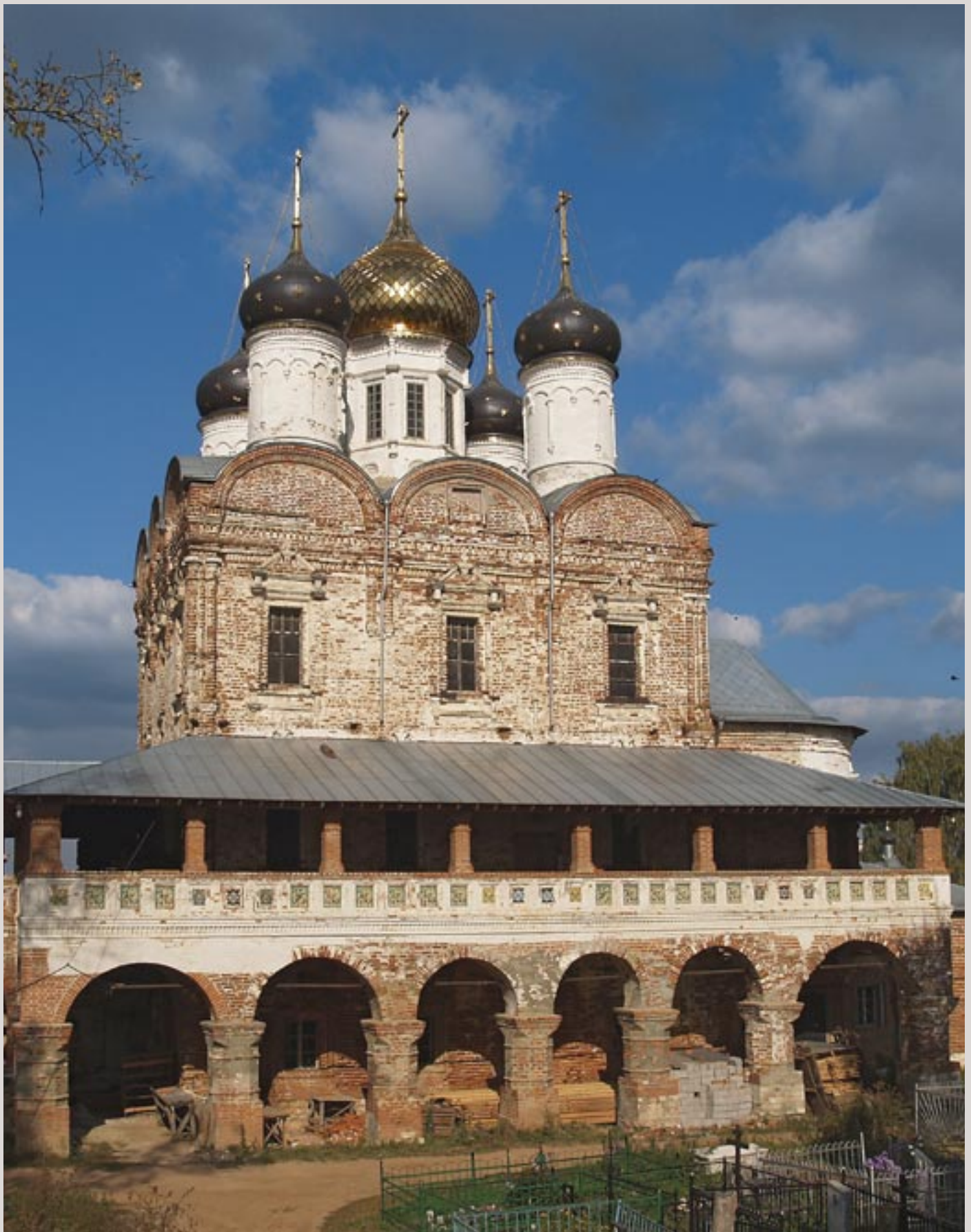

В Кремле на церкви Двенадцати Апостолов стоят необычные так называемые Кийские кресты, и как раз на фоне Кремлевского дворца съездов народных депутатов; словно Никон в середине XVII века предвидел, что непрямые, но неопровержимые причинно-следственные связи между Просвещением и народовластием (Алексей Михайлович очень обиделся на англичан не только за снятую голову короля, но и за вероотступничество и гордую осанку простонародья) могут привести к появлению сначала парламентов, потом парламентариев, а вскоре и зданий для них – игрушка-то ведь дорогостоящая, и играть надо всерьёз, жалеть нельзя ни противников, ни сторонников; для Никона – если нельзя сохранить даже следы его попытки разумного устройства общества, то надо озаботиться сбережением хотя бы символов этой попытки, самых важных, но и самых лаконичных, в данном случае православных крестов в семиконечном (считая от основания) исполнении, которые скоро четыре сотни лет говорят тихо, но упорно – равновесие в одной голове установить невозможно, это противоречит естеству человека, нужно балансирование сопоставимых по размеру сил, светской и несветской, а явное якобы разделение властей на законную, делающую и наказывающую за нарушение равновесия – немного наивная конструкция, интересная только как умозрительное упражнение, как плод игр просвещённых умов, про равенство, свободу и братство и прочие нереализуемые в жизни, хотя и прекраснодушные намерения, напоминающие ходьбу к горизонту – вот он, уже виден, жаль, достичь никак не удаётся уже которую тысячу лет. Опыт человечества больше, чем может поместиться в головах парламентариев, партий, председателей и начальников – всех скопом и по отдельности. Хуже того, когда в одной голове помещается и создание смыслов, и их претворение в жизнь – беда неминуема. Планы всегда прекрасны, претворение всегда ужасно. Кто-то со стороны всегда должен то подсказывать, то останавливать меченосную сильную руку, то направлять её на созидание того, что не руки придумывают, а головы. Кто начал – теперь сказать трудно, кто-то, там, далеко, где ещё не было даже Ветхого завета, из ближних вспоминаются митрополиты Пётр, Алексей, Макарий, Филипп, патриархи Иов, Гермоген, Филарет и особенно Никон, который по энергии и отчаянной смелости мысли не уступал ни Вольтеру, ни Ленину. Жаль, что Ферапонтово (место ссылки Никона далеко за Вологдой) никак нельзя сравнить с Фернеем (место отшельничества Вольтера), но фреска Николы Угодника была видна всё-таки Никону! Интересно было бы узнать, из властительного населения Кремля, за прошедшие века, начиная прямо с Петра I и вплоть до самого Тимашова, хоть кто-нибудь услышал крик этих символов? И уж точно не сенаторам и депутатам вняты эти смыслы – не потому что образования или сметливости недостаёт («справить не капабель», поелику ума малого, как писал кн. Б.И. Куракин про вторую супругу Алексея Михайловича), а потому что в одну штанину вставить две ноги можно, но передвигаться сложно – всё жмёт, даже голову, никак не разгуляться, хотя интенции-то есть.

Кремль. Патриаршие палаты с церковью Двенадцати Апостолов (1635–1656 гг.)

Фаустово. Зосимо-Савватиевская пустынь. Троицкая церковь (1654 г.)

Поярково. Рождественская церковь (1665 г.)

Батюшково. Никольская церковь (1666 г.)

Ростов. Надвратная Воскресенская церковь (1670 г.).
Золотое завершение башни за церковью – деревянный лемех.

Ярославль. Никола Мокрый (1672 г.) «А всё-таки она падает!» Если сейчас на неё нельзя смотреть, не задохнувшись от восторга, то как же она будет выглядеть, когда найдутся средства на уничтожение плоской крыши и восстановление закомар, а для верхних плоскостей в них найдётся какой-нибудь псковский живописец, новый Дионисий; из согбенной старухи в сером шерстяном платке выпорхнет стройная царь-девица, образуется стан, отвечающий за осанку и стать, переменится высота, всё в облике преобразится. Эжен Виоле лё Дюк всё-таки был прав: даже если бы скатную крышу учинили уже при строительстве, само наличие этих полукружий говорит о намерениях авторов, да и не мог подмастерье каменных дел слепить такую несуразицу, которая явлена нам.

Тайнинское. Благовещенская церковь (1677 г.)

Комягино. Сергиевская церковь (1678 г.)

Теряево. Иосифо-Волоцкий монастырь. Петропавловская надвратная церковь (1679 г.)

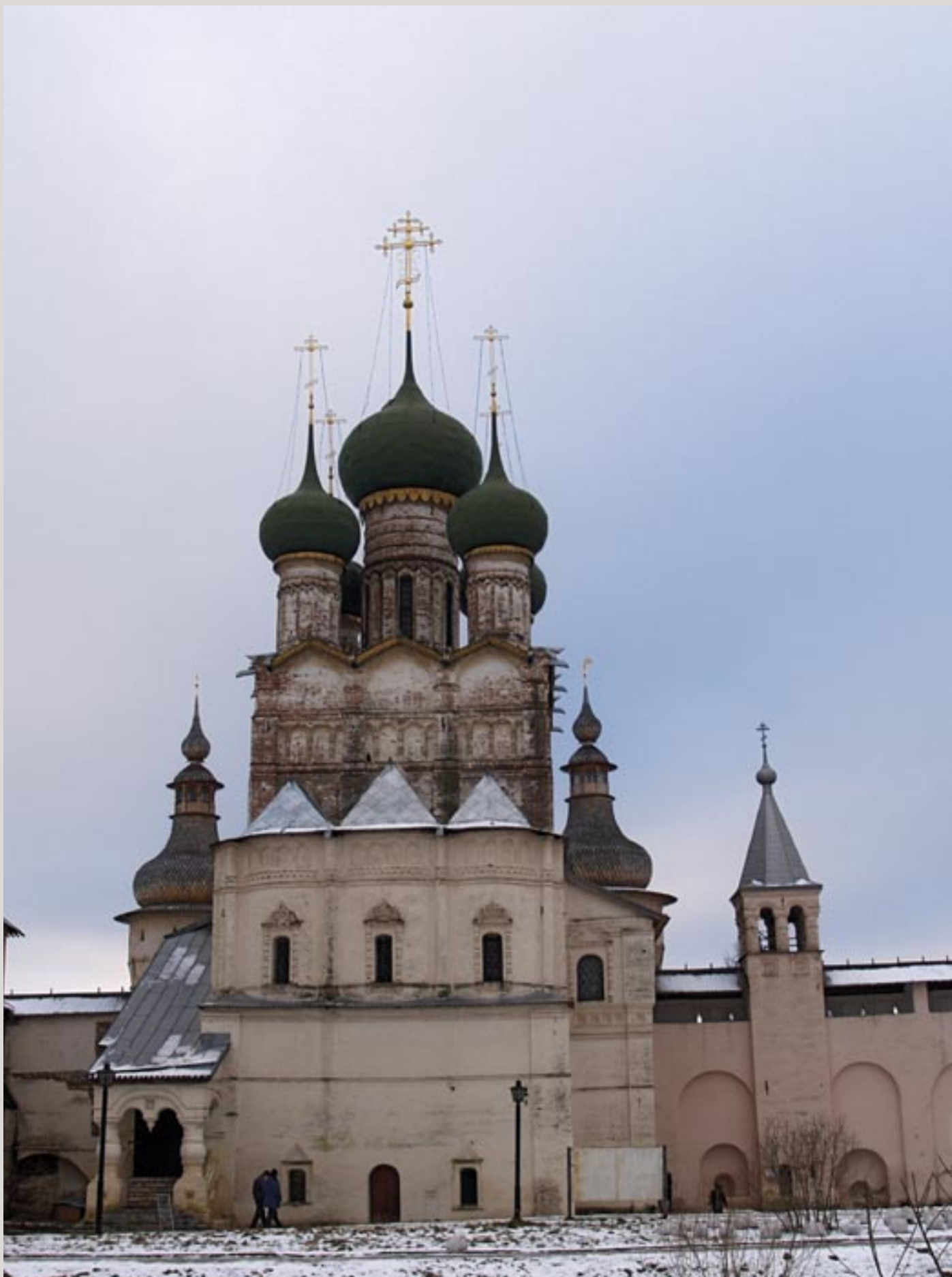

Марково. Казанская церковь подворья московского Покровского монастыря (1680 г.)

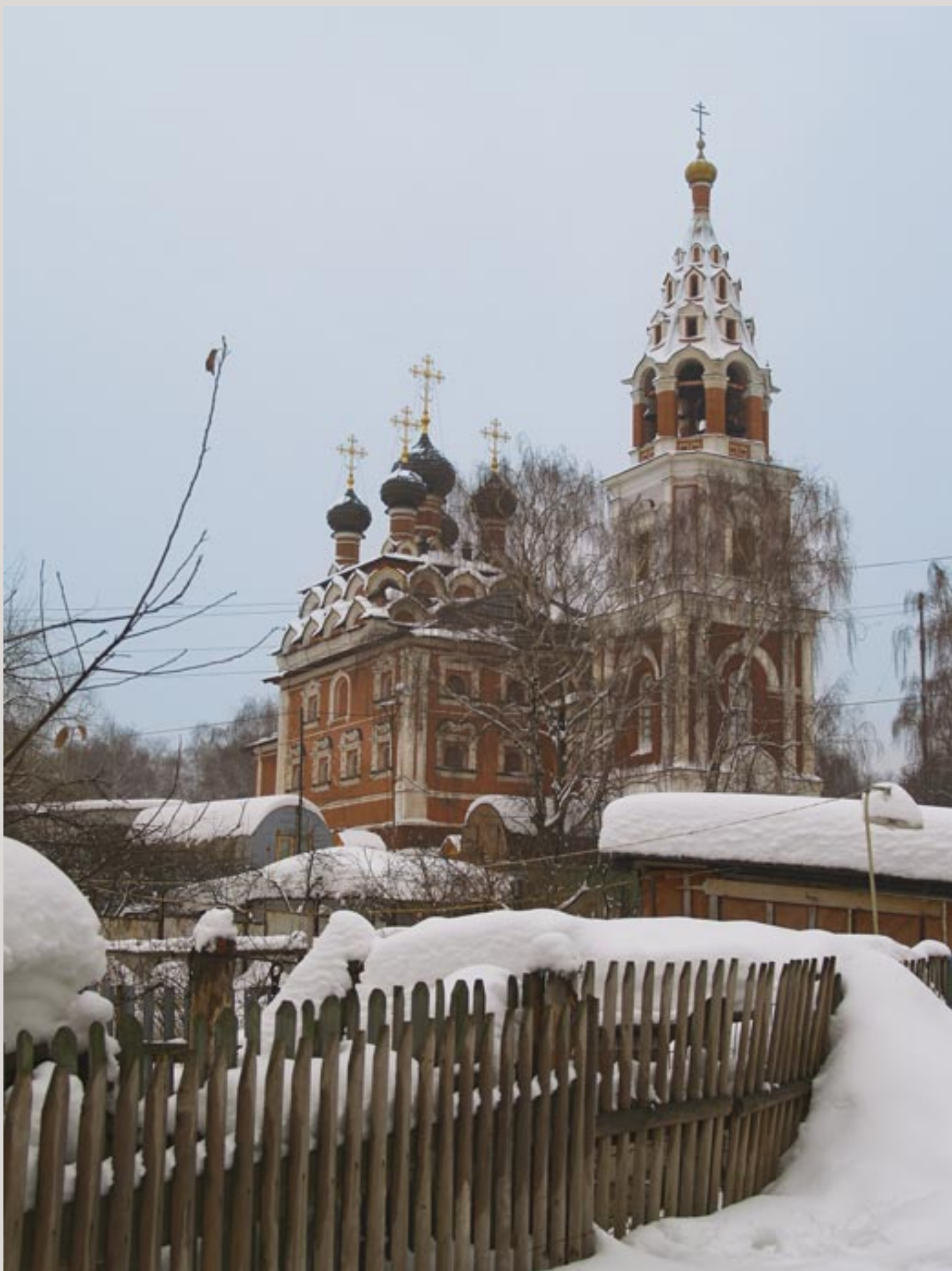

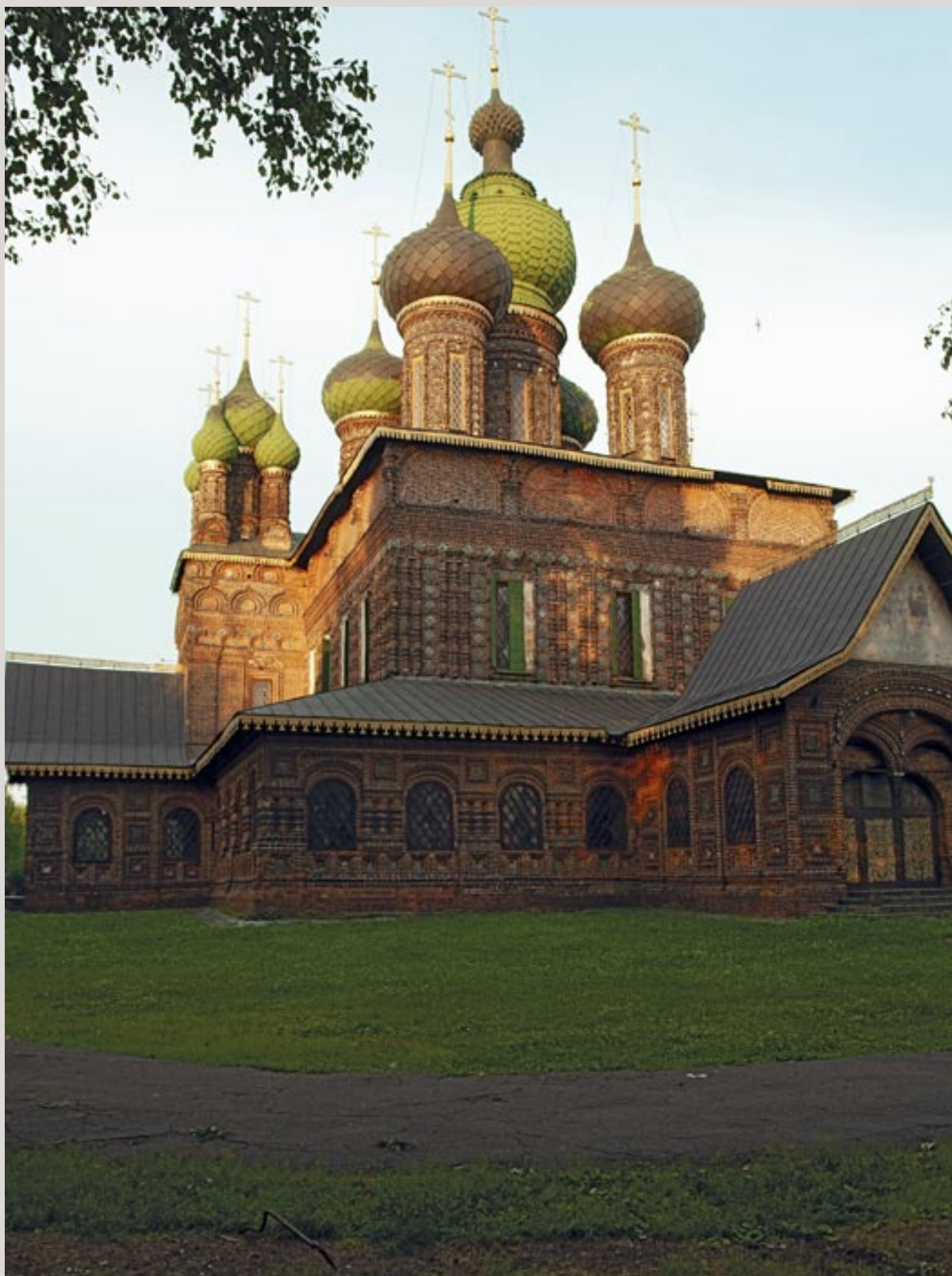

Ростов. Надвратная церковь Иоанна Богослова (1683 г.)

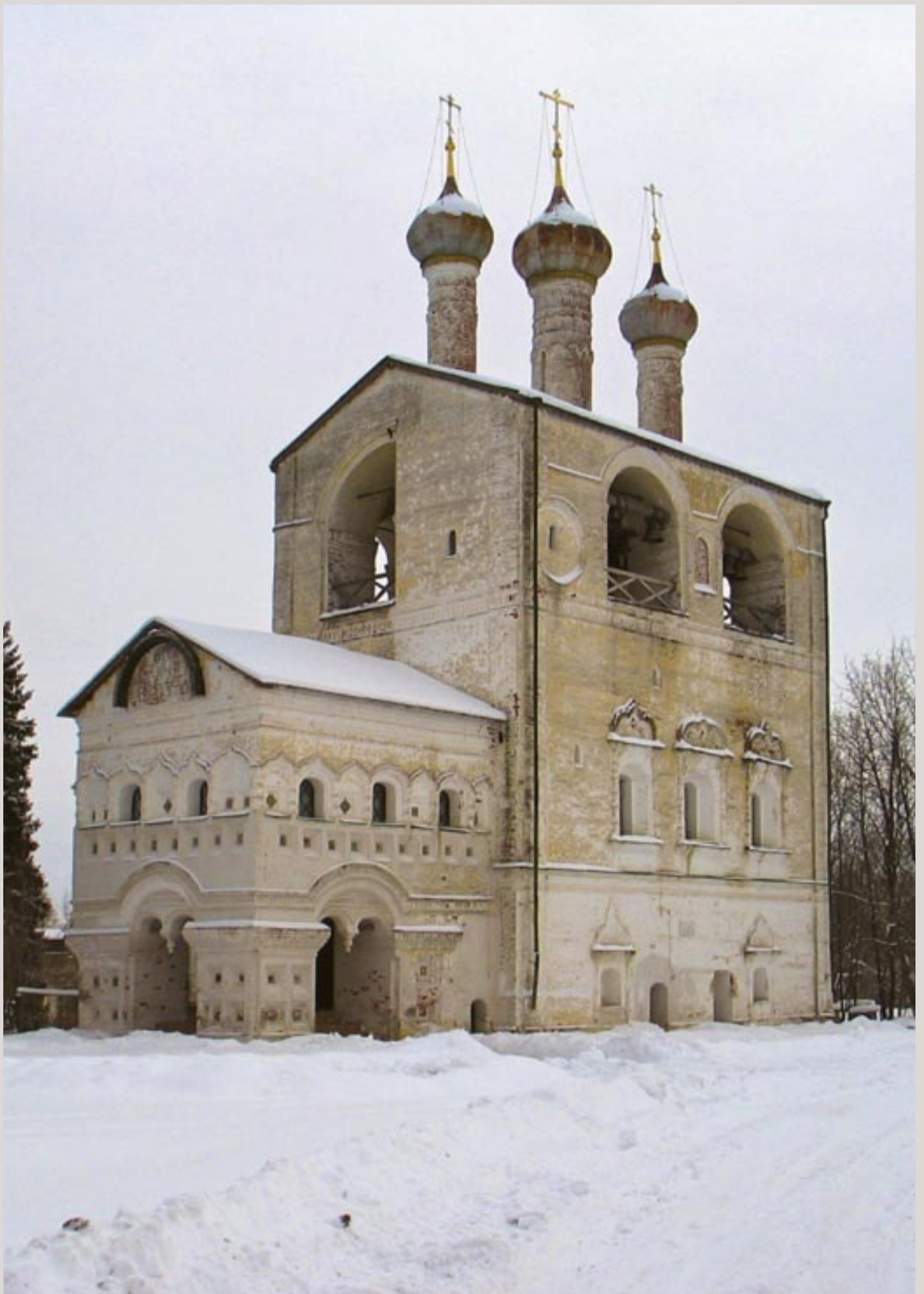
Ярославль. Церковь Иоанна Предтечи (1684 г.)

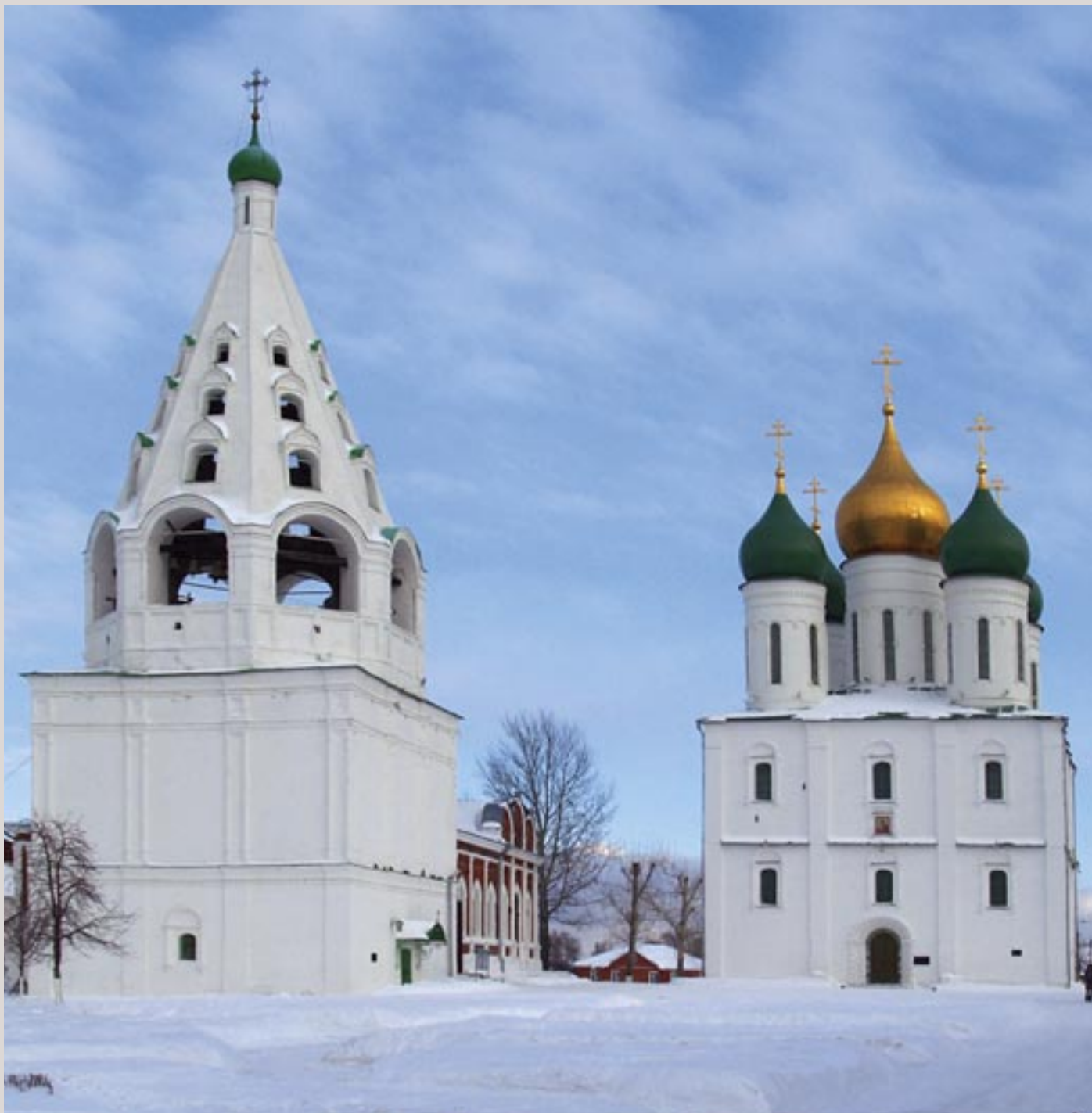

Аннино. Знаменская церковь (1690 г.)

Коломна. Успенский собор (1682 г.) и савёловская колокольня (1692 г.)

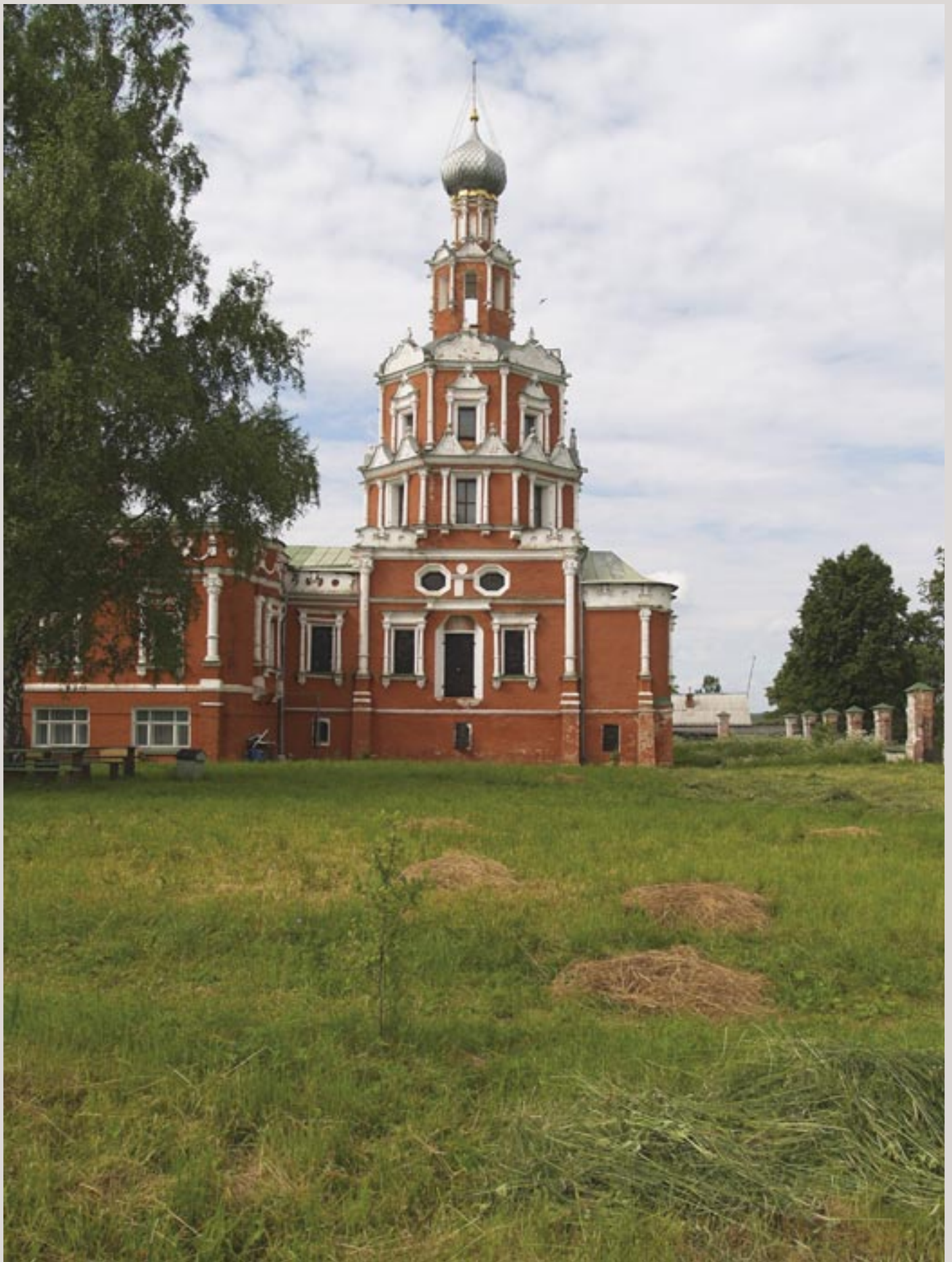
Можайск. Лужецкий Ферапонтов монастырь. Савёловская колокольня (1692 г.)

Бородино. Рождественская церковь без гульбища (1701 г.)

Сенницы. Вознесенская церковь (1709 г.)

Оке, вроде бы, и не имеет отношения схематический набросок из 1695 года, такие были и в других местах, не только в Тарусе. После кончины Фёдора Алексеевича прошла почти 15 лет. Царевна Софья с В.В. Голицыным и Ф. Щегловитым потерпели поражение в борьбе с Петром Алексеевичем и Нарышкиными, уже не юный, но молодой государь метнулся на полтора года за рубеж, отчаянно там порезвился, на голландцев произвёл впечатление трудоспособностью и тем, что попробовал спать в шкафу, на англичан – навыком пачкать стены предоставленного жилья после поглощения весьма уважительного количества хмельного зелья. Пубертатный период, проведённый в Немецкой слободе Москвы в основном, пробудил интерес к людям и землям, которые навсегда оказались связаны со взрослыми удовольствиями и взглядом на них снизу вверх. Такой способ и путь возмужания, когда вместо систематического образования и усердия в учебных трудах жизнь преподносит либо невиданные ужасы, как стрелецкие бунты и государственные перевороты с поднятием провинившихся и невиновных на пики, отсечением голов и усаживанием на кол, либо невиданные удовольствия, когда культура как система внутренних, собственных запретов не может даже начать формироваться, потому что «можно всё везде всегда со всеми совсем», такой способ взросления обеспечивает не только вздорный характер, чего за Петром I никто не отрицает, но и отсутствие тёплых якорей, которые держат душу в том лоне, где она выросла, стоит поманить более вкусным калачом, и ржаная лепёшка не нужна, скорее противна. Детская привычка искать телушку получше непременно за морем отбивает вкус к молоку. Поразительным манером это статс-западничество ни разу не было поставлено Петру I в вину, ни в литературе, ни в историографии, разве что староверы не устают считать его антихристом, но общие генеральные (в данном случае это слово очень годится) восторги запрещают сбалансированный взгляд на него, даже когда здравый смысл не запрещает присмотреться более трезво, не критично, не с пристрастием, а взвешенно, видя не только взыбленного коня и простёртую длань, угрожающую шведу в ослепительном блеске золотых струй Петергофа, но и инициал из издания «Тарантаса» В.А. Соллогуба (СПб., 1845): из покосившейся избы крестьянские руки держат колоннаду каменного портика – фасад убедителен, а что за ним, неважно.

Это неважное оказалось обладающим такой прочностью, что в XXI веке в тверских лесах и на псковщине есть деревни, внешним видом не отличные от тех картин, которые открывались при поездках не только Фёдору Алексеевичу, но Иоанну Васильевичу, а может быть, и Василию Иоанновичу, не только без асфальта, отапливаемых клозетов и беспроводной связи, но и без электричества, потому что какие-то мужики 30 лет назад срезали провода, а руки, державшие фасады, давно сгнили в земле вместе с туловищами, из которых росли. И то сказать, триста лет новые и новые поколения, зная и не зная А.Н. Некрасова, жили только и исключительно в соответствии с парадигмой, им отчеканенной – «...укажи мне такую обитель...»; исключения тем ярче, чем реже.

никольская земля

Егорьск

Земля пахотная торушан
посацких людей

и от воротич и от колуской дороги
до повороту 37 сажен

От сего столба до столба пополаби Абячковы дворы 96 сажен
От того столба до столба ж 47 сажен

колуская дорога

Выпускная земля торуских жителей

дворовые пустые места что отведен
по книгам Архангельского собора
священнику Власию Епифаниеву

вверх по сухому потоку что словет бядейка

Сухой

до николаевской земли от речки

посацкия дворы

проток

колуская

что словет бяда

дворы поповские

Соборная

церковь Афонasia Великаго

Ока

Родилась эта парадигма, этот образец поведения и жизни – из победительного презрения Петра Алексеевича Романова к своим подданным. Некоторых любимчиков, здешних и иноземных, можно было терпеть лучше и дольше других, но удовольствие посадить кого-нибудь на кол или, ещё веселее, повесить напротив окон вдовы и запретить снимать месяц-другой – всё-таки одерживало верх. Все достижения и все провалы Петра Алексеевича описываются с искажённым употреблением слова, которого как будто и не было в его словаре: человеческое достоинство стало измеримым – деньгами, титулами, десятинами, шестёркой лошадей в выезде, должностью, чином, эполетами, наградами. Чиновник высшего класса не сомневается в том, что он не просто выше, а лучше чиновника низшего класса; мысль о том, что достоинство может быть у людей, вообще не ранжированных никак, ничем и никем, не помещается ни в какую голову благодаря его стараниям. Когда горизонт прогресса приобретает ощутимые географические очертания («вот как там»), достоинство человека путается с его ценностью для исполнения назначенного прогрессивного дела, и даже мешается. После XVII века немислимо судебное разбирательство, оставившее документы, между двумя различными торговцами на

наплавном мосту через Москву-реку у стен Кремля, у одного морковь, у другого мягкая рухлядь. Тот, что с мехами, для показа товара потряхивает его перед покупателем, летит пыль. Продавец съестного возмущён: портит товар, отпугивает покупателя. Шум, гам, площадная брань – обычное дело. Необычен исход – судебное дело, а не синяки, перевёрнутые прилавки и мордобою со слезами. Попранную честь (то есть достоинство) мельчайшего торговца можно было защитить в суде. После Петра об этом и помыслить смешно – запрет на челобитные и есть условие для распухания представлений о до-

стоинстве в полном соответствии с продвижением по служебной лестнице, вплоть до Городничего и Ревизора. Препятствия для потока информации снизу, через челобитные, создаёт условия для формирования относительно самостоятельных потоков жизни, верхнего и нижнего, и каждый сам по себе. «Подальше от начальства, поближе к кухне». Приведённый чертёж касается, скорее всего, писцовых описаний земельных владений в городе Таруса, и сделанн для верификации собранных сведений в некую итоговую презентацию, что, где, у кого есть, чтобы упростить налогообложение и разрешение возможных будущих споров.

Белопесоцкий монастырь сохранил гульбище с трёх сторон, что удавалось далеко не всем. Правда, два крыльца, на юге и на севере, для чего-то всё же стали кирпичным месторождением, но это становится ясно только тем, кто сознает размер утраты. Чтобы войти и выйти, конечно, достаточно и одного крыльца, сколько бы ни было прихожан или прохожих. Переменилась не физическая доступность, а общественная роль церкви и Церкви, изменилась степень её открытости, её приветливости, готовности служить, то есть образ, а лучше сказать, лик церкви – без крыльца, как без лица, затылок оттуда, загривок отсюда. Что произошло раньше – слом лица или обретение новой общественной

Окно запирается изнутри: сначала сплошной заслон закрывает оконный проём, потом брус вставляется правым концом в простое квадратное отверстие справа, а левый конец заводится и опускается в нишу более сложной конфигурации; открыть снаружи очень трудно, чаще используется для запора дверей.

В надписях на камнях надгробий Лужецкого монастыря среди прочего поражает их эстетическое совершенство, совсем отсутствует так досаждающая полиграфистам шрифтовая не бедность, но недоразработанность кириллических шрифтов по сравнению с латиницей; последнюю, насколько известно, попытку преодолеть эту дистанцию предпринял в первой половине XX века С.Б. Телингатер.

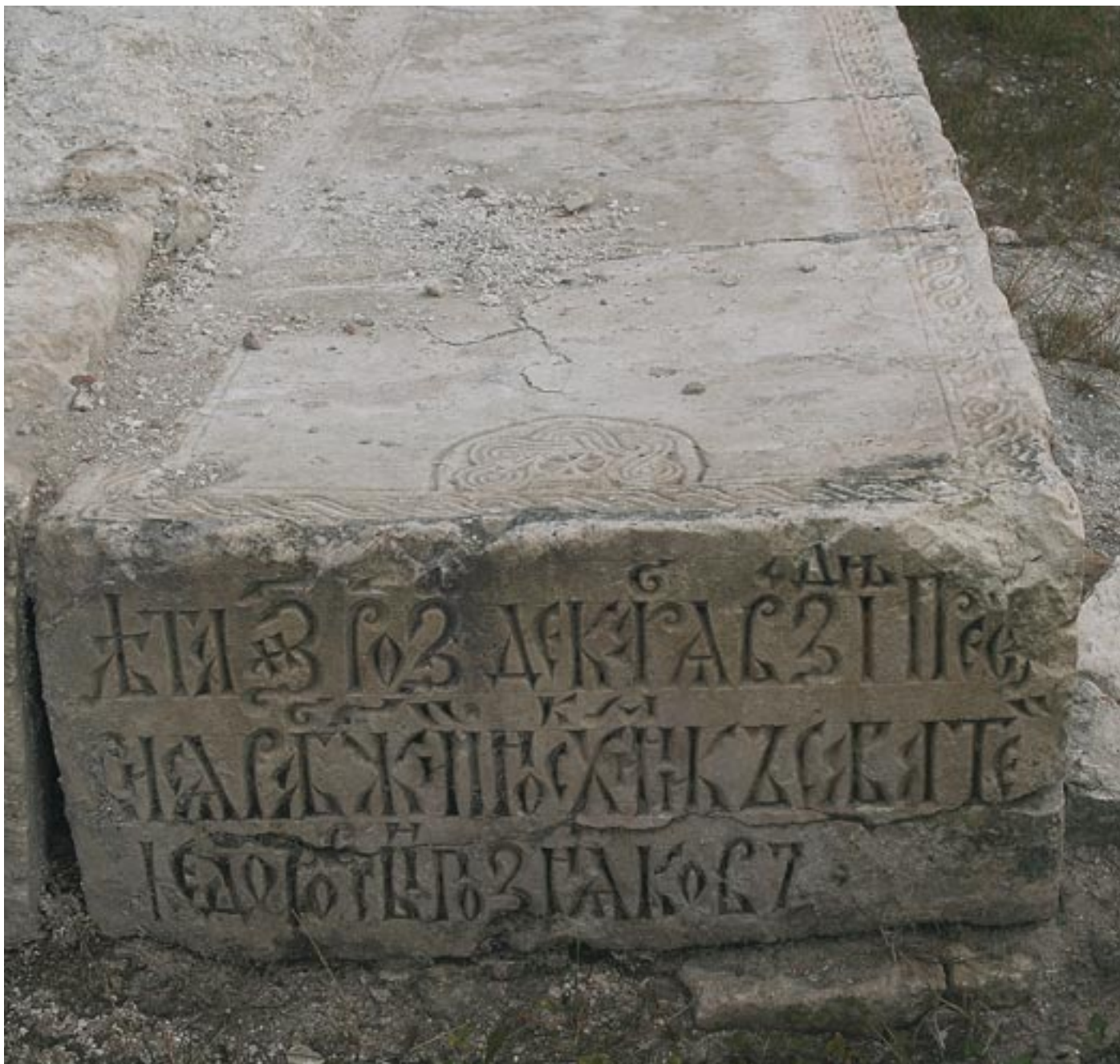
роли – неизвестно, но совершенно точно, что восстановление роли без воссоздания лица не представляется возможным. Плоские крыши, срубленные закомары, воздушные шарики вместо куполов, срубленные топором оконные наличники с очельями – ужасно всё, всё портит облик любой церкви, но нехватка лиц хуже, чем нехватка ног. Здание без двух крылец хромает на две ноги, даже когда гульбище осталось, привязки к земле становится меньше.

Реставраторы попытались скрыть этот недостаток, даже кирпичики выступающим углом в линию построили, как слева и справа от выходов, и стенку над несуществующими ступенями до некоторого уровня подняли, но всё же нелепость не скрылась. На севере два восточных проёма заметно уже двух западных, что может озадачить праздношатающегося наблюдателя: зачем не сделали ровно? Целеполагания у строителей могло и не быть – а низачем, так получилось, потому что за косым восходом крыльца левые и правые арки одновременно на глаза редко попадались.

Но и просто так восстановить оба крыльца непросто, даже когда кирпича станет вдосталь. Существующее западное крыльцо, конечно, не однажды ремонтировалось и, вероятно, переделывалось. Но всё же есть вероятность, что и построено оно было изначально вкривь и вкось, несмотря на аккуратные горизонтальные ступени и ухоженный, без явных изъянов вид. Взгляд снаружи радует, а изнутри тревожит: это для чего же так-то? Уже снизу что-то смутно вызывает подозрения, а сверху вниз, из гульбища, нельзя не заметить – разность между левой и правой стенками над ступенями случайно, от неумения или от небрежения появиться не может, так делали нарочно, с неведомой целью. Не может же,

ЛЕТА 7159 ГЕНВАРЯ В 5 ДЕНЬ
ПРЕСТАВИСЯ РАБА БОЖИЯ
ТАТИЯНА ДАНИЛОВА
ВО ИНОЦЕХ СХИМНИЦА
ТАИСЕЯ

ЛЕТА 7177 ДЕКАБРЯ В 17 ДЕНЬ
ПРЕСТАВИСЯ РАБ БОЖИИ
ИНОК СХИМНИК
САВАТЕЙ ФЕДОРОВ СЫН
РОЗНЯКОВ

в самом деле, статья, что строителям пришло в голову подумать о разнице в освещении при подъёме и при спуске за то время, что потрачено на слушание службы? Или чтобы идущие по ступеням охотнее смотрели налево, чем направо? Это уж совсем какое-то древнеегипетское хитроумие.

И если они так схитрили тут, на каком основании можно отрицать, что в северном и южном крыльцах они не исхитрились как-то ещё? В этом, западном, главном крыльце дверной проём в гульбище сделан ровно напротив дверей в храм, один центр створок (в гульбище дверей не осталось, но петли есть) против другого; зачем вся лестница с ползучими арками под ступенями сдвинута влево? Ведь какая-то архитектурная надобность это продиктовала. Вдруг и в тех крыльцах что-то было? И пока не станет ясно, что именно, какая надобность, и трогать не надо.

Краеугольный могильный камень в основании храма имеет более основательное право так именоваться, чем простая полезность окончательно забытого камня над окончательно забытым человеком, который хоть так можно пристроить к делу. Только работники кладбищ знают, через сколько лет камень становится на могиле не памятником, а камнем, но их спросить недосуг. Лучше подумаем о людях хорошо, скажем, лет через двести есть вероятность, что помнящие перевелись и камень от людей вернулся в природу, лежит себе и лежит, ни о ком никому не напоминает.

В Лужецком монастыре сохранился целый фундамент Ферапонтовского храма, собранный из камней, некоторые с именами, но мало, почти все безымянные, как саркофаги в Донском монастыре под большим собором. Может быть, в стыках торцов камней попадаются ещё имена, но разбирать только для того, что прочесть, записать и опять забыть – немыслимо. Хочешь – не хочешь, а камень давит на ум, заставляет понять, принять и согласиться: в слове ‘религия’ ещё не умер первоначальный латинский смысл перевода: ‘восстановление связи’. Между дедом, отцом, сыном и внуком есть связь, чувство, привязанность и все прочие оттенки канатов, которые создают и возвращают связи между поколениями, когда неотданные долги старшим заставляют прощать долги младших. Стоит добавить ‘пра-’ сколько-нибудь раз – и всё, образ померк, тень заколыхалась, превращаясь в привидение, и десятки и сотни людей, связанных такой же связью ‘отец–сын’ оторвались безнадежно, их опыт, умения, старания, чувства, словом, вся жизнь – уже отделены забвением от современных жизней. Каждый прадед – это подвижный ноль, с которого начинаются те трое, кто его помнит, потом ноль перемещается направо на одну единицу, потом следующий отец становится дедом, а сын отцом. Нет другого способа восстановления связи с предыдущими, нет другого способа воздать им должное, поклониться им и почитать их, кроме как положить камни в основание храма, даже чужие камни.

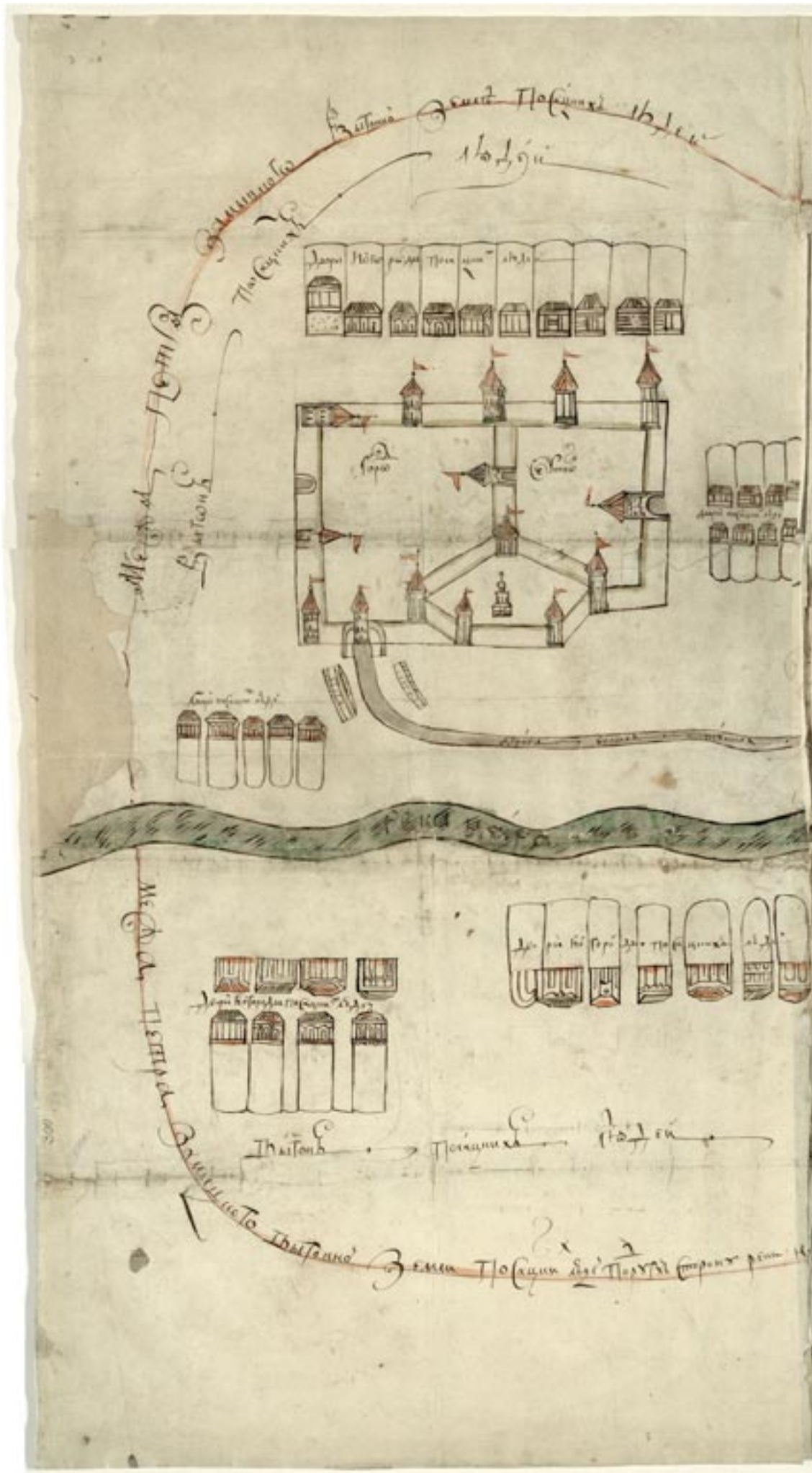
СЕРПУХОВ

ез увеличения трудно работать с картой Серпухова с правкой Петра Замыцкого (вероятно, это был Пётр Иванович Замыцкой, стольник, привлекался к разбирательству «дела христоверов», с 1703 года московский дворянин, суджанский воевода в 1706–1707 годах, †1711). Она интересна сюжетом, датировкой и зелёным пятнышком западнее Высоцкого монастыря. Род Замыцких корнями уходит в древность нескольких веков, а про именно этого Петра известно немного. Пётр Замыцкий имел отношение к исправлению карты, составленной по инициативе монастырских настоятелей, строителей и казначеев, чтобы закрепить сложившееся землеотведение и

1	2
3	4

1	2
3	4

1	2
3	4

РГАДА. Ф. 1209.
 Оп. 77. Алексин.
 Стб. 30972. Д. 12.
 Л. 174а

1	2
3	4

людей

Серпухов

дворы посацких людей

большая

тульская

Боровая монастырская земля

Дворы поповы

церковь
миро

святых жен
мироносиц

и монастырских бобылей

селцо мироносицкое посацких людей

гумны посацких людей на боровой монастырской земле

Дуг высокоцкого монастыря что написан в писцовых книгах Федора Шушерина 135 и 136 и 137го году на пятьдесят копен

подмонастырной огород высокоцкого монастыря

Посадки людей

Серпухов

Дворы посадских людей

дорога большая тульская

Боровая монастырская земля

Дворы поповы

церковь миро

святых жен мироносиц

и монастырских бобы

Гумны посадских людей на боровой монастырской земле

Дуг высоцкого монастыря что написан в писцовых книгах Федора Шушерина 135 и 136 и 137го году на пятьдесят копен

Дугъ высоцкого монастыря
описанъ в писцовых книгах
Федора Шушерина 135 и 136
и 137го году на пятьдесят копен

Подмонастырной огорода Высоцкого монастыря

Съездъ Писецкого Митра

Бор Высоцкого монастыря

лей

Высоцкой монастырь

Гумно высокоцкого монастыря

Тумно въ оушнѣ
Митра

овины
овины

Скотской двор

лоза

а на ней грань от лозы написал
Петр Замыцкой по мелницу Вы-
соцкого монастыря

Гостиной
двор

Конюшей монастырской
двор

тыря

Съездъ Писецкого
Митра

Подмонастырняя слобода

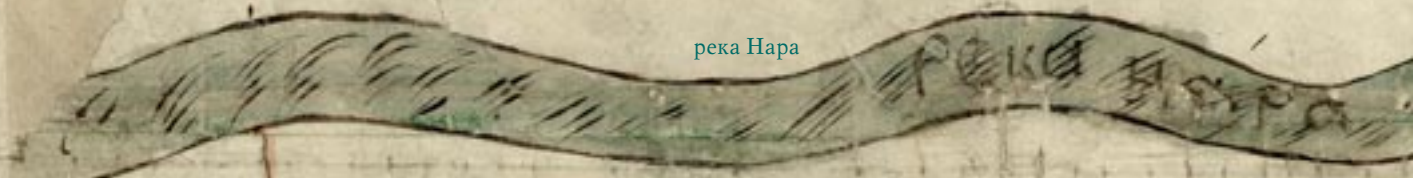

Дворы посацких людей

дорога большая тульская

река Нара

Межа Петра Замыцкого

Дворы и огороды посацких людей

Выгон посацких людей

Тытонец Поисшиха

Земли Тытонец Поисшиха

Межа Петра Замыцкого выгонной земли посацких людей по другую сторону реки Нары

Луг высокоцкого монастыря что написан в писцовых книгах Федора Шушерина 135 и 136 и 137го году на пятьдесят копен

Подмонастырной огород Высоцкого монастыря

Дворы и огороды посацких людей

Земля Высоцкого монастыря за рекой за Нарой

Межа Федора Шушерина большая по писцовой книге до подборной дороги

Дворы и огороды посацких людей

Межа Петра Замыцкого новая

Петр Замыцкой же монастырской земли отмежевал к посацкой земле четверть

Петр Замыцкой к Владычьи монастыря

подборная

Владычьи монастыря

Дуг высокоцкого монастыря что написан в писцовых книгах Федора Шушерина 135 и 136 и 137го году на пятьдесят копен

Дорога Большая Тульская

дорога большая тульская

Царя шига Федора
1313 1338 Навалъ же
По мнѣнью росо

Подмонастырной

Дворы и огороды посацких людей

Семь
Зариновъ

Межа Федора Шуше

Дворы и огороды посацких людей

Петр Замыцкой же монастырской земли отмежевал к посацкой земле четверик

цмхъ
и др. ей

цких людей

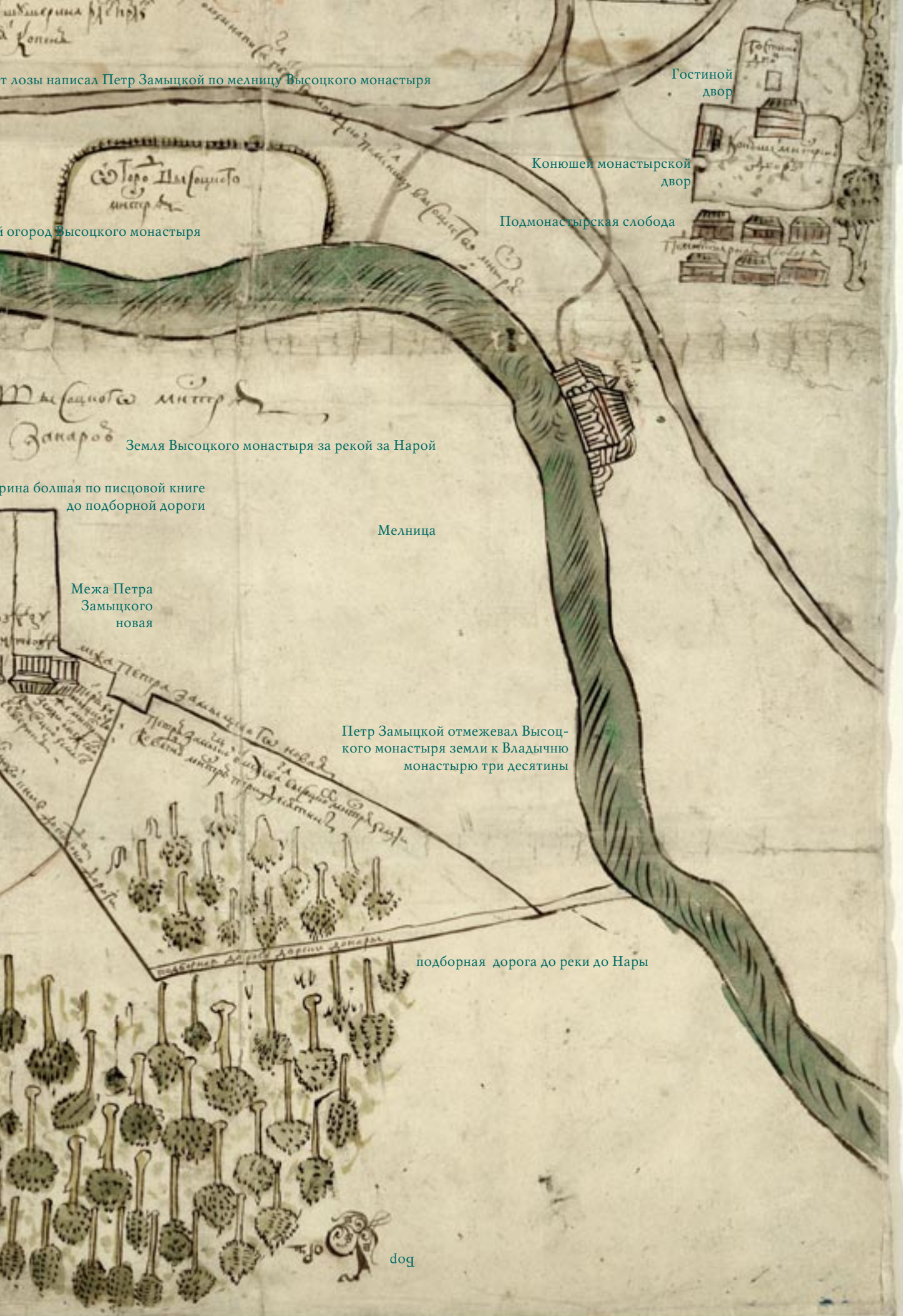
По посацким людям Порубль стороны реки Нары

сацких людей по другую сторону реки Нары

Владычня монастыря

Владычня монастыря

Гостиный двор

Конюшей монастырской двор

Подмонастырская слобода

Мелница

Межа Петра Замыцкого новая

Петр Замыцкой отмежевал Высоцкого монастыря земли к Владычню монастырю три десятины

подборная дорога до реки до Нары

дог

Земля Высоцкого монастыря за рекой за Нарой

Город Высоцкого монастыря

дорога большая по писцовой книге до подборной дороги

Гостиный двор написал Петр Замыцкой по мелницу Высоцкого монастыря

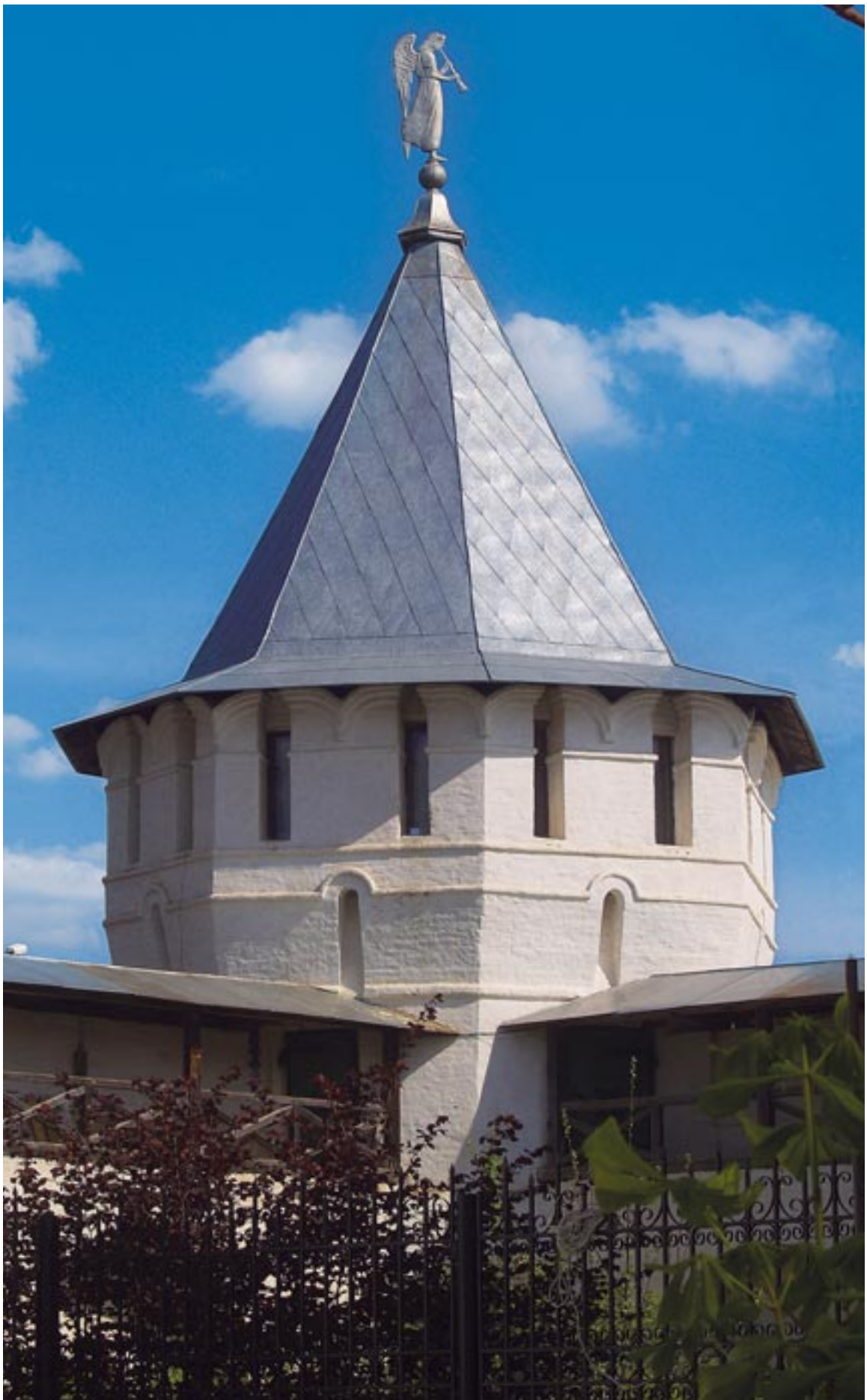

землевладение околмонастырских сельскохозяйственных и природных угодий (луга, пашни, овины, леса). По карте, составленной не без живописного мастерства и старательности, он, по всей видимости, прошёлся лихим пером с красноватыми чернилами, щедро наделяя или беззаботно обездоливая группы людей, кормившихся с этих угодий; вердикт их не устроил, и они оставили сдержанные комментарии прямо на карте. Межа Фёдора Шушерина почти столетней давности не совпала с межей Петра Замыцкого в области, где соприкасались владения Высоцкого и Введенского Владычного монастырей. Судя по тому, что сначала над уже готовой исходной картой потрудился Пётр Замыцкий, проведя межи, потом власти Высоцкого монастыря, пожелавшие спасти свои владения в открытом разбирательстве, бумага должна была сопровождать устное или, скорее, письменное челобитье в подходящую

Отголоски итальянской архитектуры в Высоцком монастыре.

Гульбище Зачатьевского собора.

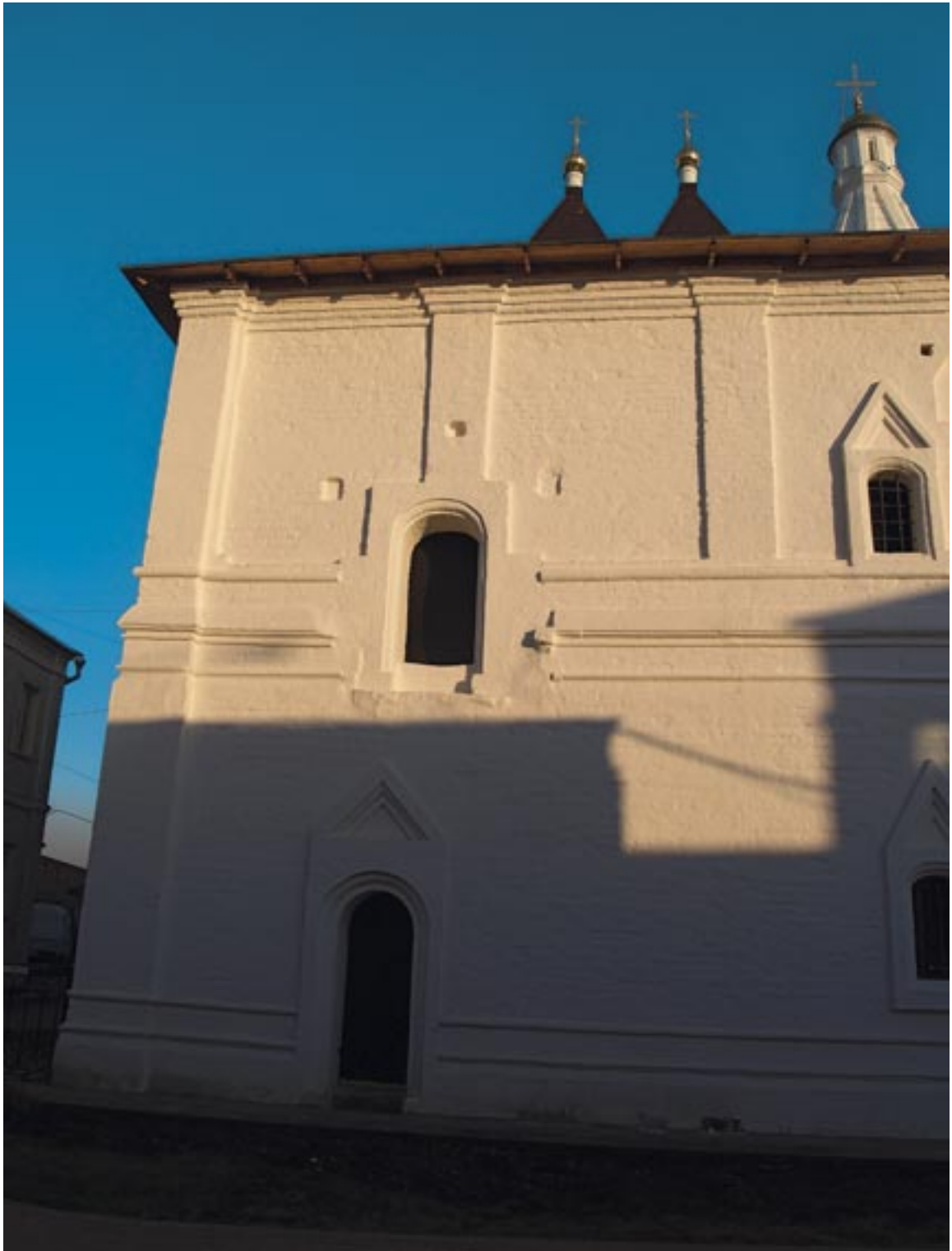

Земли между Высоцким и Владычным монастырями,
из-за которых разгорелся спор во второй половине XVII века

инстанцию. Спор шёл из-за трёх десятин, перешедших в результате межевания Петра Замыцкого от Высоцкого монастыря к Владычному неподалёку от его лесных угодий, и из-за четверика, отошедшего к посадским людям.

Установить дату карты по рисунку храма трудно, но некоторые ориентировочные отметки можно сделать. Нынешний собор имеет гранёные барабаны глав; какие нанесены на рисунок, определить нельзя, кроме числа «пять», но никаких сомнений в том, что под главами на рисунке есть кокошники, нет, хотя автора больше интересовало двухъярусное гульбище, изрядно устроен-

Три нишки над дверным проёмом второго этажа – вероятно, понадобились для балок перекрытия крыльца, на которое теперь нельзя ступить, потому что нужда в нём появилась недавно, а как сделать – никто не знает, технологии прогрессивно удалились куда-то вперёд.

ное (как и северо-восточный придел Рождества Богородицы, тщательно вырисованный и снабжённый крестом на главе) в первой половине века и поныне составляющее одну нечастых и в округе, и в дальних краях достопримечательностей собора; плоская крыша, вероятнее всего, относится именно к гульбищу, а не ко всему собору, поскольку нынешняя высота достигнута при перекладке сводов и глав после 1696 года. Своды Зачатьевского собора переложили в 1697 году, следовательно, карта составлена раньше. Сергиевская церковь в 1679 году к югу от собора заменила Никольский придел Зачатьевской церкви. Разбор старых конструкций, возведение на новую высоту стен, кладка барабанов и устройство новых глав скорее всего меньше года не заняли. Тогда время составления карты – эти полтора десятка лет, от 1679 до 1696. Незнакомая колокольня около Сергиевской церкви, как и трёхшатровая (1624 года) надвратная церковь, и церковь Афанасия Великого с горкой кокошников – мало помогают датировке.

Хочешь не хочешь, а Высоцкий и Введенский монастыри приходится сравнивать, потому что они расположены поблизости друг от друга, и поневоле приходит мысль, что род Нарышкиных, «курировавших» в конце XVII века Высоцкий монастырь, заложил тогда такое отношение к нежилым строениям, которое легко допускало самую необходимую, но непременно смелую модернизацию, уж делать, так делать, навека и крепко, сизнова, на новых основах, с новыми технологиями. Такой подход обеспечил очень внушительный внешний вид монастыря, впечатляющий и отпечатывающийся, что надвратная церковь (вместо трёхшатровой), что верх Зачатьевского собора (кокошники пропали, высота пришла), что колокольня около собора (сгинула без следа), что Сергиевская церковь (напрочь потерявшая остатки архитектурных хоть каких-нибудь черт), что крыльцо почти на месте Афанасьевской церкви (эту, правда, снесли только в 1967 году) – всё, кроме гульбища собора, упрощает и обедняет архитектурное «меню», сводит его к расписанию блюд на бумажном листочке, прищипленном к стенке у входа в заводскую столовую. Так сложилось, и нынешних, и прошлых хозяев в этом винить не приходится, так повелось, одно к одному и пошло.

Во Введенском Владычном монастыре тоже хватает новин, и пластиковых переплётов окон в арках XVII века, и безликих стенок со слепыми окнами, и дверей вторых этажей, отрывающиеся изнутри в пустоту, потому что нет деревянного или каменного крыльца к этим дверям, прочих несущих и безвкусиц, но неизвестно почему старина там сохранилась лучше, и такими кусками, что кровь в жилах стынет от изумления, сердце забывает качать. Когда пытаешься разрозненные впечатления собрать в воображаемую картину, нельзя не увидеть: здесь – каменная икона. Ликов нет, клейм нет, а икона есть. Первое и самое простое – здесь в камне воссозданы архитектурные мотивы с самых разных икон, вторые планы, дальние неотчётливые сооружения в их неперспективных проекциях, какие-то домики, колонны, арки, этажи и уровни, переходы и лестницы, нарисованные так, как иконописцы представляли себе Иерусалим, Вифлеем, Назарет и прочую святую древность – всё это собрано в одном месте и выстроено с поистине нечеловеческой смелостью, умением, размахом мысли и незаурядной воли: ведь аналогов нет, даже никоновский Новый Иерусалим

Архитектурные мотивы росписи Крестовоздвиженского собора Романова (контраст увеличен по сравнению с оригиналом).

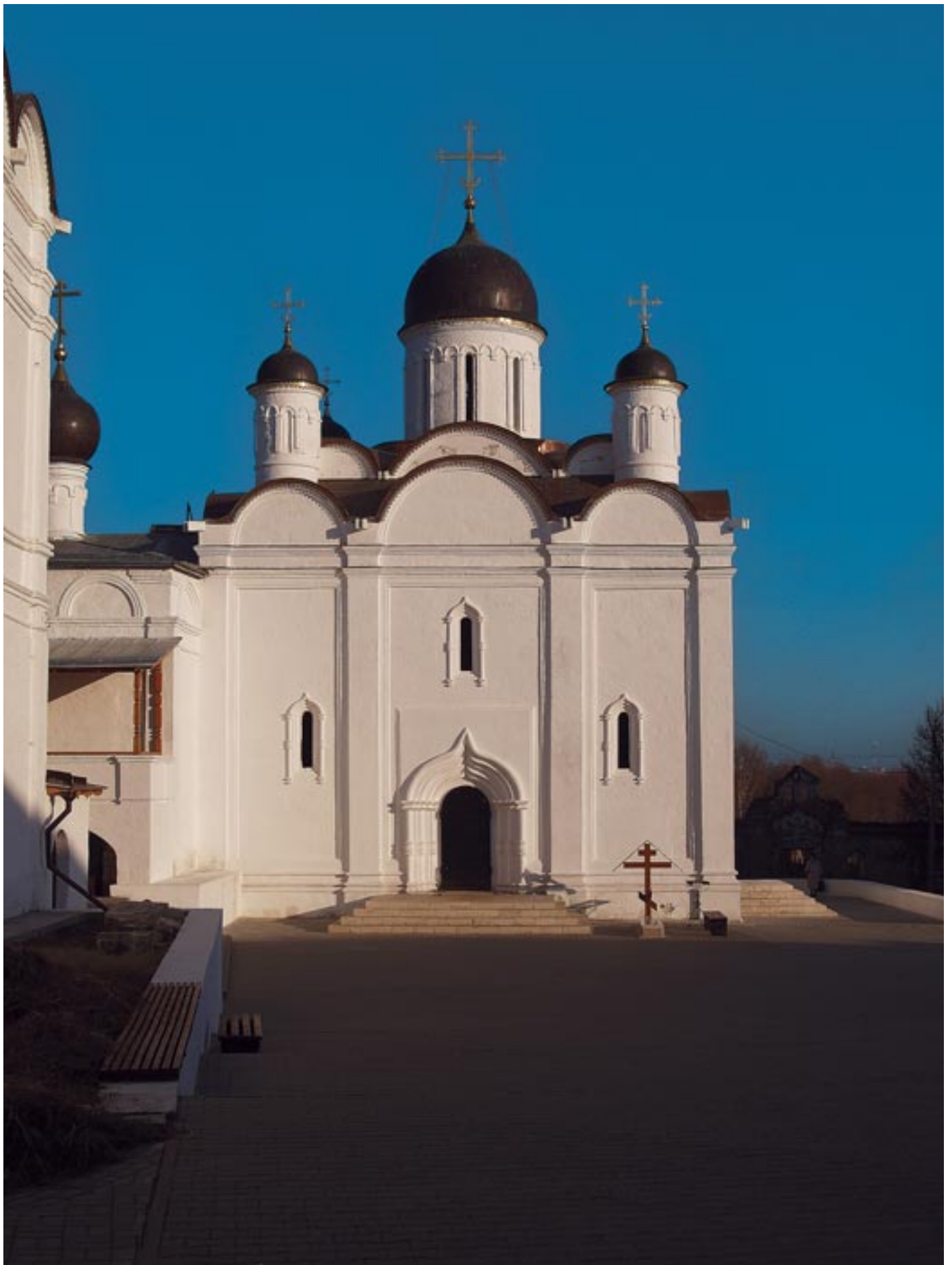

имеет аналог, самый тот, старый Иерусалим в Палестине, где Храм, Моисей, Соломон. В некотором смысле любая сакральная архитектура несет в себе ту же мысль, что и икона – повернуть человека к людям его наилучшей стороной, которая есть и которую надо расшевелить, пробудить, развить, представить её миру в лучшем виде не увещеваниями и назиданием, а как-то сразу более действенно, без слов, одним махом. Но собрание мотивов требует только страсти к усидчивому коллекционированию, всё дело в том, чтобы собранное и подсмотренное у других переплавить в своё; мотивы и детали, переходы и лестницы требуют собирательного образа, цельного, нового образа здания в камне, и это не церковь, не жильё, не стадион и не пантеон, это здание иконы. Или икона здания. Иконолит.

Вот это кажется, чудится, или мерещится? Нет, кажется, не мстится. Каменный верх портала, напоминающий перевёрнутый киль лодки, ветром нагнуло вправо, отодвинуло от вертикали на несколько сантиметров. Мысль о криворукости мастеров невозможна. Тогда зачем наклон? Неужели это постоянно действующее приветствие – не надменная прямая посадка головы проглотившего кол начальника, а ласковый прищур перед тем, как сказать негромко «Ну.., заходи, что ли». Геометрию сантиметров глаз не рассматривать не станет, а приглашение слышно и без слов. Кто же тогда эти подмастерья?

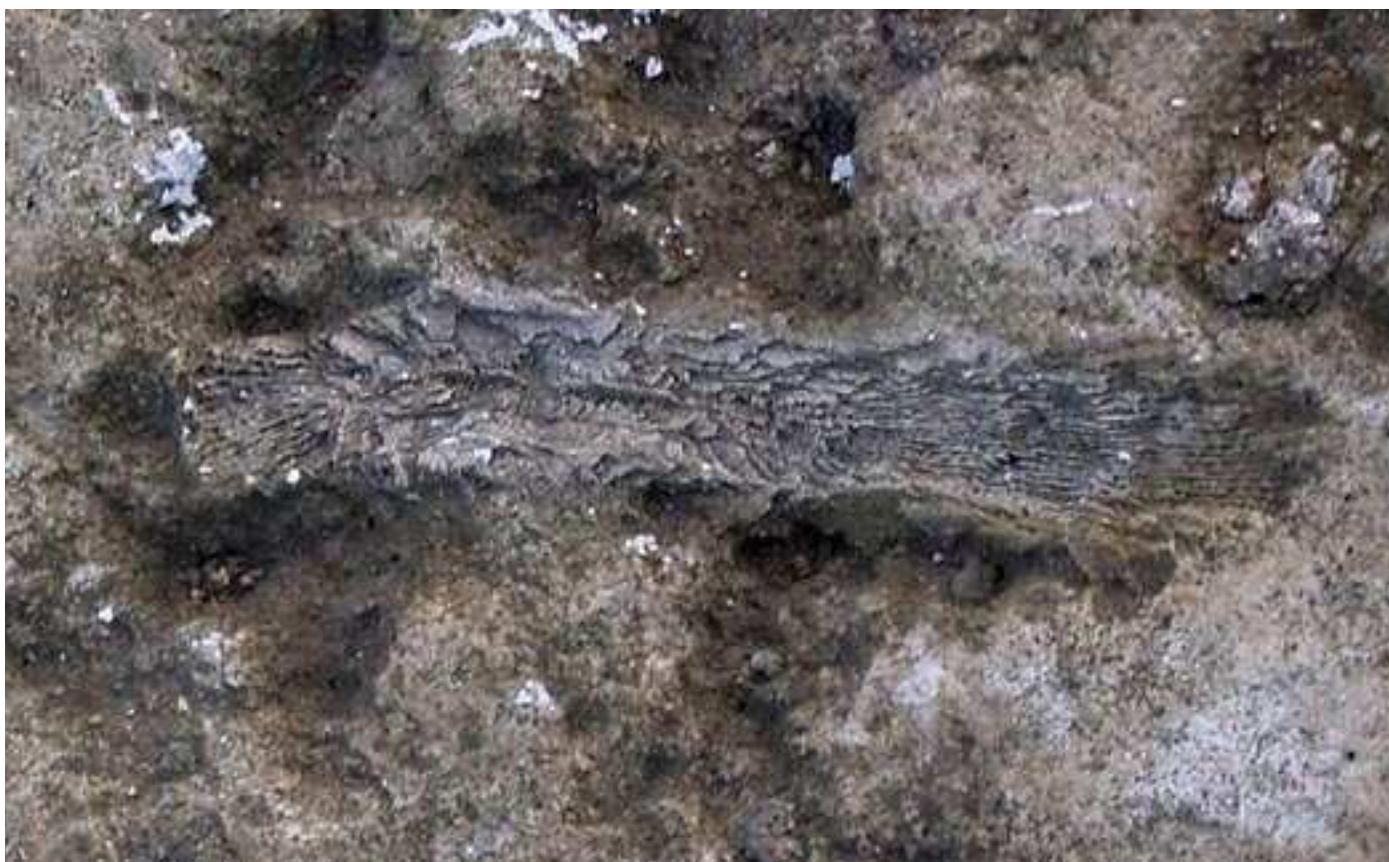

Введенский собор.

Камнетёс, который работал могильную плиту,
РАБА БОЖЬЕГО СХИМНИКА МАРКА [?], ПРЕСТАВИВШЕГОСЯ В 1592 ГОДУ,
не стал тревожить останки доисторической флоры и фауны, отнес буквы с последней строки вправо. 437

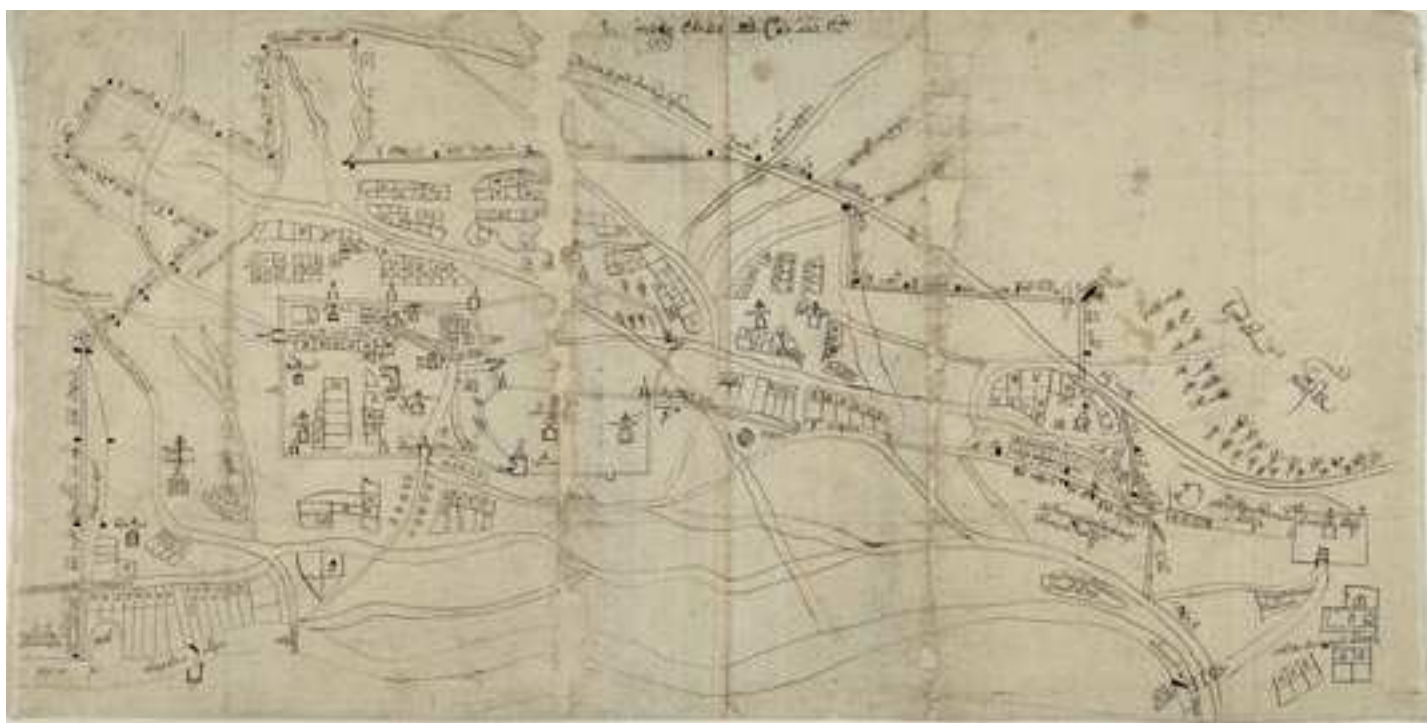
1492 год – единственное, что удалось прочесть .

У земли – два кирпичных свода, назначение которых неочевидно, но всё равно они свидетельствуют о богатстве замысла иконолита.

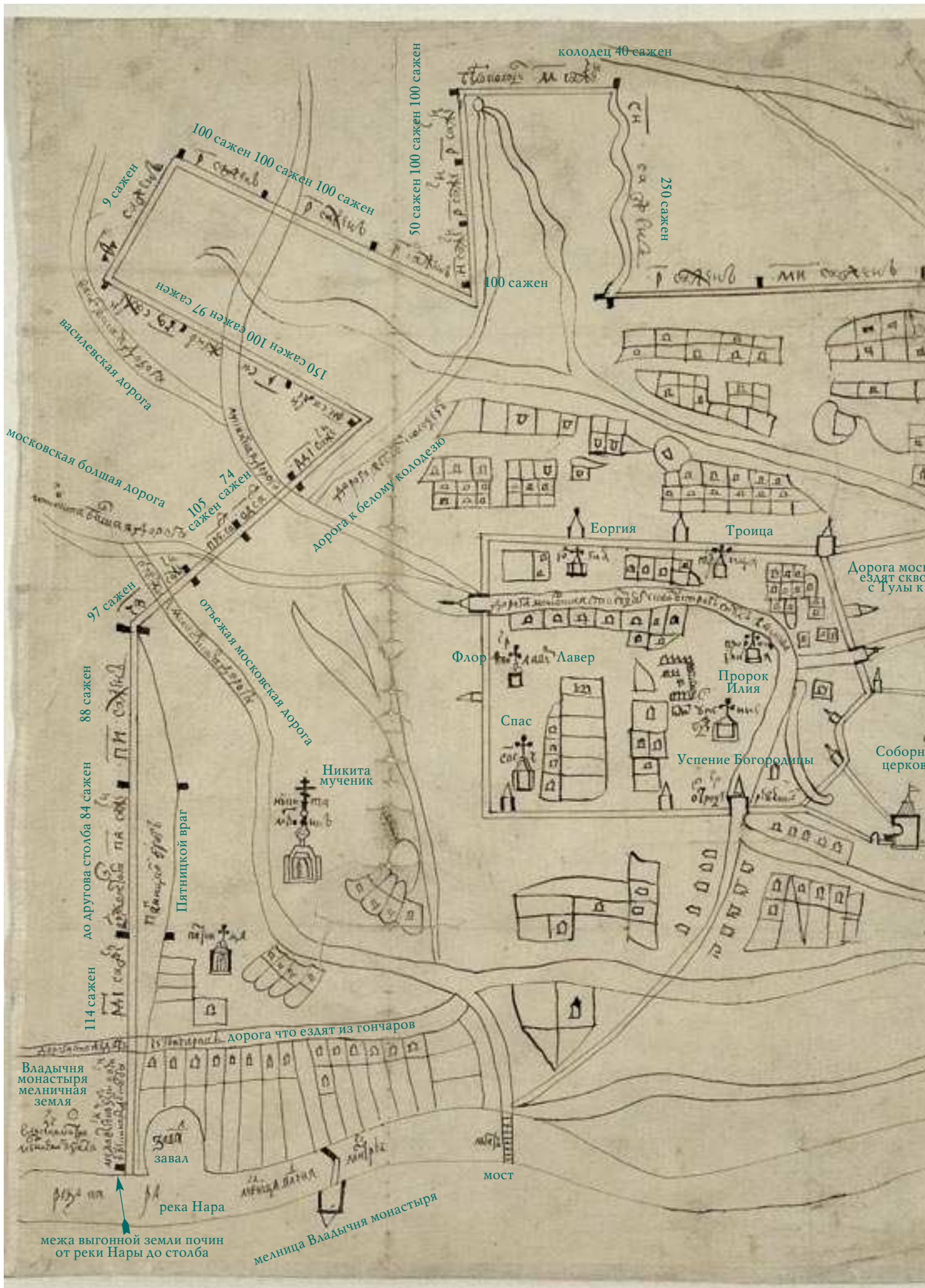

Самое важное, что такой иконолит может включать в себя и здание церкви, только оно вставлено во что-то большее, причём не как домовая церковь, вписанная в дворец, а как церковь, сопоставленная с таким гульбищем, которое перевешивает её саму и включает в себя всевозможные вспомогательные службы, собранные вместе, церковь вставлена в жизнь, как рукав в кафтан. Гульбище обычно и так возвышается над подцерковьем, в котором прячутся от сторонних глаз то склад, то котельная, то подвал с чем-то полезным, а то и другая церковь, но здесь гульбище становится главным формообразующим элементом, такому гульбищу рады подчиниться все соседние, даже более древние церкви, оно не заполняет, а создаёт пространство, как город.

Церковь Митрополита Алексия приставлена вплотную к собору Введения Богородицы во храм, так делали часто. Она сама, как диво, очень непривычна: изнутри и снаружи это один объём, собранный из крупных белокаменных блоков, алтарной преграды нет, словно это одна сама апсида и есть, а храм предполагался необъятно большой. Но предположение совсем невероятное, для такого храма нет места, и не было в конце XVI – начале XVII века. Его как будто отыскали где-то в Равенне, аккуратно сложили в большие сани-ковчег, и зимним путём сюда привезли, так же аккуратно поставили на место и удивились – до чего хорошо пришёлся. Время что-то непонятное сделало с завершением, ни легко читаемые остатки кокошников, ни плоская крыша, ни нынешняя глава никак не сроднятся с могучим романским основанием, должно было бы стоять что-то более подходящее, но лёгкое – нигде в стенах не видно выходов металлических связей, а привычка прятать их внутри стены появилась только ближе к концу XVII века.

Наружность Введенской церкви очень лаконична, чем и хороша, никакой суеты и пестроты. Нарочито старые окна треугольником поддерживают образ, созданный уже массивным порталом, потом тот же ритм берут на себя

колодец 40 сажень

250 сажень

100 сажень

50 сажень 100 сажень 100 сажень

9 сажень

100 сажень 100 сажень 100 сажень

нежа 16 нежа 101 нежа 150 сажень 100 сажень

василевская дорога

московская большая дорога

дорога к белому колодезю

отлекая московская дорога

97 сажень

88 сажень

114 сажень до другога столба 84 сажень

Пятницкой враг

Никита мученик

Егоргия
Троица
Флор
Лавер
Спас
Пророк Илия
Успение Богородицы

Дорога мост ездят сквозь с Тулы к

Соборной церковь

дорога что ездят из гончаров

Владычня монастыря мелничная земля

завал

река Нара

мост

межа выгонной земли почин от реки Нары до столба

мельница Владычня монастыря

Въ...
333

...ртежа слово в слово

тульская дорога что ездят к москве мимо

хотунская дорога

которо... ская дорога

коломенская дорога

114 сажень до повороту

100 сажень

100 сажень

до сосны 153 сажени

Никола

Рождество

От башни ме...
выгонной земли

100 сажень

100 сажень

...сажень

Никола

Город кам...

дорога тульская

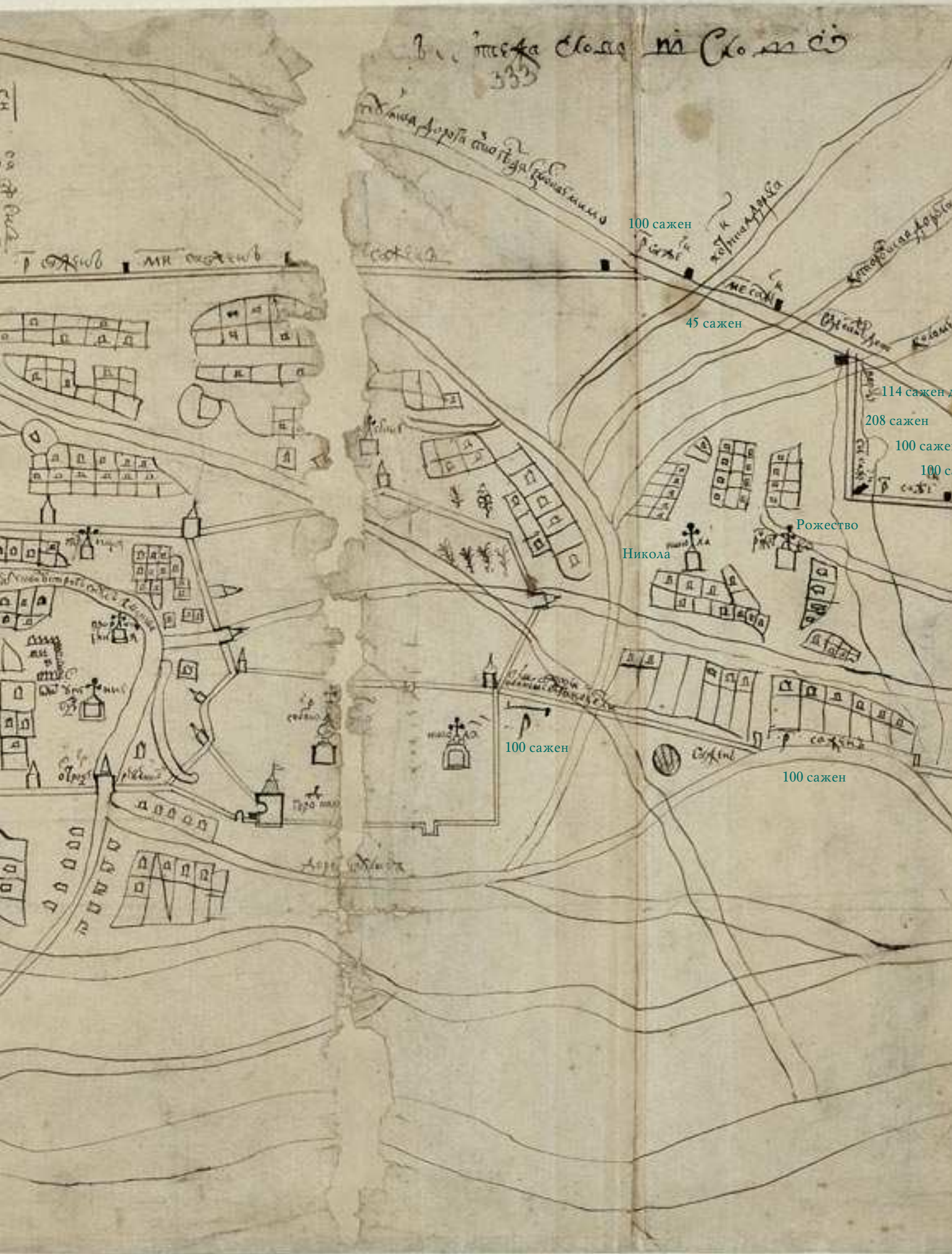
...сения

ковская что
озь острог
Москве

ая
ь

Селенная
Возвращен

Видъ плана города и слободъ
533

100 сажень

45 сажень

114 сажень

208 сажень

100 сажень

100 сажень

Рождество

Никола

100 сажень

100 сажень

до повороту

н
ажен

до сосны 153 сажени

сосна на ней грань

Бор Высоцкого монастыря

47 сажен

76 сажен

... сажен

98 сажен

108 сажен

117 сажен

Высоцкой мо-
настырь

двор и гумно
Высоцкого
монастыря

огород что
владеет на-
силно Вы-
соцкой мо-
настырь

выгонная
земля что в
споре с Вы-
соцким мо-
настырем

пруд Вы-
соцкого
монастыря

Огород Вы-
соцкого мо-
настыря

136 сажен

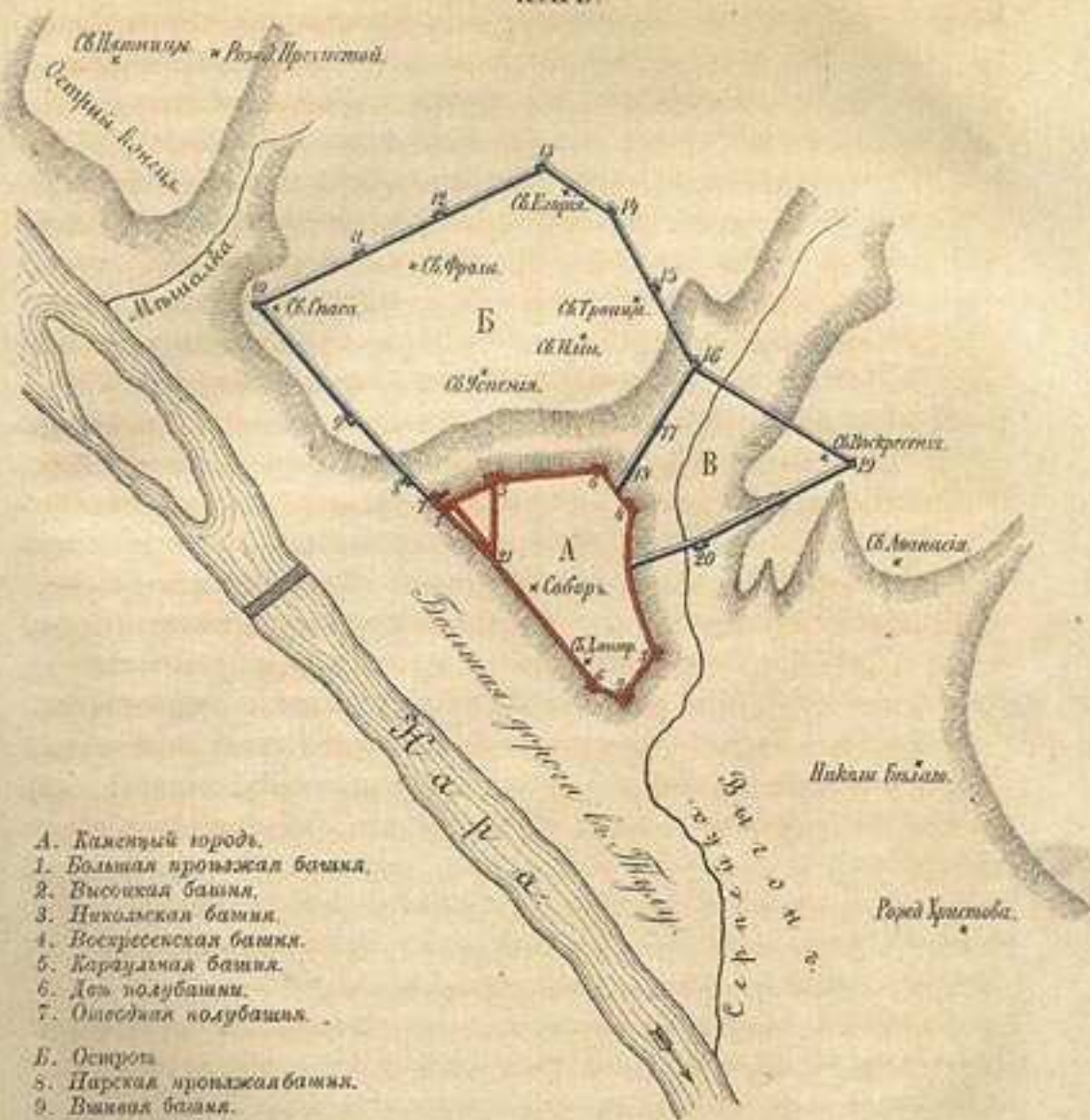
мельница
Высоцкого
монастыря

Слободы
Высоцкого
монастыря

№ 2.

ПЛАНЪ КАМЕННАГО ГОРОДА и ОСТРОГА въ СЕРПУХОВѢ XVII в.

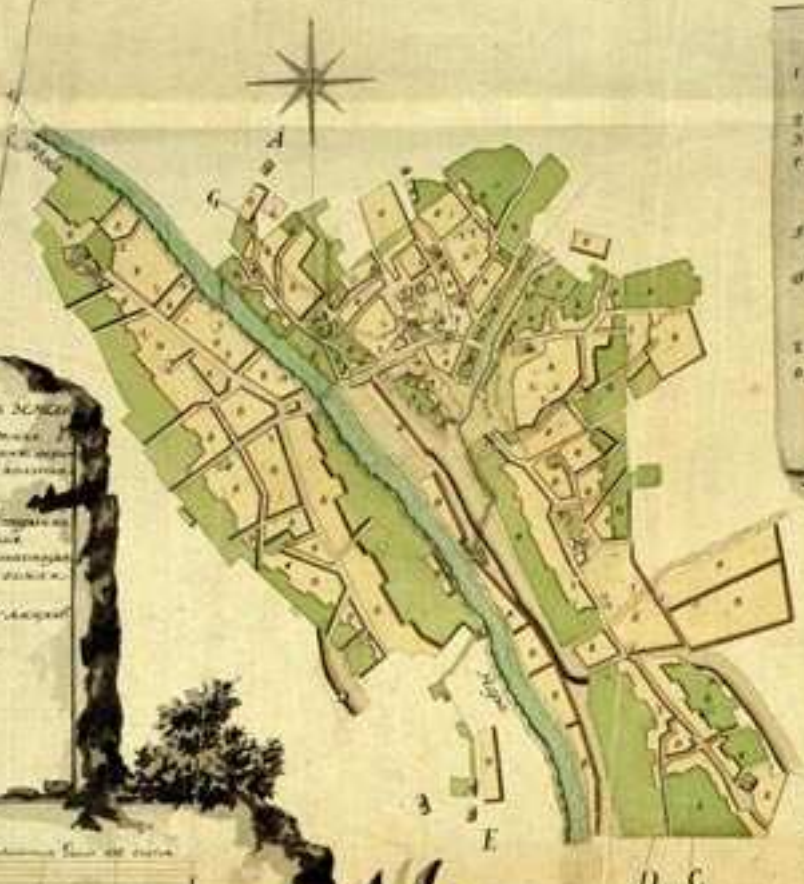

- А. Каменный городъ.
1. Большая проездная башня.
 2. Высокая башня.
 3. Никольская башня.
 4. Воскресенская башня.
 5. Караульная башня.
 6. Дель полубашня.
 7. Отходная полубашня.
- Б. Острота.
8. Парская проездная башня.
 9. Выходная башня.
 10. Спасская башня.
 11. Никольская башня.
 12. Фроловская башня.
 13. Егорьевская проездная башня.
 14. Глухая Егорьевская башня.
 15. Троицкая башня.
 16. Воскресенская башня.
 17. Ильинская башня.
 18. Проездная Сергеевская башня.
- В. Новополочный острогъ.
19. Воскресенская башня (на торъ).
 20. Проездная Сергеевская башня.
 21. Отходная острогъ въ каменный городъ.

Масштабъ въ 1000 сажень.

КОР. КОРОНА ИЛИ
 1. Имя города
 2. Имя улицы
 3. Имя двора
 4. Имя дома
 5. Имя сада
 6. Имя парка
 7. Имя озера
 8. Имя реки
 9. Имя моста
 10. Имя колодца
 11. Имя церкви
 12. Имя школы
 13. Имя больницы
 14. Имя театра
 15. Имя библиотеки
 16. Имя музея
 17. Имя университета
 18. Имя гимназии
 19. Имя семинарии
 20. Имя училища

Описание города
 1. Имя города
 2. Имя улицы
 3. Имя двора
 4. Имя дома
 5. Имя сада
 6. Имя парка
 7. Имя озера
 8. Имя реки
 9. Имя моста
 10. Имя колодца
 11. Имя церкви
 12. Имя школы
 13. Имя больницы
 14. Имя театра
 15. Имя библиотеки
 16. Имя музея
 17. Имя университета
 18. Имя гимназии
 19. Имя семинарии
 20. Имя училища

ПЛАНЪ Московскаго Намытничества

Городу СЕРПУХОВУ.

На поединномъ иппограммическомъ
 Сл. Императорскаго Высочества рѣшен.
 Выданъ по плану
 Февраля 16 дня 1784 года
 Сл. Санктпетербурга

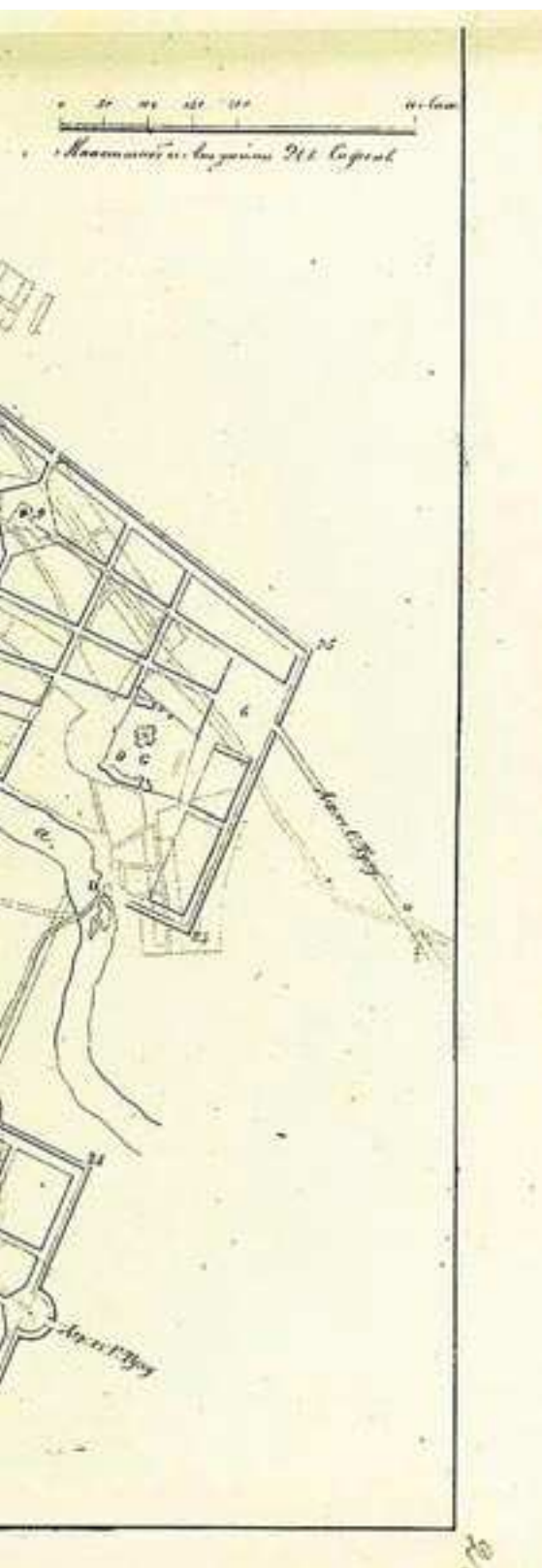

Нѣмецкое

Состоящее изъ строений — каменныхъ и кирпичныхъ, деревянныхъ
 изъ разношерстныхъ стилей, — церквей, — А. Свирской Замки, В. Нарвскаго
 Фридриха, С. Прасудетинскаго участка, Д. Английскаго, Е. Французскаго, Ф. Владимірскаго
 Монастыря, Г. Высочайшаго Монастыря.

Планъ проектированъ

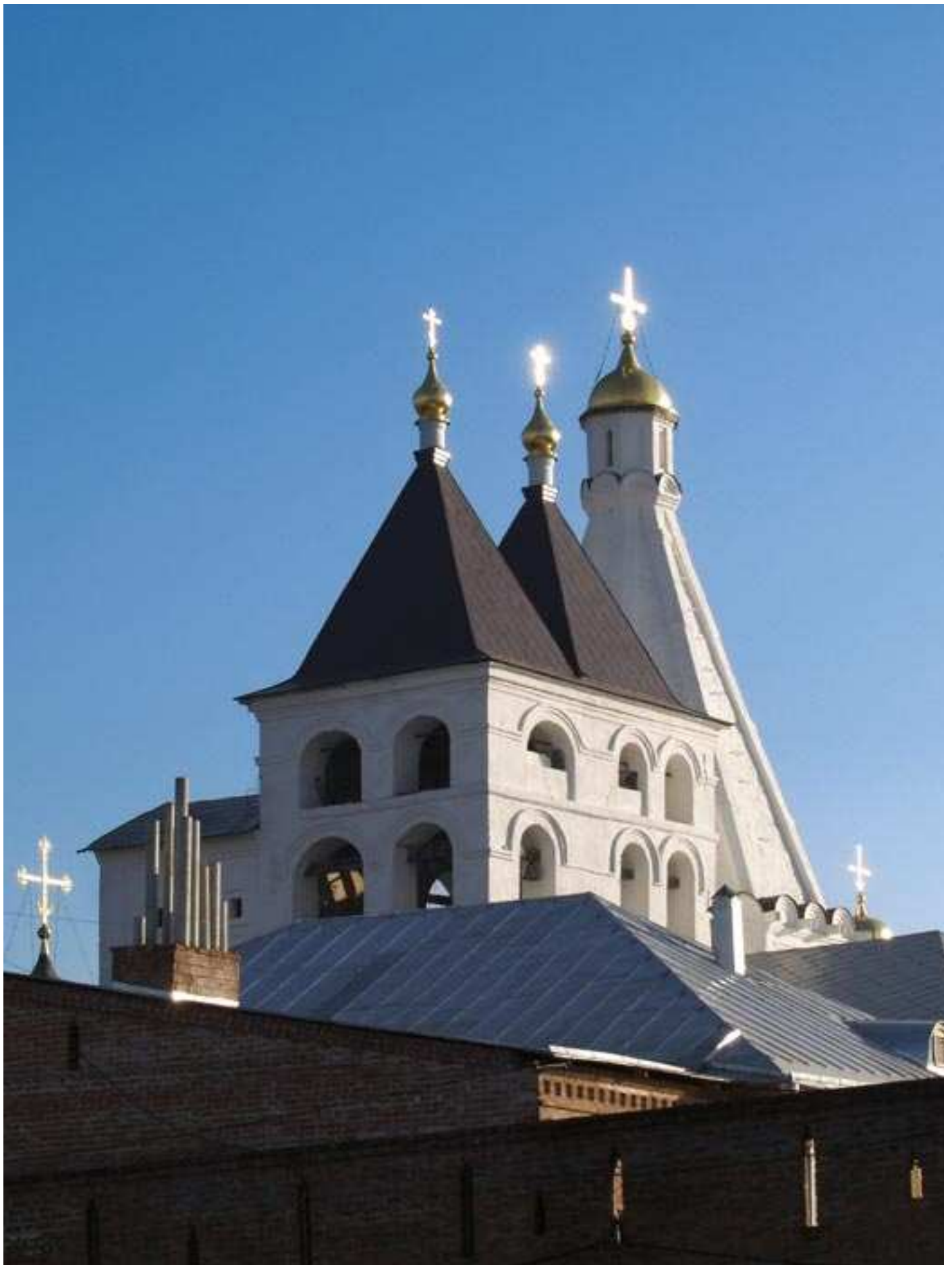
И. Бирманъ иерархическимъ способомъ, кривыми и прямыми линиями, подъ деревьями
 или кустарниками, Пруды, и Свободныя зоны и протѣ строений. 1. Для Замка, 2. Для
 на которой Французскій Фортъ и Маршальскій садъ, 3. Для Прасудетинскаго участка, 4. Для
 участка Французскаго, 5. Для участка Английскаго, 6. Для участка Высочайшаго, 7. Для
 участка Французскаго, 8. Для участка Высочайшаго, на который принадлежатъ садъ и Фортъ, 9. Для участка
 на которомъ Кухня и Складъ, 10. Для участка для продажи мяса, сала и жира, и на
 которомъ Садъ для продажи и т. д. 11. Для участка для продажи мяса и сала, 12. Для участка, на кото-
 ромъ Французскій садъ, 13. Для участка для продажи мяса, сала и жира, и на
 которомъ Садъ для продажи и т. д. 14. Для участка для продажи мяса, сала и жира, и на
 которомъ Садъ для продажи и т. д. 15. Для участка для продажи мяса, сала и жира, и на
 которомъ Садъ для продажи и т. д. 16. Для участка для продажи мяса, сала и жира, и на
 которомъ Садъ для продажи и т. д. 17. Для участка для продажи мяса, сала и жира, и на
 которомъ Садъ для продажи и т. д. 18. Для участка для продажи мяса, сала и жира, и на
 которомъ Садъ для продажи и т. д. 19. Для участка для продажи мяса, сала и жира, и на
 которомъ Садъ для продажи и т. д. 20. Для участка для продажи мяса, сала и жира, и на
 которомъ Садъ для продажи и т. д. 21. Для участка для продажи мяса, сала и жира, и на
 которомъ Садъ для продажи и т. д. 22. Для участка для продажи мяса, сала и жира, и на
 которомъ Садъ для продажи и т. д. 23. Для участка для продажи мяса, сала и жира, и на
 которомъ Садъ для продажи и т. д. 24. Для участка для продажи мяса, сала и жира, и на
 которомъ Садъ для продажи и т. д. 25. Для участка для продажи мяса, сала и жира, и на
 которомъ Садъ для продажи и т. д.

закомары, потом второй ряд кокошников, и наконец главы. Центральная глава, правда, зачем-то сдвинута вправо, и это не единственная новация окологородуновской архитектуры. Радиусы закомар и кокошников не идентичны, но близки, часто и обычно второй ряд кверху уменьшался и числом, и размером, а здесь во втором ряду кокошники сдвинули друг к другу, кажется, на ширину лопаток внизу между окнами, то есть немного утеснили. Для этого пришлось их смежные углы по сторонам света чуточку подрезать, — понадобилось место для барабанов малых глав, которые непременно должны были отступить от углов ближе к середине. Ступени, портал, широкое прясло стены с щелевидным окном, закомара и такой же по ширине кокошник, очень широкая глава при узких боковых — всё работает на добавление стройности и остроты тому, что стройным быть не может, ибо является в сущности кубом, которому эта характеристика никак не свойственна, даже скорее приземистым кубом, потому что ширина до карниза много больше высоты. Пример формообразования от ума, а не от моды.

Разглядывать эту (с. 443), вероятно, более старую карту Серпухова тоже непросто. Назначение её приблизительно такое же, наведение порядка с землевладением и землепользованием, и даже распря из-за насильного владения Высоцким монастырём огородами уже существует. Судя по тому, что обе карты отложились в одном деле архива, и в одном столбце, нельзя исключить, что разбирательство было очень продолжительным, с опорой на древние документы (писцовая книга Фёдора Шушерина). Презентационная убедительность раскрашенного чертежа не может отменить куда большей информационной насыщенности деловой документации одноцветного списка «слово в слово» с более старого чертежа. Судя по формулировкам («выгонная земля, что в споре с Высоцким монастырём», «огород, что владеет насилно Высоцкий монастырь»), копияный список изготовлен для Владычного монастыря именно как аргумент в споре, а подробная информация о размерах тех или иных владений и угодий в сажнях, от столба

до столба приведена как доказательство исконной правдивости, следовательно, законности притязаний. Нет никаких оснований для предположения, что это копия чертежа Фёдора Шушерина, неизвестно, был ли у него чертеж, или только записи в писцовой книге, но если этот список «слово в слово» имеет верхней границей примерно 80–90-е годы XVII века, и у него есть (был) уважаемый достоверный источник, достойный копирования как источник правоотношений, датировать его можно приблизительным промежутком между 1629 и 1696 годами, но всё-таки ближе к первой половине века, ко времени Фёдора Шушерина.

Острог, сквозь который вела дорога из Тулы на Москву, назван деревянным, белокаменный кремль (середины XVI века) дан восточнее, в нём соборная и Никольская церкви. В деревянном остроге – Георгиевская, Троицкая, Флора и Лавра, Спасская, Ильинская, Успенская церкви. На чертеже ещё указаны: церковь Никиты мученика, Пятницкая, Воскресенская, ещё одна Никольская и Рождественская. К сожалению, чертёж не содержит отличий между деревянными и каменными церквями, разве что на Никольской церкви в кремле можно заподозрить кокошники на завершении, поэтому никаких приближений к более точной датировке нет.

Признаки межевания даны чёрными маленькими прямоугольниками. Есть два трогательных отступления. Не считая очень приблизительного обозначения деревьев в бору Высоцкого монастыря (уменьшенного на чертеже до едва различимых размеров, так презрительно относились к сопернику истцы Владычного монастыря), авторы позволили себе лишь дважды лирическую вольность, которая слабо, но поддерживает более древнюю датировку. Если копия и в самом деле «слово в слово», то одинокое дерево у мельницы Высоцкого монастыря и раздвоенная сосна с «гранью» межевания должны были быть различимы (то есть живы) в момент копирования, и достаточно взрослые в момент создания оригинала.

Чертёж проясняет, что за зелёное пятнышко нарисовано и тщательно зачёркнуто на карте западнее Высоцкого монастыря. Это пруд, южнее которого – сгусток противоречий между двумя монастырями. Стоило подождать несколько веков – и три десятины, да ещё и четверик стали неинтересны обеим сторонам, поле между ними заросло травой и мелким ясенем, нашлись другие способы прокормиться.

Два чертежа, составленные в течение XVII века, с прямым или косвенным участием Фёдора Шушерина (в 1613 г. думный дьяк Поместного приказа, в 1627 пожалован в дворяне по московскому списку) и Петра Замыцкого (упомянут выше) обещают интригующую картину сыщицкого романа с исследованием технологии захвата недвижимого имущества (3 десятины), бесчестного пользования им, и распутыванием нитей бюрократических хитросплетений отчаянной схватки между правдой и кривдой.

АНАСТАСОВ

Мещовск, Масальск, Крапивна, Венёв, Пронск, Одоев, Белёв, Болхов, Алексин, Подкопаево, Анастасов монастырь. Звучит, как музыка.

Какие подальше, какие поближе к Оке, где-то побольше памятников XVII века, где-то поменьше. Калуга так пострадала, что хорошо прячет свои фундаменты XVII века, в Венёве один только дом гражданской наружности. А Анастасов стоит, как огурчик, никому не известный, не так чтобы знаменитый, а ведь в камне с 70-х годов XVII века. А посмотреть надо – опять на реке с названием из трёх букв, притоке Оки, на Упе, живописной настолько, что дух сначала захватывает, а потом не отпускает, ни вдохнуть, ни выдохнуть, окаменеть и стоять столпом, упрямо думая одну мысль, которую нельзя сформулировать словами, потому что в молчании помещается больше и точнее, там, в молчании, всё выражено, как чеканка в граните, лучше и быть не может.

И петли, и металл сделаны с отменным вкусом; когда бы не идеальная геометрия, можно было бы подумать, что так с XVII века и достояли.

Просто смотреть – целительно;
а уж своими ногами попробовать...

Сердце – не сердце, но что-то замирает на гульбище,
что-то останавливает ноги и устремляет взгляд.

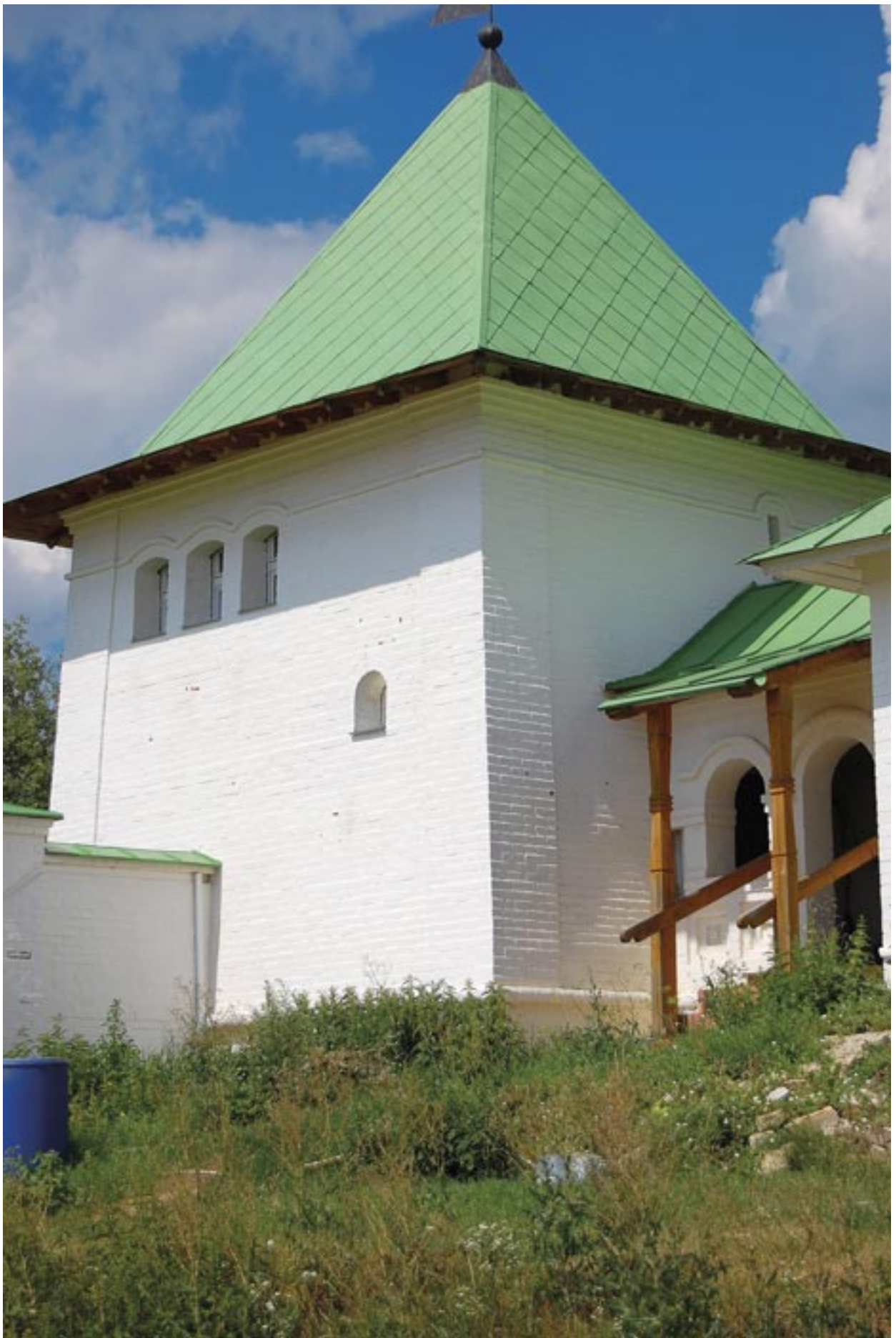

Так и ходят, из века в век.

Судя по некоторым из этих краеугольных камней, кажется, что их не только тесали, но и пилили, причём следы от пилы в некоторых местах не прямые, а гнутые, то есть ход пилы был не прямой, просто вверх-вниз, а качающийся, вверх – под одним углом от вертикали, вниз – под другим, с ровным повтором, или диском сильной подачей. Но это только кажется, скорее всего, здесь поздняя вычинка.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ В ИСТОРИИ ОДОЕВА

- 1375 г. — Основание Одоевского княжества. Князь Роман Семенович вынужден был укрываться в г. Одоеве от золотоордынцев, полностью разгромивших г. Новосна.
- 1380 г. — Одоев упоминается в летописи в связи с Куликовской битвой. Литовский князь Ягайло шел с войском на помощь Мамая и остановился под Одоевом в «ожидании вестей». Получив здесь известие о разгроме союзника, Ягайло спешно ушел в Литву, пограничные окрестности Одоевцы храбро защищали город и не пустили в него литовцев.
- 1407 г. — войска литовского князя Витовта взяли Одоев и сожгли его.
- 1422 г. — набег золотоордынского хана Барака.
- 1423 г. — золотоордынский хан Кутлудат отступил от Одоева.
- 1427 г. — вхождение Одоева в состав Великого княжества Литовского.
- 1494 г. — вхождение Одоевского княжества в состав Великого княжества Московского.
- 1507 г. — крымские татары разорили под Одоевом.
- 1512 г. — крымские татары сожгли город, взяли большой полон.
- 1535 г. — царь Иван Грозный отдал Одоев во владения князю Михаилу Воротынской.
- 1546 г. — опустошительный набег крымских татар.
- 1562 г. — упразднение удельного княжества Одоевского и включение его в Большую засеchnую черту.
- 1563 г. — Иван Грозный приезжал в Одоев к своим служивым людям.
- 1620 г. — крымские татары стояли под стенами одоевской крепости, но взять ее не смогли.
- 1622 г. — крымские татары стояли под стенами одоевской крепости, но взять ее не смогли.
- 1708 г. — по первому разделению России на губернии Одоев отошел сначала в Киевскую, а затем в Смоленскую губернию.
- 1719 г. — Одоев отнесен к Калужской провинции Московской губернии.
- 1770 г. — уездный город Одоев вошел в состав Калужской губернии.
- 1777 г. — Одоев становится уездным центром в составе Тульского наместничества.
- 1920 г. — Одоев переведен в разряд сельских поселений и стал именоваться село Одоevo.
- 1929 г. — при упразднении Тульской губернии с Одоevo в район вошел в состав Московской области.
- 1937 г. — Московская область была разделена на три самостоятельные области: Тульскую, Рязанскую,
- 1959 г. — Московской области. В состав Тульской области вошли 38 районов (в т.ч. Одоевский, в который дополнительно вошли сельсоветы упраздненного Крапивинского района). населенный пункт Одоев отнесен к категории рабочих поселков.

Нынешнее состояние этих руин под Калугой не столь удручающее, доступ влаги к стенам затруднён при помощи жёлтого кубика вокруг кладки 20-х годов XVIII века. Тот же кубик затрудняет и доступ к старому кирпичу, а там есть над чем задуматься. Срублены кирпичи, составлявшие основу очельев наличников, сделанных очень мастеровито, по два больших полукруга видны отчётливо, но и над ними что-то можно заподозрить, поменьше в середине. И тремя рядами кладки выше начиналось что-то более массивное, с округлыми частями, что-то вроде кокошника из трёх или четырёх рядов кладки, с центром, похожим на круг опять из трёх рядов кирпичей, а дальше уже весёленькая флора, привлекающая трогательную фауну. Всё, что было выше, уничтожено, скорее всего, не одним только человеком, но и временем, дождями, ветрами, морозами по мокрой кладке – без ухода разрушается всё, без рук и догляда могут стоять лишь горы, и то не очень долго, тысячелетия съедают и их. Но выпуклости, изваянные при строительстве церкви, наличники, очелья, полукруги и круги, объёмы и декор, через двести лет соструганы

Не так давно в Никольской церкви было печное отопление с трубами в стенах и в полу, не хуже, чем в зарайском соборе.

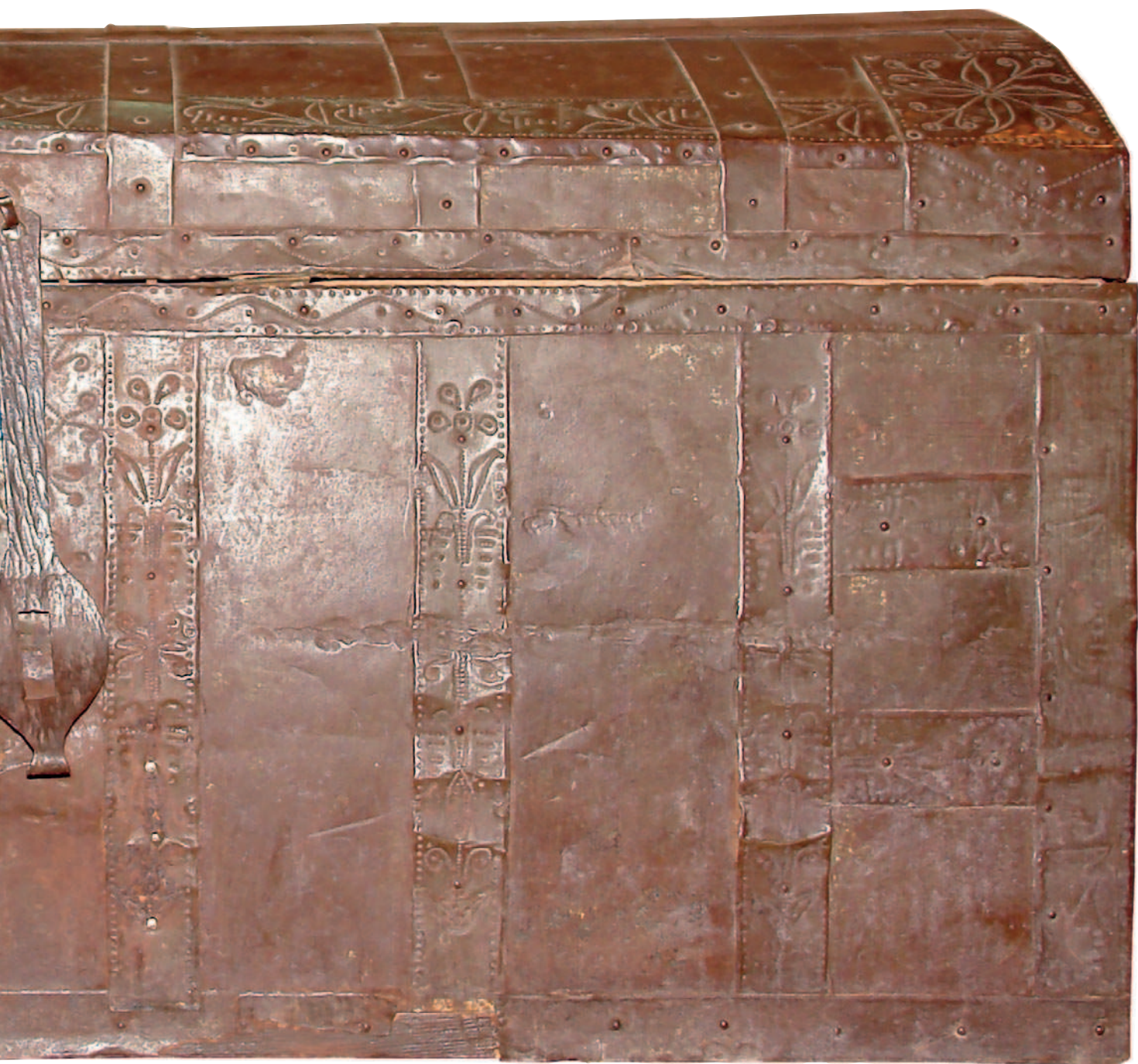
ГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ XV - XVI ВЕКЕ

В СВЯЗИ С УЧАСТИВШИМИСЯ ТАТАРСКИМИ НАБЕГАМИ С КОНЦА XV - XVI ВЕКА МОСКОВСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРИНИМАЕТ СРОЧНЫЕ МЕРЫ ПО УКРЕПЛЕНИЮ СВОИХ ЮЖНЫХ ГРАНИЦ. ДЛЯ ОБОРОНЫ „БЕРЕГА“ СООРУЖАЮТСЯ УКРЕПЛЕНИЯ, СТРОЯТСЯ НОВЫЕ КРЕПОСТИ, ЕЖЕГОДНО В ТЕЧЕНИЕ ВСЕГО ЛЕТА НА ОКСКОМ БЕРЕГУ СТОЯТ ВОЕВОДЫ С ПОЛКАМИ, ЧИСЛЕННОСТЬ КОТОРЫХ ДОСТИГАЛА 65 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК

На улице Алексина – всё как триста лет назад
(не считая остекления).

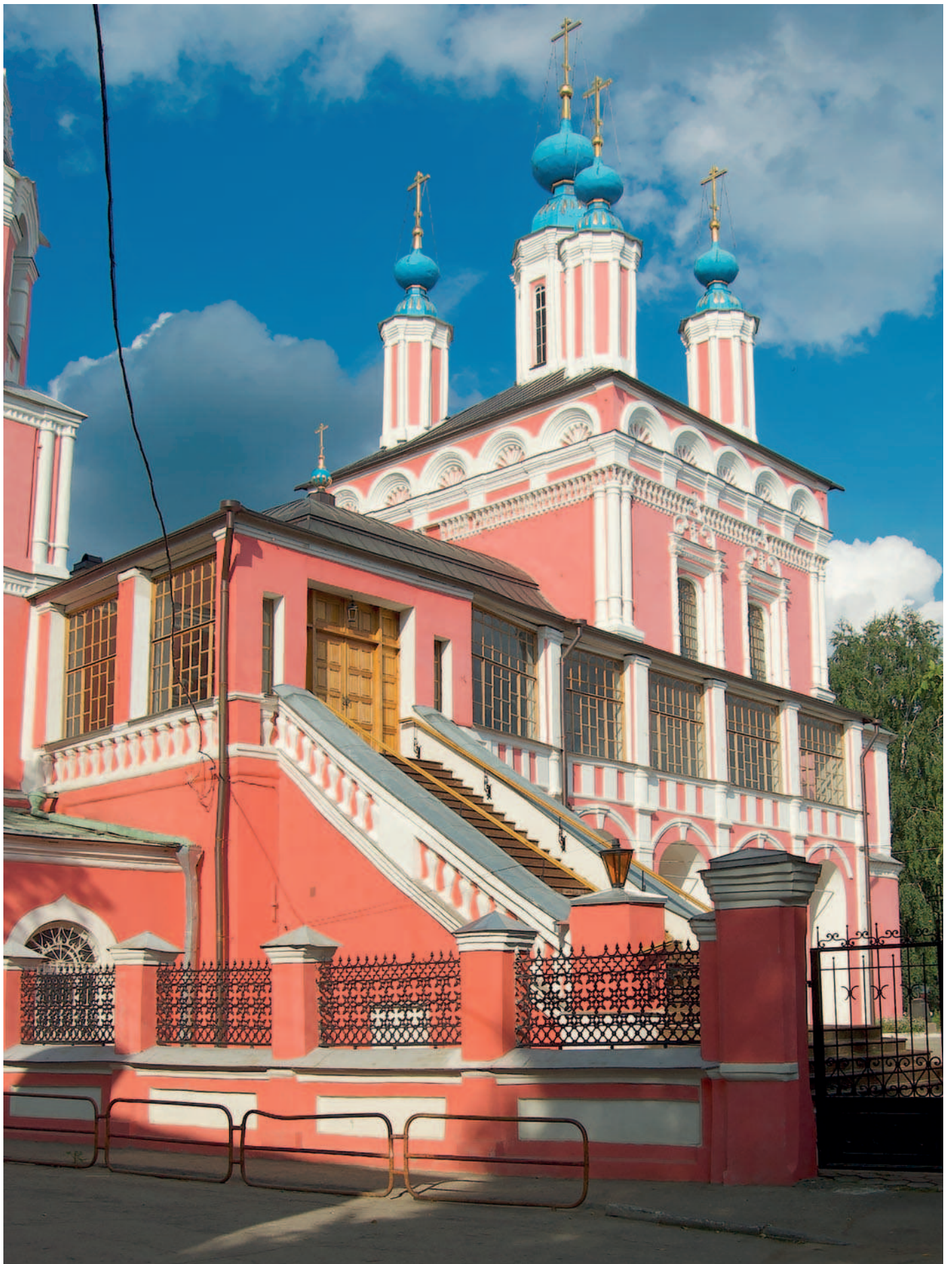

Сундук из Музея в Алексине
(закрит неплотно – используется по сей день).

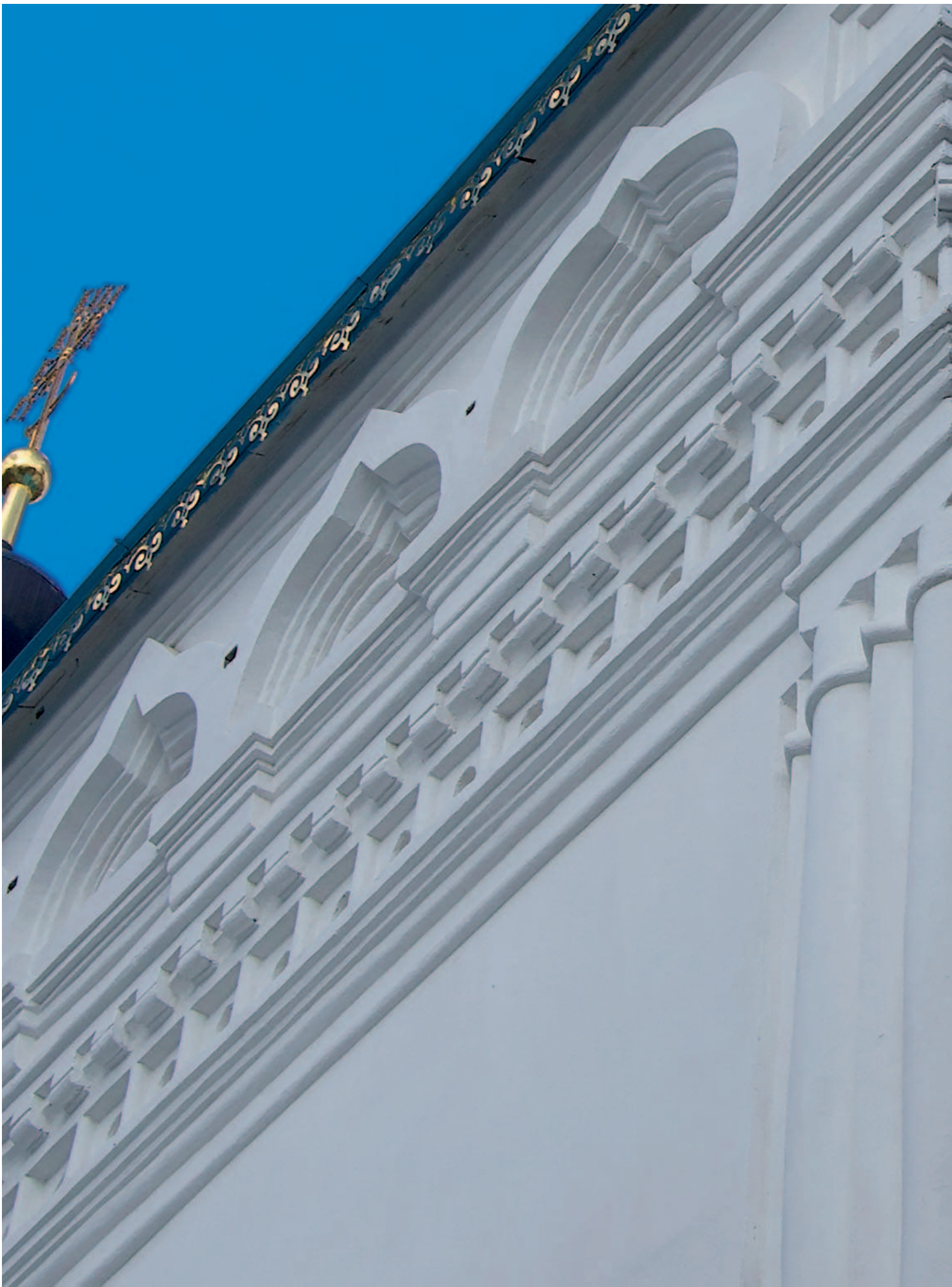

Вход со двора Дома Коробовых.

Церковь Георгия за Верхом в Калуге,
почти XVII век, усовершенствованный последующими.

Калуга. Церковь Покрова, что на Рву.

Особенно интересно наблюдать за сознательными поисками асимметрии: три очелья – среднее, низкое, высокое, внутри рисунки – ровно наоборот; и как заливчатская ловкость побеждает рассудок: если выучились вывешивать малые барабаны за углы – придётся делать, даже если никому непонятно, зачем.

В Болхове вообще в центре стоит глинобитный дом;
когда построен – неизвестно, но технологии античные.

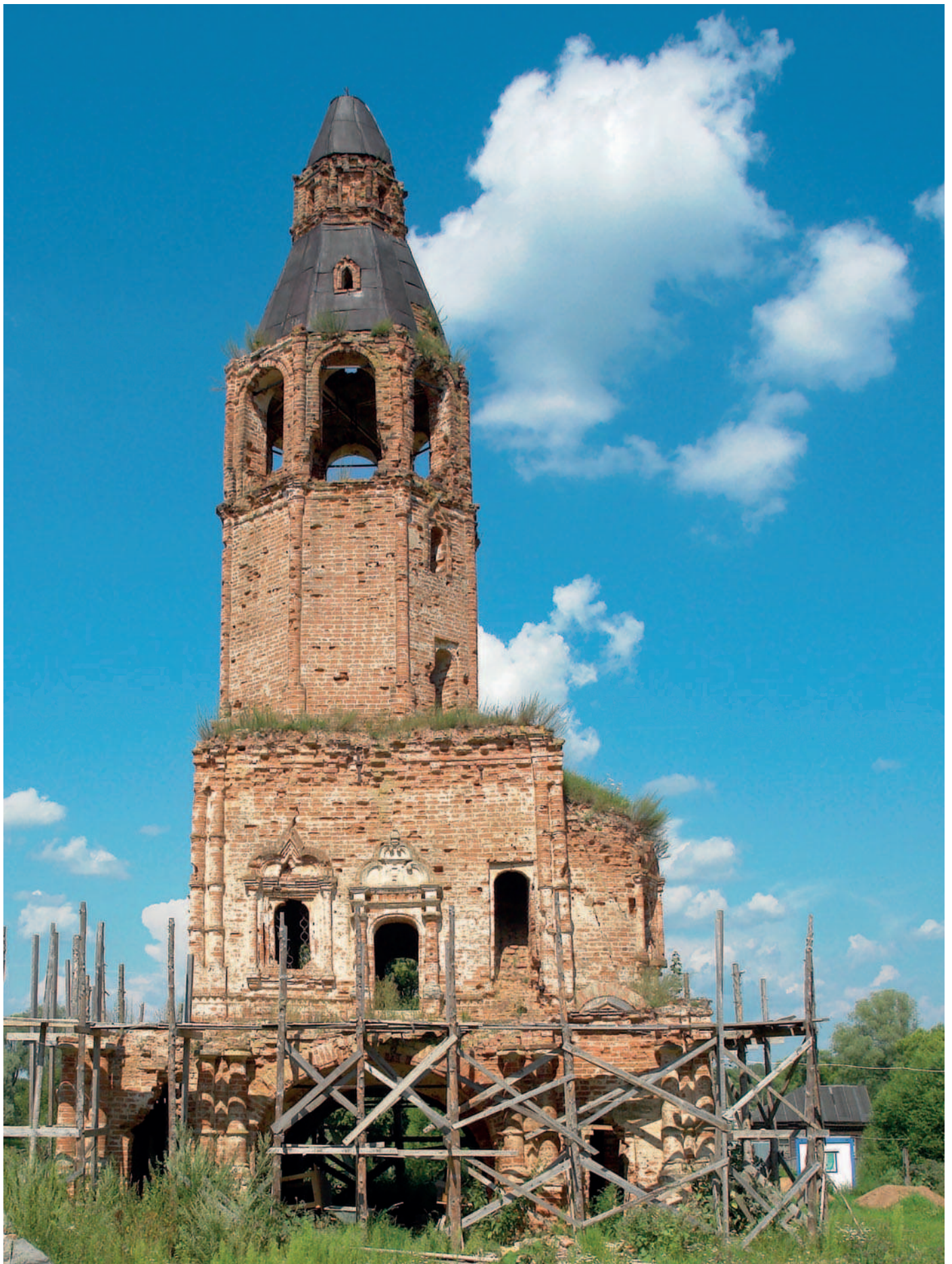
Подкопаево. Алексеевская церковь (рубеж XVII–XVIII веков).

Церковь иже под колоколы: здесь звонили потом перестали, потому что нет колоколов; чтобы выкинуть ненужное, выгрызли по бокам кирпич в одном проёме шатра, остальные целы.

Алексеевская церковь с востока и с юга.

Шахта снизу.

Выстроенное под придел место внутри под лотковым сводом в красном углу.

со стен такими же руками, какие их делали. Такое остервенение само не образуется, от дурных свойств характера, его надо воспитать, довести до, выпестовать и вооружить. Какие ошибки или заблуждения привели к градусу ненависти с обеих сторон – и тех, кого ненавидели, и тех, кто ненавидел? Про обладателей топоров, зубил и молотков размышлять сильно не приходится – довели до невозможности, они легко попадались на любую удочку, тоска по образованию и развитию, жизнь по рецепту, описанному в бунинской «Деревне» – не столько вина, сколько беда. Чем клир оказался так нехорош, что паства стала его (и церкви) расстреливать? Если позволить себе думать далеко,

то тем же, обо что споткнулся патриарх Никон: учреждение, даже идеально устроенное (а церковь – и учреждение тоже) – игрушка в руках человека; нельзя лететь по рельсам, они притягивают, а полёт нужен, без него нет тех чудес, о которых грезил протопоп Аввакум, нет силы митрополита Филиппа, диалог со властью невозможен.

И отчего эта церковь надвратная? Ворота с проездом и проходами есть, а забора нет, не говоря уж про стены. Она напрашивается на исследование её не совсем понятных смыслов и недоговорённостей, из которых некоторые поддаются гипотетической расшифровке, а некоторые ставят в тупик.

Почему такая маленькая? Внутри больше двух-трёх десятков не поместится. Если её строили как надвратную и на востоке и на западе проектировался забор, загородка, стена, в конце концов, чтобы отгородиться от супостатов или светской жизни, то надвратная церковь для того и строится, чтобы в положенные дни прихожане могли, не тревожа хозяев, зайти помолиться. Все 20–30 душ, пройдя через калитки или ворота, должны были как-то подняться к южному входу на втором уровне, на который тоже как-то надо попасть по отсутствующему ныне крыльцу или гульбищу, скорее всего, на два всхода, с востока и с запада. Справа от входа – дверь, ведущая на крутую лестницу наверх, а ещё правее, уже на апсиде – треть свода над глухой стеной и калиткой. Кирпич сейчас новый, реставрационный, и кладка на цементном растворе, а не на извести, как положено. Вряд ли реставраторы стали выкладывать такую дугу, не имея оснований в виде остатков. Если они были вмурованы и имели выступающее продолжение, но единственным продолжением этого выступа, скорее всего, было покрытие всхода крыльца, которое накрывало и калитку, следовательно, обхода гульбища с востока не было – перебираться через горб неудобно. Остаётся предположить, что для прихожан из окрестностей церковь не была приспособлена, скорее для удобства тех, кто обретается внутри, и не для многих. Такая церковь-нелюдимка.

Не исключено, что для сходной цели устроен вертикальный канал снизу до колокольных арок – то ли через рычаг сам колокол снизу раскачивать, то ли язык как-нибудь через колёсико шевелить (последнее менее вероятно, ход колокола зависит от длины рычага, а укоротить шаг языка никак не удастся, радиус – и всё, поэтому скорее очепный способ звона). То есть опять расчёт на небольшой штат, всё можно сделать своими силами, и даже на Пасху никого на колокольню пускать не надо, звони снизу, сколько угодно.

Вторая церковь попроще, но тоже скромный платочек прикрывает простое личико. Плоская крыша дуплетом не в счёт, она над сомкнутым сводом от нужды, для обороны от осадков. Более естественно выглядел бы ещё ряд-другой кокошников, их уже научились ко времени строительства делать не сильно увеличивающими разваливающую нагрузку на стены. Что проку бранить короткую руку ремонтника – куда смогла, дотянулась, больше ресурсов не было. Приятнее отметить свежую выдумку строителей. Справа от южного выхода очелье нижнего наличника так выперло наверх, через карниз, что воткнулось остриём в верхний наличник, и поскольку этих бровей на южном фасаде оказалось шесть, удивлённая раскрытость одного глаза присвоилась и остальным пяти, приветливыми стали все шесть – из-за того, что рисунок

Помещение в звоннице без колоколов Алексевской церкви;
в правом верхнем углу немного заметно растущее утолщение кладки –
это не видимый снаружи секрет многих шатровых колоколен, контрфорс наоборот.

очельев один и тот же везде, как в трансформаторе, напряжение передаётся на вторичную обмотку. И совершенно необычны для апсидостроительства вытянутые вертикально ниши со сдвоенными арочками наверху на юге и на севере. Чтобы понять их назначение и значение, достаточно мысленно посередине каждой сдвоенной арочки привесить гирьку – получится намёк на входной портал. В апсиду снаружи никто ломиться не станет, зазывность индугируется на всё сооружение, приглашение звучит громче, со всех сторон.

Удивительная вещь расположилась над трапезной: такой же барабан, такой же купол, как верхние четыре. Устройство ещё одного (или нескольких) дополнительных престолов внутри существующей церкви – обычно. Но здесь дополнительный, ещё один, второй престол заложен при строительстве сразу, то есть он входил в замысел, в преграде, отделяющей трапезную от основного четверика, сделана ниша для царского места, которую так выдолбить в готовой стенке не удастся. Поскольку главный вход – с запада, то вошедший первым после дверей должен поклониться этому престолу в красном месте помещения; поневоле первой приходит мысль о святом, тезоименитом ушедшему родителю или родственнику помладше.

Молва (которая умеет быть и памятной, и податливой) связывает весь комплекс в Подкопаеве с именами Евдокии Лопухиной († 1731) и Алексея Петровича († 1718). Мещовск и округа – и впрямь родные места для матери Алексея, и в их судьбах были периоды, когда они могли бы задуматься о таком строительстве, но свидетельств пока не обнаружено. Единственное, что поддерживает легенду – нарочитая древность архитектуры обеих церквей, сочетающаяся с технологическими знаками более нового времени, уже XVIII века.

**НИКТО НЕ ВИНОВАТ.
И ДЕЛАТЬ НИЧЕГО НЕ НАДО**

Из ныне живущих никто не виноват в тех нестроениях, которые приключились в XVII веке. И из живших в XX, XIX, XVIII веках. И достижения его ничьи – никому не понадобились.

То, до чего додумались в XVII веке, сегодня пригодиться не может – причины можно перечислять годами.

Отменить парламентаризм и демократию, изъять их из жизни – невозможно. Пусть и будут. Общественная палата ничем не отличается от Верховного совета. Значение мест для говорения слов постепенно будет истаивать, а ответственность за решения будет прилипать к тем, кто проявил решимость.

Качество управления (проще говоря, менеджмента), зависит исключительно от состояния человековедения и гуманитарного дела.

Эти простые мысли всё равно поместятся в головах людей, полагающих, что стратегии вырабатывают силой ума.

Игорь Николаевич Кузнецов

ОКОЛО ОКИ

XVII ВЕК, ПРИНЯТЫЙ ЗА ОСНОВУ

Издательство

Памятники исторической мысли

Валентиновка, улица Надежды к.к., 10/1

Сдано в набор: 11.01.2021;
ф-т 60×90 ¹/₈; п. л.: 66,011447721765;
усл п. л., приведённых к ф-ту 60×90 ¹/₈: 66,9;
бумага мелованная матовая; печать пороховая

Отпечатано и переплетено в России
Типография «Канцлер»
Ярославль
ул. Полушкина Роща, 16, усадьба 66А